

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА 2001

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА 2001

УДК 34С52.1.4

Рекомендовано к опубликованию

**Редакционно-издательским советом
ГУ ВНИИ МВД РОССИИ**

Редакционная коллегия:

**А. Л. Ситковский (ответственный редактор),
М. М. Бабаев, Э. У. Бицадзе (ответственный секретарь),
С. И. Винокуров, Ю. Н. Мазаев, А. Д. Шестак, М. В. Фортунч.**

**Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2001.
- с.280**

Рассматриваются актуальные проблемы современного состояния преступности и общества, борьбы с отдельными видами преступлений. На материалах проведенных социально – криминологических исследований выдвигаются предложения по совершенствованию предупредительной деятельности органов внутренних дел

УДК 34С52.1.4.

©Государственное учреждение Всероссийский научно - исследовательский институт
МВД России, 2001

**М.М.Бабаев,
доктор юридических наук,
профессор**

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА.¹

Преступность любой страны представляет собой естественную составную часть мировых, глобальных процессов преступности. Это социальная болезнь всего человечества, а не отдельных его этнических либо иных групп, населяющих какую-то неблагополучную территорию. Попытки осмыслить и оценить свою, национальную преступность вне контекста мировых криминальных процессов, вне информации о том, что в этом смысле происходит в других странах, - такие попытки априори лишаются серьезной научно-познавательной ценности.

Эти мысли могут показаться слишком простыми, даже элементарными, общеизвестными. Между тем, по меньшей мере два обстоятельства побуждают именно так начать изложение.

Во-первых, сказанное выше, вопреки широко распространенному среди наших специалистов мнению, относится вовсе не только к “отсталой” России и другим странам, которые отнесены к разряду развивающихся. Не менее важна соответствующая информация и для наших коллег-криминологов, работающих в наиболее развитых государствах мира (впрочем, вернее было бы сказать - в государствах любого уровня развития).

Между тем, как представляется, есть основания сомневаться в том, что достаточно широкий круг специалистов Европы и Америки, профессионально занимающийся анализом преступности, реально представляет себе действительную картину криминальных процессов, а также состояние научной криминологической мысли в современной России. Вот почему следует считать полезной любую попытку донести до наших коллег такую информацию, помочь им тем самым получить ее в свое распоряжение, а заодно, может быть, и скорректировать свое видение российской крими-

¹Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 00-06-80098)

нальной реальности. Пусть не прозвучит это слишком торжественно, но сказанное можно рассматривать как посильное выполнение нашего долга перед дружеским международным научным сообществом.

Во-вторых, надо обязательно напомнить об обстоятельстве, связанном с прошлым нашей страны и особенностями развития в ней научной мысли. Дело в том, что к пониманию и открытому признанию тех положений, которые остальному миру были ясны уже очень давно, российские (советские) специалисты шли долгих семь десятилетий. Должны были созреть совершенно новые условия, чтобы стало возможно преодолеть классовый, политизированный подход к трактовке преступности и ее причин, свойственный марксистско-ленинской правовой теории.

Идея исключительности социализма, господствовавшая и в криминологической науке и выведившая социалистические государства из сферы действия законов, которые в действительности значимы для любого общественного строя, — эта идея освобождала советских правоведов от необходимости следить за достижениями зарубежной научной мысли, практики противодействия преступности, изучать накопленный в мире опыт и хотя бы в какой-то степени опираться на него в своей собственной работе. Характерно, что абсолютное большинство наших специалистов старшего поколения (в том числе и во всех остальных отношениях прекрасно подготовленных профессионалов) не только не стремилось изучать иностранные языки, но и не испытывало в этом никакой потребности, тем более, что контакты с зарубежными коллегами были либо чрезвычайной редкостью, либо вообще исключались.

В итоге в течение множества лет мы были фактически оторваны от корней мировой науки и практики борьбы с преступностью. Поэтому чаще всего и вынуждены в лучшем случае всякий раз пытаться “изобрести велосипед”, а в худшем наткнуться на огромные трудности, терпеть неудачи и преодолевать препятствия, от которых при разумном подходе можно было бы вообще избавиться.

Парадокс: подчас должны произойти великие преобразования для того, чтобы пришло, наконец, понимание достаточно простых и естественных человеческих истин.

Известные всему миру процессы перестройки дали старт формированию не только принципиально новых политических и экономических условий жизни страны. Начали меняться мировоззренческие взгляды ученых, фундаментальные, базовые позиции общественных наук, касающиеся объяснения и оценки реальной действительности во всех ее конкретных проявлениях. Сказанное полностью относится к позициям российской криминологической науки и ее новым подходам к объяснению преступности, ее причин, характера и темпов ее изменения и т.д.

В частности, возникло четкое понимание того, что ход развития в нашей стране находится под мощным воздействием всех процессов, всех глобальных социальных изменений, происходящих в мире. Мы впервые начинаем осознавать себя как неотъемлемую часть этих глобальных процессов, на которую в значительной мере распространяются общие закономерности динамики социума. Между тем, социальные и, в частности, криминологические последствия названных процессов оказываются неоднозначными, т.е. не только позитивными, но и негативными. Таким образом, в силу сказанного выше, мы в нашей стране все более остро сталкиваемся с теми формами преступности и теми ее источниками, с которыми уже хорошо знакомы страны, опередившие нас по уровню развития.

Новые подходы диктуют необходимость ставить и решать новые теоретические вопросы, имеющие к тому же и реальное прикладное, практическое значение.

В русле избранной темы один из таких вопросов можно сформулировать следующим образом. Если исходить из того, что преступность по своей природе есть феномен глобального характера, то каким должен быть подход к оценке сущности криминальных процессов в одном отдельно взятом государстве, например, в России? В частности, что именно является

основным, определяющим в ней: общее (т.е. присущее примерно в равной степени и преступности любого иного государства), или же особенное (т.е. специфическое, производное от национального и иного своеобразия общества, его “индивидуальности”)? При этом следует сделать одну, но очень важную, оговорку. Каким бы ни был ответ, что именно бы мы ни поставили на первое место, речь ни в коем случае не идет (и не может идти!) о том, что либо общее, либо особенное станет рассматриваться как второстепенное, менее значимое, менее актуальное, и ему допустимо уделять не столь большое внимание. Известно, что применительно к преступности и факторам криминогенного влияния вообще не может быть ничего заведомо второстепенного. Стоит только податься соблазнительной идее ранжирования в данной сфере и соответственного распределения внимания государства, общества и их институтов, как заблуждение незамедлительно начнет мстить ростом преступности и умножением связанных с нею потерь.

С этой оговоркой вернемся к теоретическому вопросу о том, что является в преступности основным, определяющим ее суть: общее или специфическое?

Ответ, на мой взгляд, однозначен. Ведущим, определяющим началом, вопреки марксистским догмам было, есть и будет общее, т.е. все то, что так или иначе связано с системой общечеловеческих ценностей.

Именно эти ценности представляют собой объект охраны для большинства норм уголовного законодательства. Соответственно посягательства на эти ценности в первую очередь признаются уголовно наказуемыми. Надо подчеркнуть, что поворот лицом к общечеловеческим ценностям, требующим защиты, стал главным направлением изменений, которым весьма существенно подверглось российское уголовное законодательства, можно сказать, смыслом и целью таких изменений.

Новый Уголовный кодекс России, вступивший в действие 1 января 1997 г., наглядно подтверждает эту мысль. Анализ этого правового документа (не только его достоинств, но и недостатков, от которых он, увы, не

свободен) не входит в мою задачу. Однако не сомневаюсь, что он в целом вполне отвечает принципам, закрепленным в документах ООН, и с уважением будет воспринят зарубежными юристами, интересующимися положением дел в России.

Подобный поворот произошел в силу многих причин. И в том числе потому, что мы все более ощущаем многосторонние связи преступности с глобальными проблемами, волнующими все человечество. При всех различиях в экономической, социальной, духовной сферах жизни разных стран криминальная ситуация в них, состояние, структура, динамика преступности во многом совпадают. Происходит по некоторым существенным параметрам своего рода интернационализация, глобализация преступности. Важно подчеркнуть: это характерно для наиболее опасных ее проявлений, в том числе и транснациональных. В разных странах формируются во многом сходные новые формы преступлений, наблюдается некое единство в “модернизации” организованной преступности, в частности распространяется рэкет, увеличиваются масштабы наркобизнеса, все больше совершается так называемых “чудовищных” преступлений насильственного характера. Имеется много общего в криминальных аспектах молодежной субкультуры, в связях преступности с пьянством, социальным паразитизмом, проституцией, другими негативными явлениями. Активно действующие преступники из разных стран стремятся к выходу на международную арену и это им нередко удается сделать. Иными словами, приходится констатировать своеобразное единство мира и по этим удручающим признакам. Консолидируются не только силы добра, но и силы зла. Давно отмечено, что открытие границ для обмена позитивными ценностями, к сожалению, сопровождается усилением циркуляции в мире всего того, что порицается как правовыми установлениями, так и моралью.

Причем, чем глубже идет процесс, превращающий Россию в действительно открытое общество, тем реальнее будут давать себя знать и теневые аспекты названного весьма прогрессивного процесса. Осознавая это,

наша страна все более активно ищет пути к расширению международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью и предупреждения преступлений.

Итак, определяя сущность преступности, мы должны делать основной акцент не на особом, а на общем. Но, как уже подчеркивалось, это ни в малейшем смысле не должно означать, что допустимо игнорировать или недооценивать значимость особенного. Без анализа специфического в преступности нельзя вообще понять и познать этот феномен, не стоит и надеяться даже на минимальный эффект в борьбе с криминальными проявлениями.

В чем состоит эта специфика, какова ее мера, чем определяется “национальное лицо” преступности? Ответ на эти вопросы, очевидно, достаточно ясен для специалистов и не требует развернутой аргументации. Достаточно сказать об особенностях социального и политического устройства общества и государства, о национальных, религиозных и иных социально-психологических традициях, обычаях, о складывающихся на их основе и разделяемых большинством населения нормах поведения и т.д. Добавим, что каждая страна имеет свое законодательство, свои традиции в уголовной политике, свой исторический опыт борьбы с преступностью, свои общественные и государственные институты, противостоящие этому злу. Более того, при всей схожести большинства негативных стимулов, толкающих людей в самых разных странах на совершение преступлений, конкретные формы проявления тех или иных криминогенных факторов оказываются зачастую далеко не идентичными. Таков далеко не полный перечень обстоятельств, своеобразно “окрашивающих” механизмы человеческого поведения, в том числе и поведения, нарушающего уголовные законы.

В каком соотношении находятся между собой общее (интернациональное) и специфическое (национальное) в характеристике преступности той или иной страны? На этот вопрос нет и, на мой взгляд, не может быть однозначного ответа. Соотношение это, определяемое сложным комплек-

сом переменных величин, само неизбежно оказывается изменчивым. И прежде всего оно исторически изменчиво. Чтобы пояснить эту мысль, сошлюсь еще на один источник формирования различного рода особенностей, характеризующих национальную самобытность преступности. Причем, речь пойдет об обстоятельствах, которые, пожалуй, в наибольшей степени относятся к современной России.

Дело в том, что на том или ином этапе развития общества относительно стабильные процессы меняют свой характер, в ряде случаев превращаясь из нормальных в патологические, особенно когда отклонения от социальной нормы растягиваются во времени. Общество входит в фазу кризиса, и это накладывает свой жесткий отпечаток на все наиболее значимые явления и процессы жизни и поведения людей. В результате возникает ситуация, в которой речь уже идет не только (а подчас и не столько) о различиях между, скажем, российской и американской преступностью, а о различиях между криминальными ситуациями кризисного и стабильного общества. Понятно, что в таких условиях заметно вырастает удельный вес специфического, не похожего на то, что имеет место в криминальных процессах других, стабильно развивающихся стран.

К сказанному следует добавить, что особенности национальной психологии, обычаев, традиций и т.п. накладывают свой оригинальный отпечаток не только на характер и формы преступного поведения, но и на деятельность в сфере борьбы с преступностью. Соответствующие особенности в неменьшей, если не в большей, степени свойственны методам работы полиции (милиции) со свидетелями и потерпевшими, способам розыска преступника, мерам предупреждения преступлений и иных правонарушений, методам работы с преступниками в процессе отбывания ими уголовного наказания, а также контроля за поведением тех, кто это наказание уже отбыл и проходит процесс перевоспитания.

Мы остановились на некоторых наиболее общих характеристиках нашего современного подхода к оценке природы преступности как гло-

бального социального явления, к пониманию сущности преступного поведения: именно этот подход предопределяет исходные позиции анализа реального состояния преступности в России, ее динамики, позволяет сделать обоснованные оценки ее прошлого, настоящего и будущего, сопоставить ситуацию в нашей стране с тем, что происходит в других странах.

Как известно, Россия переживает сейчас один из драматических периодов своей истории, сделав выбор в пользу концепций развития, которыми руководствуются передовые страны современного мира. Этот выбор предопределил и сложнейшие кризисные социальные процессы, и уже состоявшиеся перемены к лучшему, и нашу уверенность в будущем, и острейшую вспышку преступности.

Если бы в основе социального выбора лежал уровень уголовной преступности, то приоритеты такого выбора были бы очевидными. В действительности же все глубже и сложнее. Во-первых, человеческое существование прежде всего определяется экономическим и политическим развитием, а не его криминологическим следствием. Во-вторых, относительно низкий уровень уголовной преступности в коммунистических режимах - не результат их благородной сути. В-третьих, низкий уровень уголовной преступности в тоталитарных государствах с лихвой компенсируется политической преступностью властей против своего народа.

История показывает, что самой эффективной формой социального контроля может быть полицейский тотальный контроль. Но сам он - не что иное, как некриминализованное злоупотребление властей против своего народа. А жертвы таких злоупотреблений в соответствии с документами ООН приравниваются к жертвам преступлений. Преступления властей против народа многократно компенсируют низкий уровень уголовной преступности в авторитарных режимах. Не случайно между политическими репрессиями и уголовной преступностью существует тесная обратная корреляционная зависимость.

Итак, человеческое общество в XX столетии оказалось в своего рода криминальном капкане: в условиях демократии, рыночной экономики оно не справляется с интенсивно растущей и динамично приспособляющейся к новым возможностям уголовной преступностью; в условиях тоталитаризма, командной экономики и всемогущих правоохранительных органов государство способно удержать уголовную преступность под контролем, но лишь такими методами, которые намного опаснее ее самой.

Эти идеи для нашей страны стали особо актуальными в переживаемый нами период перехода общества к рыночной экономике, демократии и свободе. Они злободневны и для других посткоммунистических стран, встающих на аналогичный путь. Независимо от их исторических и национальных особенностей, во всех этих странах фиксируется интенсивный рост преступности. Ее уровень стремительно приближается к показателям большинства стран с давними традициями рыночных отношений, где, как известно, преступность достаточно высока.

Итак, на уровень регистрируемой преступности в России в последние годы влияли два мощных фактора: 1) противоречивый, медленный, но неизбежный и закономерный переход к рыночной экономике; 2) сорокалетнее стихийное, а в перестроечный и реформенный период управляемое разрушение прежнего тотального контроля без достаточного создания новых форм демократического социального контроля за преступностью.

Эти факторы находятся друг с другом в сложной взаимосвязи и взаимозависимости. С одной стороны, рыночная экономика практически невозможна в условиях тотального контроля, с другой - разрушение государственного контроля за преступностью не является обязательным условием становления рыночной экономики.

Поэтому можно сказать, что в разрушении прежнего социального контроля виновата не столько рыночная экономика, сколько импульсивная политика, в которой революционные подходы до сих пор преобладают над эволюционными. Хотя становится все более очевидным, что лишь эволю-

ция является надежным способом изменения политической, социальной и экономической реальности.

И тем не менее на непростой вопрос: связан ли процесс интенсивной криминализации общественных отношений в России с переходом к рыночной экономике, свободе и демократии, нет однозначного ответа. Рост преступности связан с переходом к рынку в той мере, в какой экономическая и политическая свобода облегчают совершение преступлений. И это универсальное условие действует в различных странах, а не только в России. Нельзя не согласиться с Ф. Адлер, которая считает, что “стоимость преступности - цена нашей свободы”.

Рыночная экономика требует дисциплины и порядка. Многим же нашим специалистам казалось и кажется, что рынок все сам расставит по своим местам. Возможности рыночного саморегулирования не распространяются на контроль за преступностью. Если бы это было иначе, в странах с многовековыми традициями рыночной экономики проблемы преступности давно были бы решены, что как известно, далеко не так.

При всей сложности криминологической обстановки в России, она не является катастрофической. Объективный научный подход позволяет оценивать уровень преступности и ее реальные (к сожалению, неблагоприятные) тенденции как факты безусловно тревожные, но не экстраординарные.¹ Особенно, если сопоставить коэффициенты преступности в России и в ряде развитых государств Запада.

Отдельного анализа заслуживает такая сложнейшая проблема как организованная преступность и ее распространенность в России, каналы и масштабы проникновения за рубеж российской криминальной “элиты”. В рамках данного материала нет возможности сколько-нибудь подробно коснуться этой темы. Попытаюсь высказать свои суждения только по вопросу, который достаточно оживленно обсуждается в зарубежной прессе и

¹ Более подробно об этом см. Бабаев М.М., Крутер М.С. Современная криминологическая ситуация в России и проблемы ее изучения и оценки, - Уголовное право, № 2, 2000 г.

профессионалами-юристами, и публицистами. Обобщая, можно сформулировать его следующим образом: действительно ли “русская мафия” угрожает миру?

Разрушение мировой социалистической системы породило мощную волну новых видов криминального поведения, которых Россия прежде не знала и, - самое главное, - к противодействию которым была совершенно не подготовлена. Транснациональная организованная преступность стала самой опасной из них.

По спокойном размышлении, нет ничего удивительного в появлении, сравнительно быстром “накачивании мускулов” российской организованной преступности и, наконец, в том, что некоторые ее представители довольно легко перенесли поле своей преступной деятельности за рубежи нашей страны. Профессиональные преступники с большим опытом “руководящей работы” в криминальных кланах, со связями в структурах власти и правоохранения были в России (как и в большинстве других стран) всегда. Нашлись и молодые “волки” с крепкими клыками, у которых отсутствие опыта и авторитета компенсировалось мощной хваткой, наглостью, готовностью ради наживы презреть любые моральные нормы и любые законы, начиная от законов преступного мира и кончая законами чужого государства.

Экспансия российской преступности за рубеж началась естественно, с “освоения” хорошо знакомых территорий: новых самостоятельных государств - бывших республик Советского Союза, а далее - стран, принадлежавших к бывшему социалистическому лагерю. И уже затем, - причем, в несоизмеримо меньших масштабах, - спецслужбы Запада зафиксировали проникновение на свои территории преступников российского происхождения.

Ряд объективных и субъективных факторов мешают нашей стране организовать эффективную борьбу с этим международным злом, энергично

разрушать транснациональные связи российских и зарубежных преступников. Наиболее существенные из этих факторов:

- недостаток опыта, отсутствие апробированной и адаптированной к нашим условиям системы противодействия таким преступлениям;

- ограниченность ресурсов (прежде всего - финансовых), которые следовало бы направить в эту сферу;

- коррумпированность многих чиновников, снижающая общую активность и заинтересованность властных структур в осуществлении конкретных акций воздействия на организованную преступность;

- отсутствие надежной правовой основы для обеспечения полномасштабной деятельности, направленной на предупреждение транснациональных преступных действий и реальное наказание преступников;

- недостаток специализированных кадров в соответствующих подразделениях правоохранительных органов, владеющих современными методами противодействия организованной преступности, способных вести свою работу на уровне достижений мирового опыта борьбы с транснациональной преступностью;

- явно недостаточный уровень обеспеченности современной техникой и технологией как службы в целом, так и отдельных сотрудников.

Из сказанного следует, что, с одной стороны, в течение еще достаточно продолжительного времени правоохранительная система России не будет в состоянии самостоятельно преодолеть существующие трудности и усовершенствовать деятельность по борьбе с организованной преступностью настолько, чтобы по этому критерию встать на один уровень с передовыми государствами Запада. С другой же стороны, российская организованная преступность, скорее всего, воспользуется такой ситуацией с пользой для себя и времени даром терять не станет.

Все это вместе надо безусловно рассматривать как одну из серьезных потенциальных угроз криминологической безопасности, причем, не только России.

В этом же, на первый взгляд, состоит и принципиальная сущность ответа на поставленный выше вопрос: действительно ли русская “мафия” угрожает миру? Между тем, подобное утверждение есть не весь ответ, а лишь половина ответа на этот вопрос, а потому и не точный ответ.

Чтобы приблизиться к истине, надо, по моему мнению, уточнить, каковы масштабы угрозы? Ответ же на этот вопрос гораздо более сложен и явно не однозначен.

Важно заметить, что наша сторона ни в какой мере не заинтересована и не намерена преуменьшать серьезность и сложность криминальной ситуации в России, не склонна закрывать глаза на опасность проникновения российской организованной преступности в другие страны.

Но, думается, не только мы, но и наши зарубежные коллеги и официальные круги Запада нуждаются в объективной, без налета дешевой сенсационности, оценке истинных масштабов экспорта преступности из России.

Сразу скажем, что точными данными на этот счет не располагают российские правоохранительные службы. И у нас, откровенно говоря, нет уверенности, что такие данные есть у официальных лиц или ученых в США, Швеции, Германии, Израиле или других государствах, куда дотягивается рука российской “мафии”.

Между тем, представляется, что в западных публикациях, посвященных как “внутренней” преступности в нашей стране, так и участию российских криминальных структур в транснациональной преступности, допускаются нередко заведомые преувеличения. Кстати сказать, и у многих российских журналистов давно уже стало модным рисовать картину преступности только густыми черными красками, соревнуясь в изобретении наиболее устрашающих эпитетов и ужасающих обобщений.

Вряд ли можно согласиться с тем, что российские представители криминального мира в любой из западных стран сколько-нибудь реально дестабилизируют социальную обстановку, экономические отношения, что их действия занимают существенную долю в общем массиве преступности.

Трудно согласиться и с тем, что по своим масштабам преступность выходцев из России в любой стране, особенно в США, существенно отличается от преступности иных этнических криминальных группировок. Не думаю также, что и в смысле тех или иных негативных процессов, которые детерминируют организованную преступность, создают благоприятную почву для ее активного продвижения за рубежи страны, - Россия слишком “оригинальна” или, тем более, - уникальна. Вряд ли она может “похвастаться” тем, чего нет в какой-либо иной стране.

Нельзя также считать, что международные криминальные процессы - это дорога с односторонним движением, по которой зло из России экспортируется за рубеж. Достаточно сказать о незаконном ввозе в Россию наркотиков, о криминальных поставках оружия на территорию России (в частности, в Чечню), о немалом числе российских бизнесменов, пострадавших от криминальных действий бизнесменов-иностранцев и т.д.

Вот почему следует весьма критически оценивать публикации, в которых российская “мафия” предстает в виде некоего гигантского монстра, пожирающего западную цивилизацию и подрывающего базовые устои функционирования основных институтов западного сообщества. Внешне эффектные, снабженные вместо объективных доказательств случайным набором иллюстраций, рассчитанные на непрофессионалов или просто на обывателей, подобные формулировки не только не выдерживают серьезного научного анализа. Такие ситуации формируют образ врага, который почти неизбежно переносится на все, что вообще связано с Россией, с русскими людьми. Так могут возникнуть и набрать силу волны ненависти и истерии. Но эти чувства деструктивны. Они направлены не на созидание, а на разрушение, ведут к крайностям к почти всегда переливаются через край. Край же этот есть справедливость, объективность, за границы которых переступать недопустимо.

Истерия и ненависть могут быть только помехой в деле борьбы с опасными формами преступности, ибо они мешают поиску рациональных,

взвешенных, профессионально точных решений, которые более всего нужны именно здесь, в сфере наисложнейших проблемных ситуаций. Иными словами, нагнетание истерии и ненависти, на мой взгляд, способствует не устранению, а скорее в конечном счете усилению той угрозы, против которой эти эмоции направлены.

Итак, высказанные соображения сводятся к тому, что наша общая озабоченность сложившейся ситуацией должна продиктовать трезвый, непредвзятый, истинно профессиональный подход к анализу и оценке того действительного места, которое преступность выходцев из России занимает в общей преступности соответственно любой другой страны.

Исходный тезис о необходимости рассматривать национальную преступность и все, что с нею связано, в контексте мировых процессов рождает целый ряд важных для теории и практики следствий. В данном случае еще раз подчеркиваем: борьба с этим злом может быть по-настоящему эффективной в той мере, в какой она будет по наиболее существенным направлениям деятельностью, координированной в международном масштабе. Регионально замкнутые программы заведомо обречены на неуспех (по аналогии с экологическими программами). Они безнадежны, ибо не способны преодолеть свою провинциальную ограниченность.

Как уже было сказано, на российских (а ранее советских) юристах лежит доля ответственности за высокомерное неприятие любого “буржуазного” опыта и науки - “верной прислужницы империализма”. Сегодня мы осуждаем это глупое высокомерие. Но не является ли зеркальным его отражением нынешнее вежливо - пренебрежительное к научным разработкам и практике борьбы с преступностью в развивающихся странах со стороны ученых и большинства практиков западных государств?

За последние годы мы стали лучше понимать друг друга. Уже одно это является хорошей предпосылкой успешного сотрудничества. Но надо сказать и большее. Для такого сотрудничества существует еще одна очень важная объективная предпосылка. Она состоит в том, что когда речь идет о

противостоянии преступности, между странами цивилизованного мира, между правоохрнительными системами различных государств не существует конкуренции целей. Потому, что нет, и не может быть обособленных, эгоистических национальных интересов там, где набирает силу транснациональная преступность, где ее мощно подкрепляют те криминальные процессы, которые пока не выходят за пределы одной страны.

Серьезные специалисты, чуждые политической ангажированности, хорошо понимают, что сегодня проблема национальной криминологической безопасности имеет существенную международную составляющую. Причем, чем более глубокими становятся процессы глобальной интеграции на всех уровнях (от межгосударственного до индивидуального), тем в большей степени проблемы национальной криминологической безопасности превращаются одновременно и в межнациональные. Соответственно должно углубляться понимание того, что помощь, например, России со стороны США в решении ее внутренних проблем борьбы с преступностью, есть для США одновременно и забота о собственной криминологической безопасности. То же самое относится и к России, когда речь идет о ее усилиях содействовать более эффективной работе по борьбе с преступностью в США и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

В хаосе современного беспокойного мира настоящую надежду на спокойствие, порядок, безопасность дает только осознание того, что ты не одинок и не изолирован, что есть те, с кем можно соединить усилия и рассчитывать на взаимопонимание, рождающее совместные действия. Обмен мнениями между нами взаимно обогатит нас в конструктивном плане, позволит ознакомиться, а затем и воспользоваться ценным практическим опытом зарубежных коллег, поможет нам лучше согласовать усилия в сложной многогранной деятельности по предупреждению преступности.

Впрочем, не сомневаюсь, и Россия имеет то, что может реально привлечь внимание западных специалистов. В подтверждение сошлюсь лишь на одно обстоятельство.

В советское время мы имели систему предупреждения преступлений, которая (при всех ее недостатках и слабостях) во многих ее компонентах признавалась в мире достойной подражания и повторения.

Прежней системы нет. Но остался опыт, который не устарел, есть готовые к воплощению идеи. Их ни в коем случае нельзя предать забвению. Тщательно и заботливо их следует отобрать, осмыслить, каким образом они могут быть реализованы в новых условиях. Это будет полезно не только для российского общества. Вполне возможно, что определенные наши наработки заинтересуют и специалистов других государств (не только развивающихся). Нужна добрая воля, непредвзятость и уважительное отношение к опыту и знаниям зарубежных коллег.

Межгосударственному “обороту” криминала надо противопоставить межгосударственный оборот информации и опыта борьбы с этим глобальным злом. Национальный опыт должен стать международным, а международный - национальным. Только так могут открыться новые перспективы.

Чем быстрее, несмотря на усилия мирового сообщества, растут масштабы преступности, тем более энергичны должны быть наши действия. Каждый новый круг международного сотрудничества предоставляет новые возможности и рождает новые надежды.

Ю.Н. Мазаев,
кандидат философских наук

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ НА РУБЕЖЕ ХХІ ВЕКА

Анализ результатов социологических опросов, проведенных в 1990-2000 гг. позволяет выявить несколько важных направлений изменений ценностных ориентаций массового сознания.¹

Прежде всего, это адаптация к новым политическим и экономическим условиям. После четырех лет радикальных реформ произошло значительное изменение в патерналистских настроениях населения. Около 70-80% стали надеяться в жизни только на себя и свою семью. Жесткие условия выживания повысили социальную активность большинства россиян, направив развитие социальных взаимосвязей в русло саморегуляции.

Другим важным изменением ценностной ориентации населения является признание самооценности личности, ее прав и свобод. Самое главное в жизни, по мнению подавляющего большинства опрошиваемого населения (около 80%) – это ощущать себя свободным человеком, а не работником государства. Только свободный и полноправный гражданин может быть полезным и ответственным членом общества.

Уходят на второй план, но, вместе с тем, еще достаточно сильны ориентации на “жесткую руку” и предписанный порядок жизни (30-40%), отражающий плебисцитарный тип отечественной демократии. Несмотря на “утопическую” притягательность идей “всеобщего равенства” (60%), в массовом сознании начинают доминировать идеалы общества, в котором человека чтят, в значительной мере, по его заслугам (95%).

Произошли кардинальные изменения и в житейских ценностях. При выборе трех наиболее важных условий для благополучной, счастливой жизни 65-70% россиян предпочитают хорошее здоровье, материальный достаток, крепкую семью.

¹ Наряду с результатами исследований, проведенных под руководством автора, в анализе обобщены данные исследований НИИ МВД РФ, ВЦИОМ, ИСПИ РАН, ИС РАН, ИСПЭН РАН и других социологических институтов и центров.

Даже у молодежи вектор ценности социального общения меняется. Доминирующее место в нем теперь принадлежит семье (ранее - 1990г. - первое место занимали сверстники).

Вместе с тем, исследования показывают, что в иерархии ценностей материальное благополучие начинает доминировать над всем остальным. Часть людей (больше это характерно для молодежи) заражается стереотипами “легкой жизни”. Около 40% молодых людей одобрительно относятся к стремлению “делать деньги” любой ценой, даже в обход закона, а около 60% согласны, что “сегодня нет нечестных способов делать деньги, есть только легкие и трудные пути”.

Социальное поведение людей все более и более определяется не моральными критериями, а сиюминутными обстоятельствами материальной выгоды. Рыночная идеология в ее извращенной форме “купи-продай” активно внедряется в массовое сознание. Так, около половины опрошиваемого населения безоговорочно согласны с тезисом, что на “рынке нашего отечества” сейчас все продается и покупается”. Признавая злоупотребление властью, оказание услуг по знакомству, взяточничество, явлениями, несомненно, ненормальными, большинство населения считает, что это действенные атрибуты решения личных проблем, своего рода эффективный механизм социального воздействия, как на институциональном, так и межличностном уровнях. На этом фоне наиболее отчетливо выступает обесценивание такого некогда важного элемента социальных отношений, как “уважение окружающих”. На этот элемент нравственных отношений население сегодняшней России практически не ориентируется.

Все отчетливее проявляется тенденция нравственного нигилизма: неуважение к закону, праву, общепринятым социальным нормам. Только каждый четвертый россиянин считает, что представителю закона (работнику милиции) следует подчиниться безоговорочно по первому его требованию. Значительная часть населения не собирается слепо следовать существующему законодательству.

Активно проступает тенденция “поиска врага”, виновного, на которого можно свалить тяжесть нравственной ответственности за житейские невзгоды. Люди склонны обвинять государство, правительство, партии, персонифицированных представителей власть предержащих, нежели себя самих. В этой связи они выдвигают завышенные требования к окружающим и снисходительны, а порой беспринципны, к своему антисоциальному поведению.

В последние годы существенно меняется и мотивация трудовой деятельности. На первое место выдвигаются экономические мотиваторы: расчет, ориентация на эффективность, материальный интерес, в противовес содержанию, привлекательности работы, ее общественной значимости. Причем, более половины респондентов не связывают улучшение своего материального благосостояния с повышением интенсивности и качества своего труда.

Требуется социального осмысления феноменов легкого перехода атеистов в верующие, коммунистов в демократы, противников тоталитаризма в создателей его новых форм.

Очевидно, что гуманизация гражданского общества, предполагает всеобщее нравственное совершенствование общества. Народ сам, путем практического осмысления жизненных процессов вырабатывает свою духовность. Сейчас же важно заполнить образовавшийся вакуум не суррогатом, а мыслями и настроениями, соответствующими обновленному пониманию добра, справедливости, свободы, осознать свой гражданский долг в совершенствовании самих себя в соответствии с духовно-нравственными ориентациями.

С.Л. Киселев,
доктор юридических наук

В ПРЕСТУПНОСТИ¹

Тенденции, складывающиеся в преступности в глобальном масштабе, говорят о достаточно высоких темпах прироста зарегистрированных преступлений в Российской Федерации, по сравнению с такими индустриально развитыми странами, как США, Великобритания, Германия, Япония и Швеция.

Однако если сравнивать коэффициенты преступности, то у России, по сравнению с другими странами картина данного негативного социально-правового явления выглядит гораздо предпочтительнее: указанный коэффициент в нашей стране меньше в 2-10 раз.

Наряду с увеличением в будущем экономического потенциала, преступность в России, как неотъемлемая часть социальной жизни, будет повторять те тенденции, которые складываются в настоящее время в индустриально-развитых странах. Поэтому включение нашей страны в мировое сообщество не сулит нам только положительные сдвиги.

В преступности стран дальнего зарубежья, объединенных в многочисленные экономические и политические союзы, наблюдаются процессы сокращения темпов роста. Следует сказать, что данная ситуация имеет место, как указывалось выше, при достаточно высоких коэффициентах преступности. В России в то же самое время наблюдается несколько другая картина. Здесь темпы прироста за последние пять лет превосходят зарубежные аналоги при сравнительно низких коэффициентах преступности. Это свидетельствует только об одном - режим «насыщения» преступностью в нашей стране еще не достигнут.

Как показывают современные исследования, процесс достижения указанного режима не приведет в социальной жизни к катастрофическим

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 00-06-80098)

последствиям для государства, если соответствующий показатель не превысит величину в 5,6% от всего населения страны.¹

В этой связи возникает законный вопрос - коль скоро весь уровень геофизического воздействия является глобальным для всех государств планеты, чем тогда вызваны достаточно разные темпы роста преступности в различных регионах?

Преыдушие результаты исследования, предпринятые автором, показывают, что уровень геофизического воздействия в регионах, приближенных к полюсам, значительно выше, чем в экваториальных областях. Этот факт является основным в объяснении механизма воздействия указанных явлений на преступность. Поэтому более значительные геофизические динамические процессы, свойственные именно нашему региону, т.е. Российской Федерации, будут вызывать соответствующие активационные явления в преступности.

Иными словами, чем более энергичными оказываются суточные, ежемесячные, сезонные, а также годовые вариации солнечной и геомагнитной активности, тем заметнее динамика роста или спада, как всей преступности, так и отдельно взятых преступлений.

Для обоснования данного утверждения имеет смысл сравнить темпы прироста преступности в европейских странах с аналогичными параметрами в нашей стране. Основная масса данных говорит о том, что темпы роста в нашей стране обгоняют соответствующие показатели в других рассматриваемых странах. Причем, как уже подчеркивалось, коэффициенты преступности в указанных странах значительно больше, чем у нас.

Принимая во внимание хорошую аппроксимацию динамики преступности в нашей стране экспоненциальными зависимостями, можно сделать вывод о том, что процесс нарастания преступности в нашей стране, а также во всех других странах будет подчиняться определенному закону, который можно представить в виде гиперболического тангенса:

¹ Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. - М.: Гелва, 1997.

$$y = \operatorname{th} x = \frac{e^x - e^{-x}}{e^x + e^{-x}}$$

где x - время, а y - количество зарегистрированных преступлений.

Данное аналитическое выражение показывает только характер изменения динамики преступности. А для того, чтобы получить более адекватное математическое выражение, следует провести определенные преобразования, которые, в конце концов, представят искомую зависимость в следующем виде:

$$\Pi = a \frac{e^{t-c} - e^{-(t-c)}}{e^{t-c} + e^{-(t-c)}} + b, \text{ ед.}$$

где a , b , c - некоторые постоянные величины, размерность a , b - ед., c - ед. времени; Π - количество зарегистрированных преступлений, ед.; t - текущее время. (см. рис.1)

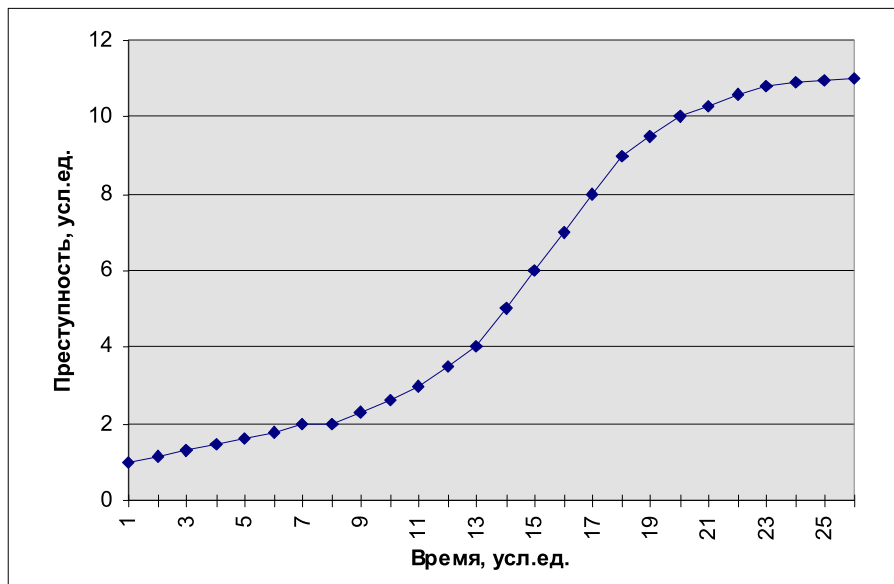

Рис.1 Динамика преступности

Подобный характер зависимости объясняется механизмом реакции человеческого организма на изменяющиеся условия существования. Первый этап рассматриваемого процесса характеризуется относительно незначительным ростом количества преступлений по отношению к соответ-

вующему накоплению геофизического воздействия, происходящему за определенный промежуток времени.

По мере накопления геофизического воздействия происходит существенное увеличение количества преступлений за счет возрастания темпов роста. Дальнейшее увеличение (накопление) геофизического воздействия не вызывает соответствующего прироста преступлений именно в силу того, что организм человека не способен без определенных, чреватых для него нарушений реагировать на изменяющиеся условия существования.

Однако встречается и другая трактовка динамических процессов в преступности. Так В.В.Лунеев, говоря об общих тенденциях динамики преступности, утверждает, что происходит ее абсолютный и относительный рост. Достаточно разные темпы прироста объясняются в первую очередь многочисленными демографическими факторами, уровнем экономического развития, культуры и т.д.¹ Снижение темпов роста в индустриально развитых странах объясняются им наличием так называемого «порога насыщения» преступностью.

Лунеев В.В. связывает «порог насыщения» преступностью с терпимостью населения к этому негативному социально-правовому явлению. Он объясняет различные уровни преступности (в удельных показателях) особенностями, вызванными привыканием населения. Не исключая данную, сугубо социально-психологическую трактовку реакции общества на преступность, следует предположить, что механизм реагирования на противоправные явления следует дополнить процессами, происходящими на несколько другом уровне.

При этом подходе не следует забывать два следующих момента:

- необходимость учета самого факта гелиогеофизического воздействия на организм человека;

¹ Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993, №5.

- учет механизма воздействия указанных явлений на человека посредством детерминант преступности.

В соответствии с этим следует пересмотреть сам подход к определению так называемого «порога насыщения» преступностью. Или, по крайней мере, не пересмотреть, а дополнить, расширить сущность данного понятия. Речь идет в первую очередь об уровне реакции человеческого организма на изменяющиеся условия существования. Как уже было показано выше, до определенного порогового уровня реакция человеческого организма достаточно адекватна оказанному воздействию.

Здесь и далее под воздействием на организм человека будем подразумевать совокупное влияние гелиогеофизических явлений и процессов. Хотя, подобная реакция будет тождественна и в ответ на воздействия факторов другой природы.

По достижении определенного, свойственного только для данной личности, уровня воздействия наблюдается увеличение таких негативных явлений как тревожность, агрессивность, невозможность выхода из создавшейся ситуации законопослушным способом. Причем до определенного уровня дальнейшее увеличение воздействия будет вызывать пропорциональное увеличение негативных реакций человека.

Начиная с определенного момента, когда характер ответной реакции организма меняется, будет наблюдаться постепенное снижение темпов роста негативных психологических реакций личности. Подобному феномену может быть дано следующее объяснение. Человеческий организм при постоянно растущем внешнем воздействии постепенно снижает ответную реакцию именно в силу своих защитных свойств. Ибо, если он будет реагировать пропорционально все возрастающему воздействию, то могут возникнуть необратимые последствия для самой жизни.

В связи с этим наличие «порога насыщения» преступностью в разных странах вряд ли следует объяснять в полной мере процессами привыкания населения к этому социальному явлению.

Как показано в работе Ли Д.А.¹ со ссылкой на монографии Давыдова А.А.², «количество преступников в конкретном обществе должно составлять 5,6% от общего числа населения, выполняя, таким образом, функцию сохранения его целостности как системы и поддержания необходимого разнообразия, что служит необходимым условием самоорганизации системы.(стр.38)».

Кроме того, Ли Д.А. утверждает, что «если преступность (зарегистрированная - С.К.) в 1997 году останется на прежнем уровне от 1996 года $\pm 5\%$, то совершенно очевидно, что в этом случае налицо умышленное сокрытие данных регистрации реально совершенных преступлений».³

Здесь следует говорить об особенностях реагирования человеческого организма, о его собственных «порогах насыщения», вызванных исключительно особенностями психического статуса личности. Достаточно хорошей иллюстрацией для рассматриваемого подхода являются особенности динамики преступности в Швеции и в СССР за период с 1950 по 1991 год.⁴(См. рис.2)

Для Швеции характерно приближение к «порогу насыщения», что на рис.1 соответствует временному интервалу с 15 по 21 условную единицу, а для СССР, а, следовательно, и для России, достижение указанного порога представляет еще достаточно отдаленную перспективу.

¹ Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. - М.: Гелва, 1997.

² Давыдов А.А. Методическое пособие по измерению структурной дисгармонии социальных систем. М.: ИСАН, 1990.

³ Ли Д.А. Указанное сочинение. С.100.

⁴ Лунеев В.В. Указанное сочинение.(стр.11).

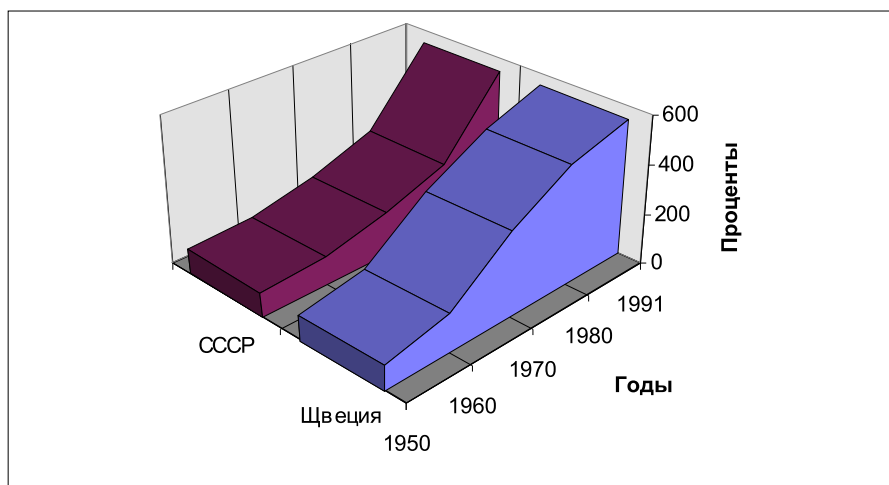

Рис.2 Динамика преступности в СССР и Швеции

Мы еще только приближаемся к отмеченной на рис.1 точке с 15-тым условным номером, что свидетельствует о больших потенциальных возможностях нашего общества породить преступность. Еще не достигнуты "пороги насыщения", определяемые не только возможностями человеческого организма, сколько возможностями "организма" государства.

Глобальность гелиогеофизического воздействия на человеческий организм подразумевает, что величина «заряжающего» воздействия зависит от географической широты, местных магнитных аномалий различного происхождения, а также наличия или отсутствия экранирующих сооружений. Однако с учетом отмеченного автором явления накопления магнитных зарядов, следует принимать во внимание всю предыдущую период жизни той или иной личности. И в первую очередь количество прожитых лет, связанных с вполне определенными циклами солнечной активности. Необходимо учитывать миграционные перемещения человека, особенно с юга на север. Интересно, что факт накопления интересовал и раньше ученых-криминологов. Так Жилинский А.Э., говоря о криминогенной роли миграционных процессов, рекомендовал обращать внимание не на само явление, а на его "теневые стороны" и их *накопление*.¹

¹ Жалинский А.Э. Указ. соч. (С.44).

Явления гелиогеофизического влияния, а также накопления указанного влияния позволяют объяснить достаточно многие социальные явления.

Именно врожденными особенностями объясняются те уровни геофизического воздействия, к которым привыкли, адаптировались жители нашей страны. При этом каждое перемещение в южном направлении оказывает на организм геофизическое воздействие меньшего уровня. Вот почему не следует ожидать повышенной активности от человека, попавшего в среду с меньшими возмущающими факторами. И наоборот, перемещение в северном направлении, т.е. в зону более интенсивного геофизического воздействия, способствует активизации всех жизненно важных процессов в организме человека, а также активизации во всех отраслях его деятельности, в том числе и в противоправной.

Известно, что цикличность солнечной и геомагнитной активности, наряду с одиннадцатилетними периодами, обладает трехлетними, годовыми, месячными и суточными. Все перечисленные периоды активности задают определенный ритм в жизни человека, начиная с чередования дня и ночи, смены времен года и заканчивая не столь заметными, но имеющими не меньшее значение, в рамках солнечных циклов.

В связи с этим человек, постоянно проживающий на одном и том же месте, а особенно, если несколько поколений его предков также проживали в данной местности, привыкает не только к определенному диапазону геофизического воздействия, но и к определенной суточной ритмике.^{1,2,3} Перемещение в другие часовые пояса, как на восток, так и на запад, вызывает, по крайней мере, в первое время, десинхронизацию в работе всего человеческого организма. И, хотя основной процесс адаптации заканчивается достаточно быстро, явления повышенной активности и наоборот ее сниже-

¹ Дубров А.П. Лунные ритмы у человека. М., Медицина, 1990.

² Дубров А.П. Симметрия биоритмов и реактивности. - М., 1989.

³ «Наука и жизнь», №10, 1997. С.38.

ние в нехарактерное для данного часового пояса время будет наблюдаться еще не в одном поколении. Отсюда: если какой-либо человек имеет основания отнести себя к так называемым «совам» или «жаворонкам», то из этого следует, что в данную местность он или его родители, особенно мать, прибыли из другого часового пояса.

Таким образом, повышенная, по отношению к коренному населению, активность в течение суток будет наблюдаться у контингента, прибывшего в данную местность из более южных регионов, а также из находящихся на данной широте и принадлежащих к другим часовым поясам, но уже в определенное время суток. И, как противоположный вариант - пониженная активность в течение суток будет характеризовать лиц, прибывших из северных районов, а также из других часовых поясов в конкретное время суток.

При рассмотрении вновь прибывших из регионов с другим поясным временем будет наблюдаться более сложная картина. В первую очередь, если у них имеются различия в географической широте прежнего места пребывания. В этом случае анализ особенностей миграционного контингента следует проводить комплексно, с учетом, как широты, так и долготы рассматриваемого региона.

А.Д. Шестак,
кандидат юридических наук

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

Причины преступности, как и причины конкретного преступления, всегда были и продолжают оставаться объектом пристального внимания ученых различных отраслей науки и, прежде всего, криминологов. Этот интерес обусловлен целым рядом обстоятельств. «Родимые пятна капитализма» уже ничего не объясняют. Новые социально-экономические и поли-

тико-правовые отношения требуют новых или давно забытых старых объяснений причинности криминального поведения людей.

В криминологической литературе, изданной за последние 10-15 лет, авторы практически не обращаются к понятийному аппарату причин преступности.

Н.Ф. Кузнецова в учебнике «Криминология», опубликованном более 20 лет назад, под причиной преступности понимает «явление (или совокупность взаимосвязанных явлений), которое порождает, производит другое явление, рассматриваемое в этих случаях как следствие».¹

Наиболее полно проблемы причинности правонарушений отражены в работах академика Кудрявцева В.Н. Для уяснения его позиции по этому вопросу, необходимо привести ряд основных положений, высказанных автором. Так, по его мнению, «взаимодействие между причиной и следствием состоит в переносе некоторого количества вещества, энергии или информации. Именно в этом заключается активное действие причины.

Перенос информации – типичное свойство причинности в сфере общественных явлений. Весь процесс нравственного формирования личности, например, протекает в этой форме причинного взаимодействия. Сведения о различных человеческих поступках, о нормах поведения, системе ценностей, о различных событиях текущей действительности усваиваются подростком и взрослым через различные каналы информации и формируют их мировоззрение, психологию, весь внутренний облик».²

Здесь В.Н. Кудрявцев обосновано полагает, что личность и ее внутренний облик формируется путем усвоения информации о реальной жизни общества и его ценностных ориентациях, проявляющихся, в том числе и в поступках конкретного человека. В этой связи и условия жизни играют не последнюю роль.

¹ Криминология. М., Юр. литература, 1976, с.124.

² Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М. Изд. Наука. 1976, с.14.

Условия, взятые в совокупности с причинами в тесном смысле слова, образуют так называемую полную причину того или иного следствия.¹ Причина порождает следствие, в то время как условие только этому способствует, обеспечивая возможность действия причины.²

Эти общие положения о взаимодействии причины и следствия и роли существующих условий в этом взаимодействии никем не опровергаются и являются как бы «азбучной истиной» в криминологии. Но когда речь идет о непосредственных причинах конкретного преступления, то их уяснение требует дополнительных исследовательских усилий.

«Непосредственные причины индивидуального правонарушения следует искать в индивидуальных особенностях личности субъекта и конкретной ситуации, в которой он находится».³

Конечно же, надо бы и начать с личности, коль скоро человек, а не общество совершает противоправное деяние. Другое дело, в какой ситуации, в каких условиях, в каком обществе находится человек. И здесь нельзя однозначно согласиться с В.Н. Кудрявцевым и Н.Ф. Кузнецовой, когда они говорят о том, что поскольку преступность всегда социальное (не биологическое, физическое, космическое) явление, то и причины ее, как и других правонарушений, имеют социальный характер.⁴ Преступность действительно социальное явление, но причины, порождающие преступное деяние, гнездятся где-то в человеке. В этой связи нельзя однозначно говорить о социальном характере причинности человеческого поведения, если только не рассматривать все, что связанное с человеком, частью социума.

Противоправному поступку предшествует ряд этапов психической деятельности субъекта, которые постепенно формируют антиобщественную направленность поступка и его фактическое осуществление. Именно в этом процессе и происходит вычленение противоправного поведения из

¹ Там же, с.17.

² Там же, с.20.

³ Там же, с.27.

⁴ Там же, с.39. См. также: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969, с.174.

более широкой системы социально полезных действий, повседневно совершаемых тем же субъектом. Постепенно, по крупицам складываются элементы будущего антиобщественного поступка, образуются его основные черты.

По мнению В.Н. Кудрявцева, «Процесс формирования личности хотя и интересует право и криминологию, но, строго говоря, не является предметом их изучения: это дело педагогики, психологии, социологии и других наук о человеке. Предмет правового и криминологического исследования – формирование и принятие решения на совершение правонарушений. По сути дела – это проблема мотивации противоправного поведения».¹

Такая позиция является, по меньшей мере, спорной. Если то, что порождает преступления, закладывается в детском саду или в школе, то нет основания ограничивать предмет криминологического исследования рамками времени, в течение которого формировалось решение на совершение правонарушения. Сплошь и рядом дети, страдавшие от побоев и унижений, впоследствии становились насильниками и убийцами. Как же тогда влиять на процесс возникновения причин правонарушений, если их не исследовать с позиций криминологии.

Хотя, впрочем, рассматривая этапы формирования противоправного поведения, В.Н. Кудрявцев в качестве первого этапа называет «неблагоприятное нравственное формирование личности и социальной среды»². Но опять возникает вопрос: «Почему неблагоприятное? И каким образом это «неблагоприятное» усваивается человеком, каков механизм этого усвоения?»

Все эти вопросы не праздные. В основе всякого поведения человека, в том числе и противоправного, лежит нравственная позиция личности, но и она формируется не на пустом месте.

¹ Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М. Изд. Наука. 1976, с.90-91.

² Там же. С.88-91.

В советской криминологии практически всегда обращались к цитатам классиков марксизма-ленинизма для подтверждения того или иного теоретического положения причинности правонарушений. Прибегнем и мы к «классикам». В частности, Ф. Энгельс писал: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)»¹.

Д.И. Чесноков уточняет, что между потребностью и поступком человека в большинстве случаев стоит еще интерес, под которым понимается осознание человеком как своих потребностей, так и общих условий и средств, способствующих их удовлетворению.² То есть интересы человека как бы включают в себя и потребности. Но практически все ученые-криминологи все-таки разделяют эти, порождающие социальное поведение, понятия. Даже Гегель высказал свою позицию по данному вопросу. «Ближайшее рассмотрение истории, - по его мнению, - убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей, и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы, и лишь они играют главную роль».³

В.Н. Кудрявцев в оценке потребностей и интересов конкретизирует Гегеля и предлагает рассматривать с точки зрения их соответствия общепринятым нормам поведения. «Потребности и интересы, попытки удовлетворения которых послужили впоследствии источником правонарушения, уже во время своего формирования не соответствовали общепринятым нормам, противоречили им, создавая источники неизбежных для данного лица трудностей в его социальном общении».⁴

¹ Ф. Энгельс. см. Маркс К., Энгельс Ф., соч., т. 20, С.493

² См.: Чесноков Д.И. Общественный прогресс и механизм действия социальных законов. – Вопросы философии, 1966, №9.

³ Гегель. Философия истории: Введение. – Соч. М.; Л., 1935, т.8, С.20.

⁴ Кудрявцев В.Н. Указан. соч., С.110.

С этим высказыванием уважаемого академика трудно согласиться. Что же получается, если человек голоден и совершил кражу продуктов, то его потребность насытиться не соответствует общепринятым нормам? То же касается и одежды для человека, научной и художественной литературы и массы других потребностей, которые соответствуют общепринятым нормам и даже являются неким стандартом для нормального человека.

Существует и другая точка зрения. В частности, профессор В.В. Лунеев придерживается мнения, что «антиобщественных потребностей и мотивов как таковых не существует»¹.

На наш взгляд истина, как принято в этом случае говорить, лежит где-то посередине. По-видимому, все же есть потребности, которые заведомо носят антиобщественный характер. Например, потребность в удовлетворении половой страсти сопряженное с насилием, потребность в интимной близости с человеком одного пола, потребность в удовлетворении половой страсти в иных формах, реализация которых посягает на общественную нравственность.

«До своего первого удовлетворения, - писал А.Н. Леонтьев, - потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функцию, т.е. становится мотивом».² Примерно о том же писал святитель Феофан Затворник: «В душе и теле есть потребности. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем

¹ См. Криминальная мотивация. М., «Наука», 1986, С.30.

² Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. Конспект лекций. М.:Изд. МГУ, 1971, С.3,6.

удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность».¹

Сопоставив приведенные высказывания, приходим к выводу, что желание и мотив являются синонимами. А потребность может реализоваться только через мотив, желание. «Более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив».² В процессе формирования мотивов та или иная потребность в сознании человека приобретает различное субъективное значение. Именно в «человеческой пристрастности, субъективной значимости той или иной потребности человека во многом кроется секрет понимания загадочных, на первый взгляд, мотивов некоторых преступлений»³.

Сам того не ожидая, автор приведенных строк назвал центральное звено причинности поведения, в том числе противоправного, - «человеческая пристрастность той или иной потребности». Хотя справедливости ради надо сказать, что о страсти, наряду с потребностями, упоминал и Гегель.

История развития учений о природе преступности – это в основном история борьбы двух направлений. Представители одного из них исследовали преступность как социальное явление, представители другого – как явление биологическое. Известны и попытки соединения двух направлений в одно – естественно, на уровне развития науки своего времени.

Несмотря на то, что идеи о социальном характере преступности были развиты раньше и подробнее, чем представление о ее биологической сущности, все же начало принадлежало не им. В древности и в средневековье, когда уровень развития и общественных, и естественных наук был еще крайне низок, большую роль играли религиозные представления и суеверия. Преступников нередко считали умалишенными, людьми в которых

¹ Епископ Феофан. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма. Ленинград, 1991, С.23.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии, М., 1946, С.542

³ Криминальная мотивация. М., «Наука», 1986, С.120.

вселился дьявол, «злой дух»¹. И они были не так далеки от истины, как нам теперь иногда кажется. Какими же еще можно объяснить причинами совершение таких тяжких преступлений как убийства, растление и изнасилование малолетних и т.п. Не иначе как злой дух овладел человеком и он не устоял от гнева и раздражительности, от похоти плоти и сластолюбивой мечтательности.

«Нравственный поступок всегда готовится в глубине души, как бы вырастает из нее, и внешнее проявление человека всегда является в таких случаях лишь зрелым плодом внутренней доброты».² Но с другой стороны, если поступок безнравственный, то он вероятно, также готовится в глубине души и является плодом уже внутреннего зла.

Но что есть зло само по себе и откуда оно? В. Даль в своем словаре определяет зло, как худое, лихое. «Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде, зло олицетворяется духом тьмы»³.

Христианский энциклопедический словарь зло объясняет через дьявола (от греч. клеветник, обольститель). Под этим и менем понимаются падшие духи иначе называемые злыми, или духами злобы⁴

Для понимания природы зла необходимо вспомнить начало человеческой истории и ответить на вопрос: «Почему Каин убил Авеля? Под воздействием каких причин произошло это преступление?» Из текста Святого Писания видно, что зависть стала причиной убийства. От чего же зависть проникла в сердце Каина? Это стало возможным вследствие родительского грехопадения.

Читателю, на первый взгляд, может показаться странным обращение к святоотеческой литературе и Святому Писанию. Но именно здесь и толь-

¹ См. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. – М.: Политиздат, 1989, с.50-51

² Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. Собрание сочинений в 10 томах. Т.4, Сост. И коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994, с.71.

³ В. Даль. Толковый словарь в четырех томах. – М.: «Русский язык», 1989, с.683.

⁴ Христианство. Энциклопедический словарь. Т.1, М.1993. С.474.

ко здесь мы найдем вразумительное объяснение первопричины преступлений с позиций закона духовной жизни. Такой подход при исследовании первопричины преступления для многих ученых, «вышедших» из советской криминологии, может показаться несколько странным и нетрадиционным. И в этой связи Л.В. Кондратюк верно замечает, что «в современной криминологии могут быть переосмыслены те исследования, которые проводили отечественные ученые, изучая личность преступника. Эти исследования психической, «душевной» сферы личности должны быть дополнены изучением сферы духовной».¹

Судьба человечества определяется Божественным предназначением и свободным избранием воли. Вкусив запретный плод познания добра и зла, и не принеся покаяния Богу за совершенный грех, первые люди повредили человеческую природу. Напряжение воли ослабело, инерция природы превзошла над стремлением к Богу. Это вызвало распад человеческого существа и разлад во всем мире. Вселенная перестала быть зеркалом Божественных красот, ибо вписанный в мир образ Божий помутился. Так вошло в мир зло.

Источник зла – в изломе воли, в том, что переменчивость естества поползнула у человека в противоположную сторону. Этот поворот воли противен естеству и потому его повреждает, разрушает. «Отпадение от истинно Сущего, - говорит Григорий Нисский², - есть порча и разрушение существующего. Но как возможен этот поворот воли от сущего к несущему? Как может воздействовать и мотивировать его то, чего не было и чего нет? Разгадка этой тайны первого греха и отпадения – в том, что первому человеку была поставлена динамическая задача. Врождено человеческому естеству стремление к добру, но не различение добра; и опознание блага есть для человека задача. Что именно есть добро и благо, - это надлежало

¹ Кондратюк Л.В. Духовность и криминология. Материалы научно-практической конференции 28 марта 1996 г. Духовность. Правопорядок. Преступность. М., 1996, с.172.

² Здесь и далее см. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. – Париж, 1931 год, с. 164-165.

узнать. И смысл падения - в обмане.» Человек не только обманулся, но был обманут, - обманут из зависти. Некий высший ангел оскорбился созданием человека по образу Божию. И соблазнившийся ангел вводит человека в обман. Змий прельщает Еву «призраком добра», чувственным удовольствием, «что прекрасно для взора и приятно для вкуса».

Зло по природе своей двойственно, обманчиво, - яд, смешанный с медом. И древо познания добра и зла так названо потому, что «оно произращало некий слитый и смешанный плод, срастворенный из противоположных качеств». Познание добра и зла означает не различение, но влечение к смутному, ко злу в обличении добра.

Чувственный соблазн родился в человеке из низшей сферы души, из ее вожделевательной силы, отвлекшийся к вещественному и при том ускользнувшей от сдержки ума, - ум тем самым утрачивает свою царственную власть и нарушается запрет. Не чувственное, как таковое, но влечение к чувственному, «страсть удовольствия», «вещественное и страстное расположение» есть грех и зло, корень и начало греха и греховности.

По мнению преподобного Максима Исповедника,¹ грехопадение проявляется прежде всего в том, что человек впадает в одержимость страсти. Страсть есть болезнь воли. Это есть утрата или ограничение свободы. Извращается иерархия естественных сил души. Разум утрачивает способность и силу контроля над низшими силами души. Человек забывает и теряет способность созерцать и узнавать Бога и Божественное. Его сознание переполнено чувственными образами. Грех и зло есть движение вниз и от Бога. Человек не только не преображает и не одухотворяет мира или природы, но и сам снижается, опускается ниже своей меры. И призванный к обожению, он уподобляется скотам безсловесным. За грех человек облечен был в «кожаные ризы». Это есть немощь естества, - его страдательность, грубость, смертность. Страдательность его есть некое имманентное обличение страстности, разоблачение ее внутренних противоречий. Тление человека всего яснее сказывается в его греховном рождении, - от семени, т.е. от похоти мужеской и от сладострастия, по образу скотов безсловесных. Именно через это греховное рождение тление и немощь естества распространяется и

¹ См. Флоровский Г.В. Византийские Отцы V-VIII веков. – Париж, 1933, С.219-220.

как бы накапливается в мире. Объективно, грех есть безысходность страсти, - роковой круг: от сладостного рождения до тленной смерти. Однако свобода человека не угасла в грехопадении и в грехе, - она только ослабела. Лучше сказать, очень возросла инерция естества после грехопадения, оно насквозь проросло побегами «неестественных» страстей, отяжелело. Но способность свободного движения, обращения и возвращения, не иссякла и не была отнята. В этом залог восстания и высвобождения из под власти тления и греха. Избавляет и освобождает Христос. Преп. Максим всегда ясно различает два момента: естество (природа) и произволение (воля). Естество исцелено и уврачено Христом раз и навсегда, без актуального участия отдельных лиц, и даже независимо от их возможного участия. Но освободиться каждый должен в личном подвиге, проявив свою волю, свое произволение.¹

О том как грех влияет на поведение человека очень выразительно пишет апостол Павел в Послании к Римлянам. Апостол предостерегает от возможного ложного вывода, будто в законе лежит причина греха: не было бы закона, не было бы и греха. Нет, причина греха – в самом человеке. Закон сам по себе свят и заповеди его святы, справедливы и направлены к добру. Закон только обнаруживает грех, коренящийся в природе человека, извращенной первородным грехом. Это одно из немногих в новозаветных священных книгах мест, где с такой силой и глубиной изображается греховная развращенность нравственной природы человека: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7, 15-23).

Святой Апостол Павел ярко раскрывает эту картину раздвоенности, которую производит грех в нашей падшей природе, и убеждает нас бороться с грехом, ибо теперь, после искупительного подвига Христа Спасителя, освободившего нас из под власти греха и даровавшего нам возможность

¹ См. там же.

жить по духу, а не по плоти, уже ничто не может извинить нашего уклонения от этой борьбы.¹

Здесь речь идет о волевом моменте. О том, что свобода воли человека ничем и никем не повреждается. Даже Бог не может спасти человека без его добровольного согласия на это спасение. Борьба со грехом есть не что иное как борьба со своими страстями. Человек же освободившийся от страстей просто не способен совершить преступление. Страсть есть неестественное движение души, или по несмысленной любви, или по безрассудной ненависти к чему-либо чувственному или ради чего-либо чувственного.

Мир страстей очень пестр и многообразен. В нем два полюса: удовольствие и слава. Вместе с тем, преподобный Максим Исповедник всегда подчеркивает, что «человек постоянно находится если не под властью, то под тайным влиянием бесовских действий. Многообразные демоны как бы кружатся или вьются вокруг каждой души; стараясь ее завлечь, заинтересовать чувственным, усыпить ум и духовную восприимчивость. Это демонское воздействие есть очень мощный фактор. Но все-таки исход борьбы всегда зависит от воли и конечного избрания»² человека.

Можно представить себе причинность в виде длинного ряда причин начиная от грехопадения Адама через грехи каждого поколения и до последнего младенца. Но это есть механическое сложение греха, не раскрывающего его сути и губительных последствий в зависимости от его вида и отношения к нему последующих поколений. Мы знаем массу примеров, когда святые прерывают течение греха, встают против природы плоти и с помощью Божией практически утрачивают способность к совершению какого-либо греха, не говоря уже о преступлении, одержав победу над своими (укоризненными) страстями.

Таким образом, прежде чем начинается процесс формирования ценностных установок и нравственной ориентации личности, а затем и мотивации противоправного поведения, в душе человеческой находят пристанище страсти, под водительством которых зачастую и прожигает свою

¹ Епископ Аверкий. Руководство к изучению Свящ. Писания Нового Завета. Часть вторая. Апостол. – М., 1995, с.203-204.

² См. Флоровский Г.В. Византийские Отцы V-VIII веков. – Париж, 1933, С.222.

жизнь человек. В этой связи под причинами возникновения причин преступности, как и конкретного преступления, следует понимать страстность человека. Но поскольку и страсти, и грех – категории духовного порядка, то и борьба с ними должна осуществляться средствами и методами, присущими духовной сфере. Православная Церковь предлагает использовать веками пройденный путь очищения от страстей, греха и их последствий – покаяние, пост и молитва.

Для светского человека рассматриваемая нами проблема может показаться надуманной и нереализуемой на практике. Но опыт пастырского служения, особенно в местах лишения свободы, свидетельствует о другом. Казалось бы, закоренелые преступники, утратившие человеческий облик, через исповедь и молитву постепенно восстанавливают в себе образ Божий, обретают веру и ответственность за содеянное не перед людьми, но Судией Неумолимым, Богом Всевышним. И не скрыть от Него не только какой-нибудь безнравственный поступок, но даже и помысл или намерение его совершить.

Предлагаемый путь – есть спасение каждой человеческой душе, которая по природе своей христианка, и всему нашему обществу, название которого – Россия.

И.Ф. Демидов,
доктор юридических наук,
профессор

НАСИЛИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ МЕТОД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В государстве тоталитарного типа полицейская функция является доминирующей и по сути своей репрессивной, обеспечивающей подавление личности посредством жестокого внесудебного принуждения. В правовом государстве данная функция по определению является охранительной.

В последнее время в России государственные «правоохранительные» органы все чаще, в том числе на официальном уровне, стали называть «силовыми». Такое название может означать только одно: доминирующими в их деятельности оказываются силовые методы, использование которых не всегда опирается на право. Наименование соответствующих органов государства «правоохранительными» (п."л" ст.72 Конституции РФ) более не всегда соответствует реальному содержанию и характеру их деятельности. Именно этим во многом можно объяснить негативную оценку в общественном мнении так называемых государственных правоохранительных структур.

Современный российский уголовный процесс построен на принципе разделения властей, в соответствии с которым предварительное, досудебное производство по делу осуществляют органы и должностные лица, которые не являются судебными и, следовательно, не обладают судебной властью (дознатель, орган дознания, следователь). Реализация ими полномочий, составляющих согласно Конституции РФ (ст.ст.22,23 и 25) прерогативу судебной власти (принятие решений о заключении под стражу в качестве меры пресечения, продлении срока содержания под стражей и т.д.), есть существенное отступление от принципа разделения властей. Данный принцип предполагает, кроме прочего, что орган предварительного расследования может по общему правилу лишь инициировать принятие названных решений.

Конституция РФ определяет главные направления, на которых возможно обеспечить значительное сокращение масштабов применения наиболее жестких мер государственного принуждения на досудебном этапе уголовно-процессуального производства. Так, решение вопроса об аресте и продлении срока содержания под стражей она относит к исключительным полномочиям суда и таким образом лишает этих полномочий следователя и прокурора. Кроме того, Конституция РФ сокращает срок возможного задержания подозреваемого с 72-х до 48 часов (ст.22).

В проекте УПК РФ, принятом в первом чтении Государственной Думой в 1997г., также содержатся нормы, применение которых может значительно сократить количество лиц, подвергаемых заключению под стражу до суда. В качестве общего правила статья 105 проекта предусматривает, что заключение под стражу, как мера пресечения, может быть применено к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, за которое возможно наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет (а не одного года, как это устанавливает действующий УПК РСФСР (ст.95). Кроме того, проект вводит новую меру пресечения - домашний арест, - в качестве альтернативной заключению под стражу (ст.104).

Представляется вполне возможным еще один значительный шаг в данном направлении: рассмотрение залога как альтернативной заключению под стражу меры пресечения. В результате более широкое применение залога, во-первых, станет возможным также только на основании судебного решения и, во-вторых, значительно сократит контингент лиц, заключенных под стражу до суда.

Задержание и заключение под стражу признаются незаконными, когда они производятся при отсутствии оснований, предусмотренных УПК РСФСР (ст.ст.90,91,96,122), а также в случаях, когда используются как средства получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления. Генеральная прокуратура РФ требует от прокуроров решительно пресекать подобные проявления беззакония, направлять в Генеральную прокуратуру заключения о законности и обоснованности ареста лица, дело которого было прекращено в стадии расследования или судом, а равно по делу которого вынесен оправдательный приговор.

Статья 301 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, помещена в главе 31 «Преступления против правосудия». Создается впечатление, что в таких случаях за решеткой оказывается правосудие, а не живые люди. Между тем, подобные злоупотребления властью

должны рассматриваться как преступные посягательства на свободу и личную неприкосновенность, т.е. на конституционные права и свободы человека и гражданина (ст.22 Конституции РФ).

Возможно еще более актуализировать данную проблему. Согласно Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст.2). Эти положения, вместе с другими, составляют основы конституционного строя Российской Федерации (ст.16). Логичной представляется постановка вопроса об отнесении к числу преступлений против основ конституционного строя, кроме названных в главе 29 УК РФ, также таких преступлений как заведомо, незаконное заключение под стражу, содержание под стражей, пытка и некоторых иных.

Вовлекаемые в орбиту уголовного процесса граждане вынуждены подчинятся обязательным требованиям, исходящим от органов и должностных лиц ответственных за производство по делу. При этом психическое давление на обязанного субъекта, с целью принуждения его к выполнению предписаний процессуального закона посредством угрозы применения силовых методов (привода при неявке свидетеля на допрос) или предупреждения об уголовной ответственности свидетеля или потерпевшего за отказ от дачи показаний, заведомо ложные показания и т.д., является обязательным условием всего процесса правоприменения.

Угроза, обладая силой психического воздействия, понуждает человека сделать нечто вопреки своей воли, то есть является психическим насилием. Невыполнение требований процессуального закона гражданином служит основанием для применения к нему более жесткого, следующего за психическим, насилия в виде непосредственного физического воздействия или мер юридической ответственности. Угроза одинаково адресуется как к тем, кто не желает выполнять свои юридические обязанности, так и к тем, кто не думал уклониться от исполнения. Между тем, угрозы в адрес людей о возможном применении к ним санкций, когда они не давали никаких по-

водов сомневаться в добросовестном исполнении возложенных на них законом обязанностей, представляются бесосновательными, унижающими их честь и достоинство.

Незаконные методы предварительного следствия выражаются не только в заведомо неправомерных и бесосновательных задержаниях и арестах, но также в принуждении к даче показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем шантажа, насилия или угрозы его применения, издевательств, пытки и иных незаконных действий (ст.20 УПК РСФСР, ст.302 УК РФ). Имеются в виду, например, полная изоляция свидетеля в каком либо помещении органа внутренних дел или в изоляторе временного содержания с целью понуждения к даче требуемых от него показаний, а также многочасовой непрерывный его допрос группой должностных лиц.

Жалобы на применение незаконных методов расследования.

	1997	1998	1999
Разрешено прокурорами	6661	6334	7109
из них:			
Удовлетворено прокурорами	501(7,5%)	442(7,0%)	332(4,7%)

Часть из названных насильственных действий подпадает под понятие пытки. В соответствии с международно-правовыми актами пытка - это действие, которым лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за деяние, которое оно или третье лицо совершило или подозревается в совершении, а также запугать или принудить его или третье лицо, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

Следует согласиться с предложением Постоянной палаты по правам человека при Президенте РФ о криминализации пытки как самостоятельного состава преступления, что будет иметь большое значение в деле предупреждения таких деяний со стороны должностных лиц государства. Как представляется, пытка - это не только метод принуждения к даче показаний, как это вытекает из содержания ст.302 УК РФ. Пытка может иметь характер злодеяния, преследующего цель

- причинения человеку мучительной смерти, подавления его сопротивления или недовольства:

- «демонстрации» своей власти, действительной или мнимой, над человеком, а равно действительного или мнимого иного превосходства над ним.

Наконец, пытка может быть следствием ощущения ее субъектом собственной ущербности перед личностью человека, подвергаемого экзекуции.

Неправомерное насилие - это также иные, кроме пытки, акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Сфера применения насилия в уголовном процессе фактически значительно шире той, в которой оно допускается законом. Объем принуждения искусственно расширяется, когда следственные и иные процессуальные действия производятся при отсутствии достаточных оснований, а также путем неоднократного производства одних и тех же действий в отношении одних и тех же лиц (например, многократные допросы свидетеля об одном и том же с целью получения «нужных» показаний), ночных допросов обвиняемого (ст.150 УПК РСФСР).

В 1997 г. количество удовлетворенных судом жалоб, принесенных на незаконность ареста обвиняемого (подозреваемого), составляло - 19,4%, в 1998 г. - 16,5%, а в 1999 г. - 15,8%. Количество жалоб на незаконность продления срока содержания под стражей, удовлетворенных судом, составляло в 1997 г. - 16,3%, в 1998 г. - 13,9%, а в 1999 г. - 11,6%.

Заметим при этом, что попытка легализовать производство длительного (в течении восьми часов с перерывом не менее, чем на один час (ст. 200 проекта УПК РФ)), а потому весьма изнурительного, - допроса, без согласия на то допрашиваемого лица, представляется неприемлемой.

Широкое использование неправомерного насилия, наряду с предусмотренным процессуальным законом принуждения, позволяет утверждать, что насилие является основным методом уголовно-процессуальной деятельности. Данное свойство имманентно системе уголовного процесса, в которой уважительное отношение к человеку, его правам и свободам не является основным критерием при выборе способов и методов решения задач уголовно-процессуального производства.

В современной России, где имеются многочисленные и нередко весьма серьезные нарушения законности, прав человека, особенно в деятельности ,так называемых, органов уголовного преследования, важнейшая задача прокуроров и судебной власти вовремя предупредить, не допустить гипертрофирования правоохранительной функции, ее трансформации исключительно в репрессивную, когда человек, его права и свободы из объектов охраны превращаются в объекты жестокого подавления.

А.Л. Ситковский,
кандидат юридических наук;

Э.У. Бицадзе,

М.В. Фортуныч

РОССИЯ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

В современных условиях, характеризующихся, с одной стороны, коренной ломкой устоявшихся систем взглядов на предупреждение и борьбу с преступностью, а с другой стороны широким распространением международной, транснациональной преступности, становится актуальным развитие новых направлений в практике и теории борьбы с преступления-

ми. Одним из таких направлений является криминальная виктимология, изучающая лиц, пострадавших от преступных посягательств, содержащая в себе всю совокупность знаний о жертве, особенностях ее поведения, до, во время и после совершения преступлений, специфики взаимоотношений «преступник-жертва», и представляющая новый вид профилактики правонарушений – виктимологический¹. Последний, в свою очередь, состоит из комплекса государственных и общественных мер, ориентированных на предупреждение преступлений путем снижения у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных посягательств.

Для повышения эффективности борьбы с преступностью, в частности предупреждения преступлений наряду с изучением личности преступника, причин и условий, способствующих совершению преступлений, необходимо также и детальное исследование личности потерпевшего, жертвы преступления и всех тех обстоятельств, в силу которых эта личность стала таковой.

В свою очередь эффективность виктимологической профилактики невозможна без анализа обширной информации виктимологического характера, позволяющей всесторонне учесть криминологические факторы (как общие, так и характеризующие конкретное преступление). Место, время, способы совершения преступлений, наиболее типичные категории лиц, вовлеченных в преступления в качестве преступников или потерпевших – все это необходимо знать, обобщать и учитывать при организации профилактической работы.

Виктимологический анализ состояния преступности не самоцель, а основа для разработки и принятия адекватных государственных мер в сфере борьбы с преступностью.

¹ Виктимология – от латинского слова «жертва» и древнегреческого «(учение, наука), в буквальном переводе означает «подробно о жертве»; или «учение о жертве». Виктимология в широком смысле изучает не только жертв преступлений (криминальная виктимология), но и жертв правонарушений, проступков (деликтная), несчастных случаев (травмальная).

Изучение статистических данных ГИЦ МВД России показывает, что виктимогенная ситуация в России оставалась крайне напряженной. Коэффициент криминальной виктимизации **по фактам** (число зарегистрированных преступлений, по которым установлены потерпевшие на 100 тыс. населения всех возрастных категорий)¹, в 1999 г. составил 1511,6, что на 20% больше, чем в 1998 году (12591).

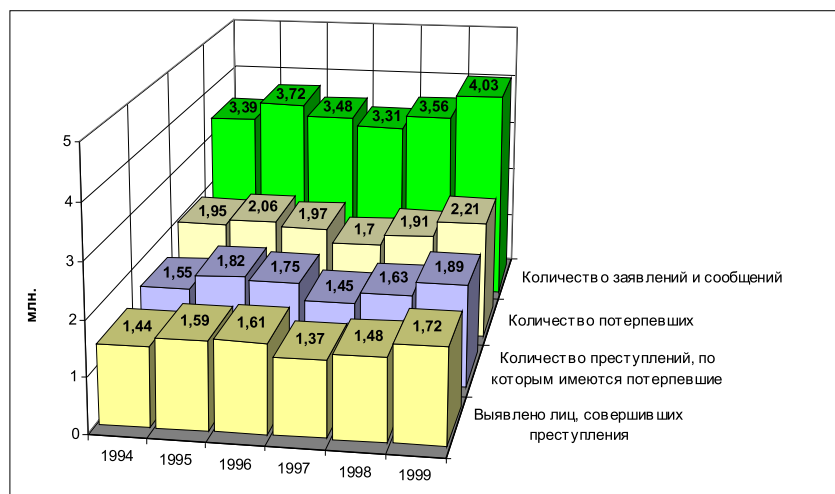

Рис.1. Состояния криминальной виктимизации

Из регионов России самый высокий уровень криминальной виктимизации был зафиксирован в Курганской (2693.5), Пермской (2401.6), областях, Коми-Пермяцком автономном округе (2137,2), Республике Бурятия (2079,3), Еврейской автономной области (2059,2) и Хабаровском крае (1936,7) (см. Рис.2).

¹ В отличие от преступников потерпевшими могут стать лица любого возраста.

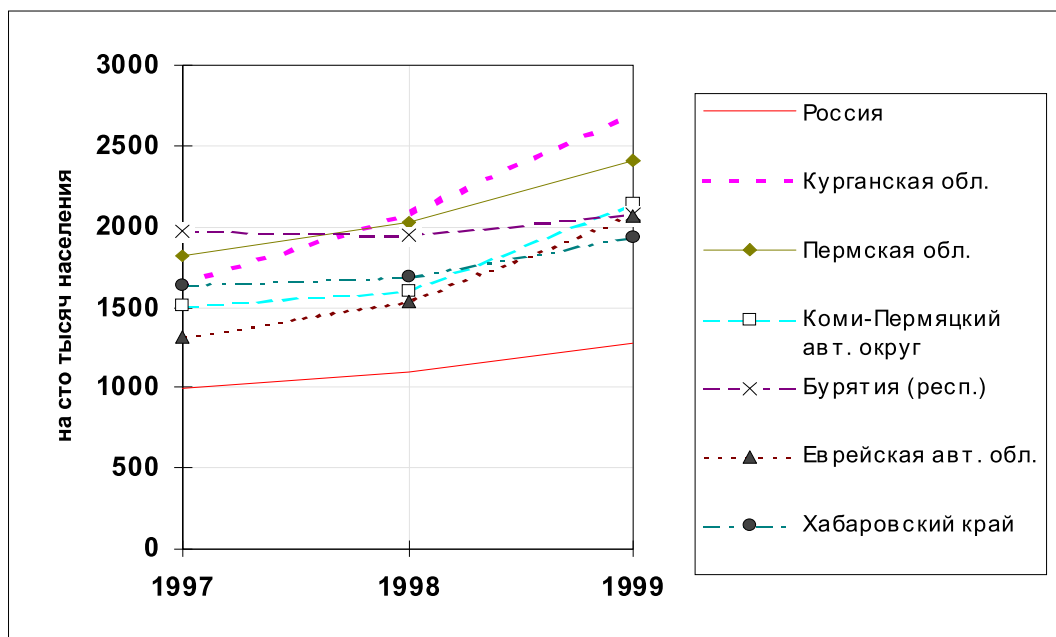

Рис. 2. Динамика наибольшего уровня криминальной виктимизации по регионам России

Наибольший же рост числа зарегистрированных преступлений, по которым установлены потерпевшие, отмечен в Архангельской области (+42,0%), Хабаровском крае (+40,0%), Вологодской (+32,0%), Новосибирской (+28,6%), Иркутской (+26,0%), Нижегородской (+22,0%) областях.

Но если для Новосибирской, Иркутской областей, Хабаровского края на протяжении последнего времени характерны высокие показатели криминальной виктимизации, то для Вологодской и Архангельской областей столь высокий уровень свидетельствует об ухудшении криминальной обстановки.

Наиболее стабильны показатели криминальной виктимизации в республиках Саха (Якутия), Красноярском крае, в г. Москве, Московской, Самарской, Томской и Камчатской областях.

Анализ распределения расследованных преступлений, по которым установлены потерпевшие, по основным **мотивам их совершения** свидетельствует о подавляющем большинстве преступлений с корыстной мотивацией (см. Рис.3). В 1999 г. они составили около 50% от числа всех расследованных преступлений, по которым установлены потерпевшие.

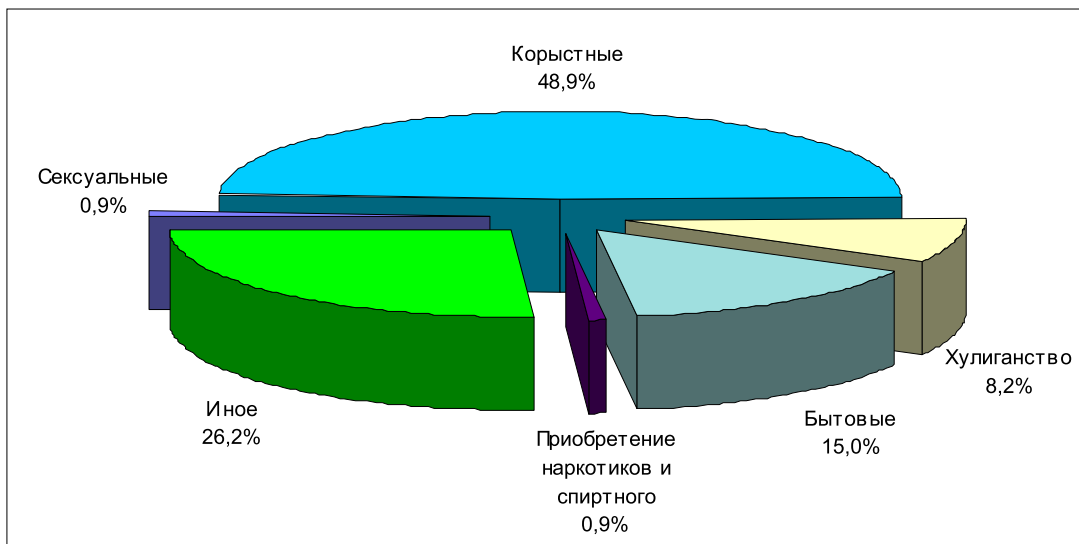

Рис.3. Структура расследованных преступлений, по которым установлены потерпевшие, по основным мотивам их совершения

При этом следует отметить и неуклонный рост с 1997 г. преступлений данного вида. Так, в 1999 году он составил 25,4%, что на 2,5% больше, чем в 1997 году и на 6,9%, чем в 1994 году (см. Рис.4).

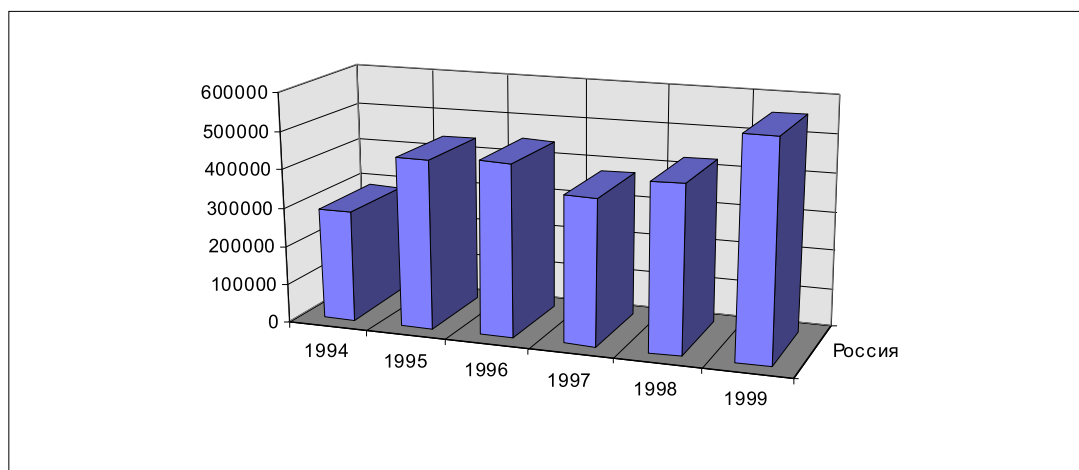

Рис. 4 Динамика криминальной виктимизации по расследованным преступлениям, совершенным из корыстных побуждений.

Самые высокие показатели отмечены в Красноярском, Алтайском, Приморском краях, Иркутской, Пермской, Нижегородской, Новосибирской областях, городах Москве и Санкт-Петербурге.

Несколько иная картина складывается при анализе статистических показателей криминальной виктимизации по расследованным преступлениям, совершенным из сексуальных побуждений. Несмотря на то, что в целом по России количество таких преступлений за 1999 г., в сравнении с 1998 г. снизилось на 10,3%, их рост по отношению к 1997 г. составил 13,3% (см. Рис. 5).

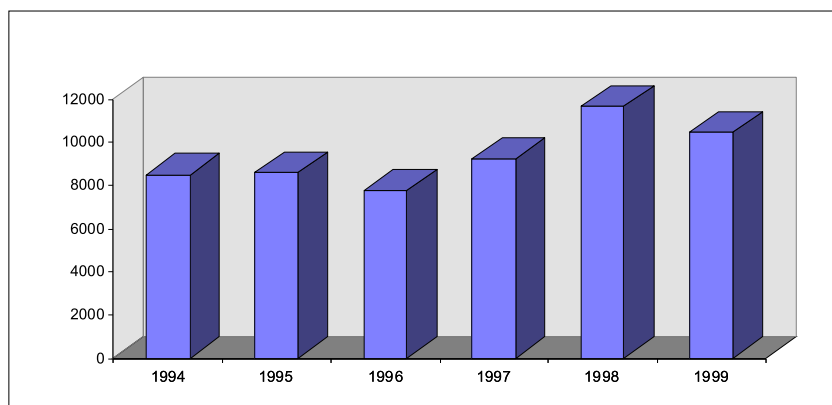

Рис. 5. Динамика криминальной виктимизации по преступлениям, совершенным из сексуальных побуждений.

Снижение этого показателя в 1999 г. наблюдалось в более 20 регионах, однако устойчивый рост в гг. Санкт-Петербурге, Московской, Архангельской, Самарской, Воронежской, Кировской, Иркутской, Калужской областях, в республике Марий - Эл, Приморском и Алтайском краях.

Неблагоприятная обстановка остается и с преступлениями, совершенными из хулиганских побуждений. Криминальная виктимизация по этим преступлениям составила в 1999 г. 11,0%, а темп прироста 3,7% по отношению к 1997 году (см. Рис.6).

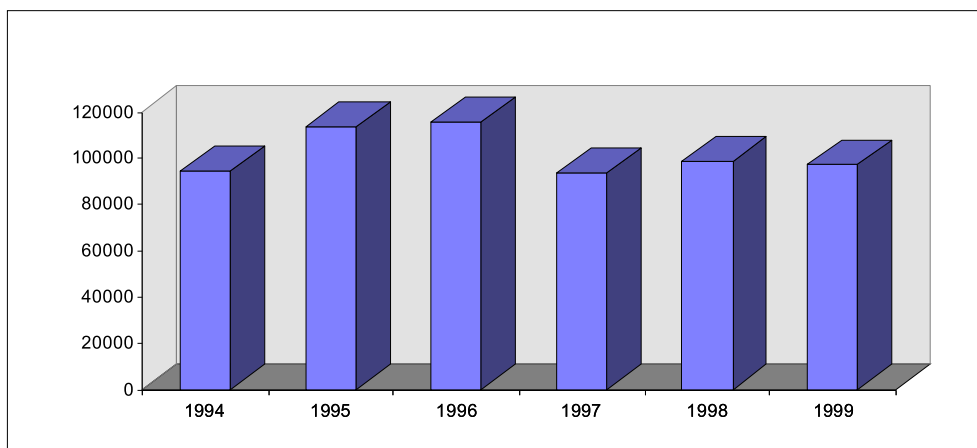

Рис.6 Динамика криминальной виктимизации по преступлениям, совершенным из хулиганских побуждений

При этом за анализируемый период наиболее существенно этот показатель вырос в Алтайском, Приморском краях, Архангельской, Ивановской, Нижегородской, Пермской, Кемеровской, Омской, Курганской, Волгоградской, Амурской областях, г.г. Москве и Санкт-Петербурге.

Наблюдается неуклонный рост криминальной виктимизации расследованных преступлений, совершенных по мотивам ревности, ссоры и дру-

гим бытовым причинам (см. Рис.7). В 1999 г., по сравнению с 1997 г., он составил 20,3%. Значительное увеличение этого показателя отмечается в, Алтайском, Ставропольском, Хабаровском краях, Курганской, Архангельской, Иркутской, Пермской, Тюменской, Читинской, Тверской, Ивановской, Кемеровской, Ленинградской, Вологодской областях, Ханты-Мансийском АО и г.г. Москве и Санкт-Петербурге.

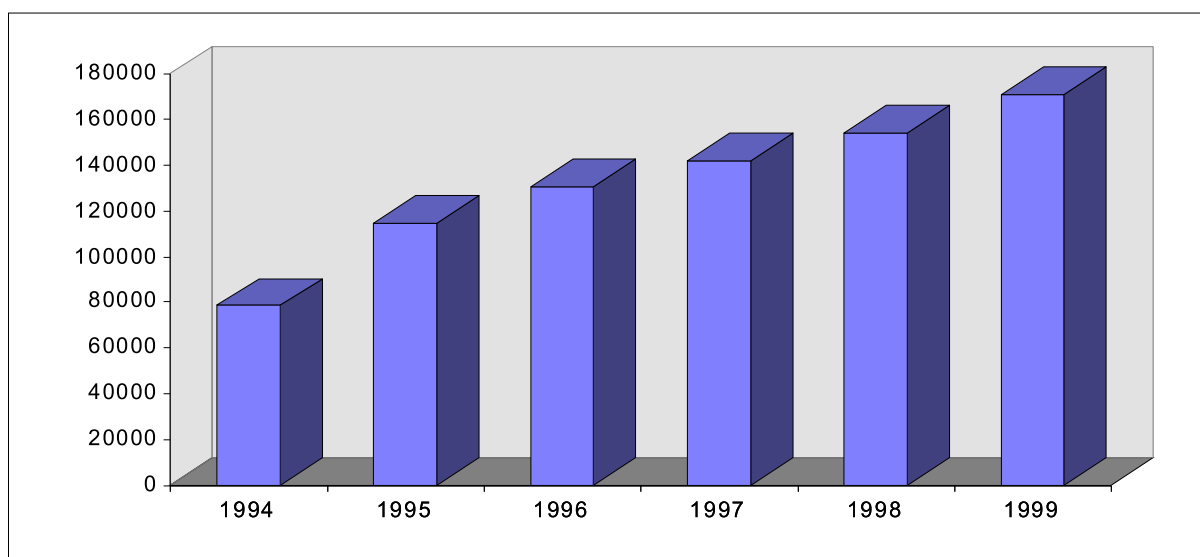

Рис. 7. Динамика криминальной виктимизации по преступлениям, совершенным по мотивам ревности, ссоры и другим бытовым причинам.

Анализ **социально-групповой распространенности** свидетельствует об особенностях криминальной виктимизации представителей различных социальных групп населения. Проведенное изучение статистических данных ГИЦ МВД России, аналитических материалов Главков МВД России показывает, что в 1999 г. мужчины чаще всего становились жертвами преступлений —67,6%, женщины соответственно —32,4%. Высокий уровень виктимизации лиц мужского пола объясняется не только их активной предпринимательской либо иной деятельностью, но и тем, что они вступают в значительно более широкий круг контактов с окружающими людьми, чаще и легче завязывают случайные и сомнительные знакомства, приводящие иногда к неожиданным и трагическим конфликтам.

Что касается потерпевших-женщин, то чаще они становились жертвами преступлений из корыстных побуждений —21,5% (прирост к 1997 г. +2,0%), по мотивам ревности и мести —13% (+3,0%), из хулиганских побуждений —8,8% (+1,2%).

Некоторое снижение женской виктимизации по преступлениям из сексуальных побуждений (-0,5%) объясняется не только перенесением криминальных интересов в корыстную преступность, но и проявлением психологии «свободной любви». То есть, следуя ей, потерпевшие женщины стали реже обращаться за защитой своей чести и достоинства в правоохранительные органы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в общем числе зарегистрированных преступлений растет удельный вес преступлений, по которым установлены потерпевшие малолетние (с 0,5% в 1994 году до 0,9% в 1996 году) и пожилые (с 5,0% в 1994 году до 6,6% в 1996 году).

Чаще всего малолетние становились потерпевшими от преступлений, совершенных виновными из корыстных побуждений —16,0%, по бытовым причинам —10,4%, из хулиганских и сексуальных побуждений соответственно 8,8% и 8,7%.(см. Рис) В свою очередь потерпевшие - пожилые в 26,6% случаев страдали от преступлений, совершенных по корыстным мотивам, в 10,4% по мотивам ревности, мести и другим бытовым причинам, в 7,5% — от преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, (см. Рис 8)

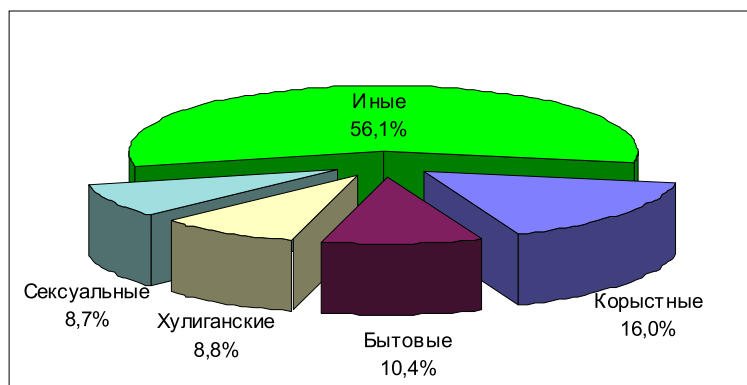

Рис.8 Структура преступлений, совершенных в отношении потерпевших - несовершеннолетних.

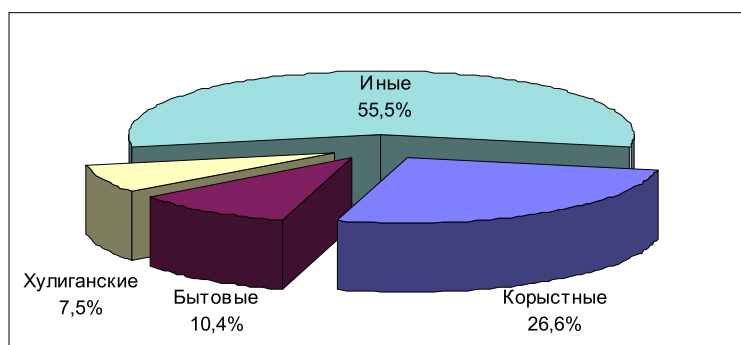

Рис.9 Структура преступлений, по которым установлены потерпевшие - пожилые.

Иностранные граждане, лица без гражданства, вынужденные мигранты и беженцы в 1999 году также чаще всего становились потерпевшими от корыстных преступлений с — 43,9%, от корыстно-насильственных преступлений - 18,8%, от насильственных - 7,5%, а также от хулиганства - 5,0% (см. Рис.10), при количестве этих преступлений, по сравнению с 1998 г. снизилось на 10,3%.

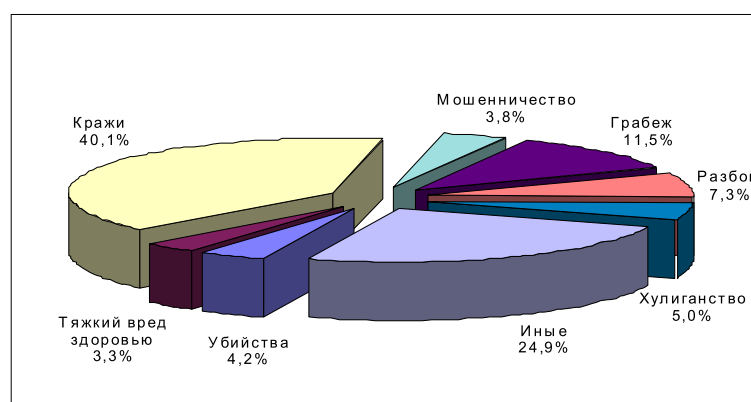

Рис 10. Структура преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан.

О степени общественной опасности криминальной виктимизации свидетельствуют масштабы зла, наносимого преступностью, определенными индикаторами которого, по нашему мнению, являются: коэффициент (уровень) криминальной виктимизации по лицам, а также данные о количестве потерпевших, погибших или получивших телесные повреждения от преступных посягательств и характер причиненного преступными действиями ущерба, вреда. Мы попытались определить некоторые цифры ущерба, понесенного обществом от преступности. Сразу оговоримся, что цифры приблизительные, без учета морального вреда. При этом источником информации для нашего анализа послужили опять-таки лишь статистические данные ГИЦ МВД России.

Коэффициент криминальной виктимизации **по лицам** (число зарегистрированных потерпевших на 100 тыс. населения) в 1999 году составил 1271,27, что на 16,6% больше чем в 1998 году (см. Рис.11).

Наиболее сложная криминальная ситуация, с учетом этого показателя, сложилась в Сахалинской, Еврейской автономной, Курганской, Ярославской, Магаданской, Пермской, Тюменской областях, в Бурятии, Туве, Хабаровском, Ставропольском, Приморском краях.

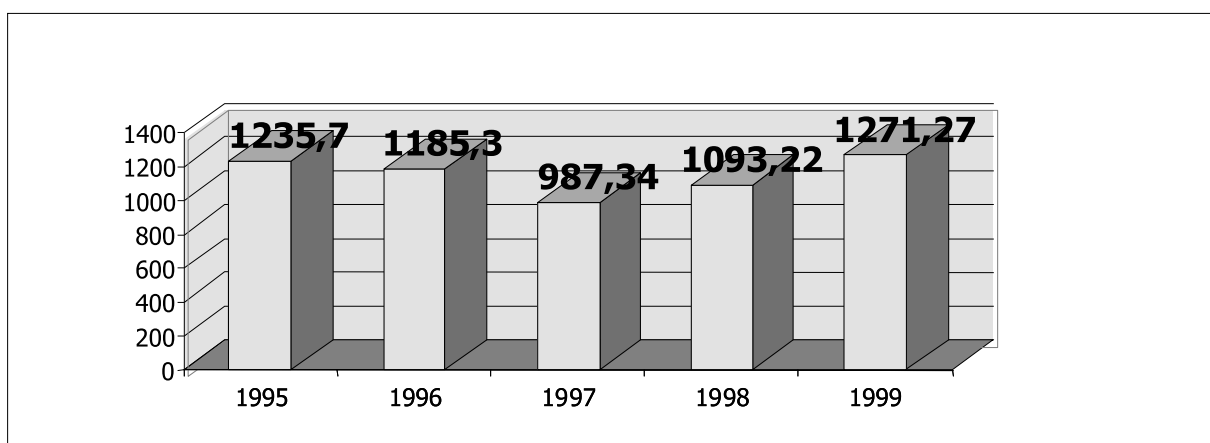

Рис.11. Динамика криминальной виктимизации по лицам, потерпевшим в результате преступных посягательств за 1994 - 1999 гг.

Относительно благополучная — в республиках Дагестан, Ингушетия, Чувашия, Костромской, Нижегородской, Пензенской областях и г. Москве.

Это общие цифры, при этом нельзя забывать, что речь идет только о зарегистрированных данных. Что же касается непосредственно людских потерь, то анализ уголовной статистики показал, что в 1999 г. доля лиц, погибших от преступных посягательств, из всего количества потерпевших (2099383 чел.) составила 3,1% (65 060 чел.), что на 0,4% меньше, чем в 1998 г. и на 1,7% меньше, чем в 1994 г. Однако доля потерпевших, получивших телесные повреждения различной степени, в 1999 составила 3,5% г., в сравнении с 1998 г. уменьшилась на 0,9%.

Причем снижение количества погибших от преступных посягательств в прошедшем году обусловлено снижением среди них доли погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 3,2%.

Итак, суммируя только две цифры: погибших и получивших различные виды телесных повреждений, мы получаем около 140 тысяч реальных людей, которые в 1999 году физически в той или иной степени пострадали от преступности.

Бесспорно, многое упущено и не подсчитано, например, количество потерпевших, получивших менее тяжкий вред здоровью, пропавших без вести, погибших в армии, пострадавших в местах лишения свободы, работников правоохранительной системы претерпевших от рук преступников и т.д. Не говорим, что у этих 140 тысяч людей есть семьи, близкие, друзья и чьи потери материальные и моральные абсолютно невозможны. Однако приведенная выше цифра людских потерь и без неучтенных данных является впечатляющей.

Не менее удручающую картину мы видим при анализе сравнительной динамике материального ущерба, причиненного корыстными преступлениями против собственности граждан и изъятого у преступников имущества для возмещения этого ущерба.

Таблица 1

	Сумма причиненного ущерба (млн. руб.)			Изъято имущества для возмещения ущерба		
	Всего	По корыстным преступлениям-	По преступлениям эконом. направлен.	Всего	По корыстным преступлениям-	По преступлениям эконом. направлен.
1994	8414178	2664258	164831	3534734	851488	63131
1995	8723371	3605460	1073403	715281	323379	89180
1996	13573205	6817402	2118750	1798055	579723	148284
1997			13235061			1959844
1998			20135512			2637746
1999			27477095			5283590

Примечание: отсутствие данных в таблице обусловлено изменением форм статистической отчетности ГИЦ МВД России.

Как видно из приведенных в таблице данных, суммы причиненного ущерба на протяжении последних трех лет превышают суммы изъятого для возмещения ущерба. Так, только в 1996 году более 6 млрд. руб. остались невозвращенными потерпевшим от преступных посягательств на их собственность. Более того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что возмещение ущерба производится только при наличии приговора суда, вступившего в законную силу, то есть только после раскрытия преступления и изобличении виновного. Уровень же раскрываемости корыстных преступлений в среднем составляет 55%, иными словами, почти половина потерпевших от корыстных посягательств лишена возможности возмещать нанесенный им преступлениями ущерб, поскольку виновные в их совершении лица не устанавливались. Кроме того, не всегда это удавалось и тем гражданам, которые пытались защитить свои имущественные интересы даже после установления виновных. Как показали результаты проведенного нами исследования группы потерпевших от корыстных посягательств в 50% случаев ущерб был возмещен частично, в 40% ущерб пострадавшим не был возмещен вообще и только в 10% ущерб был возмещен полностью. Такое положение порождает отсутствие веры у граждан в эффективность деятельности органов правовой системы по защите их имущественных интересов.

Представление о реальном состоянии криминальной виктимизации может быть верным при условии, если будет учтена ее латентность, под которой в виктимологическом плане понимается совокупность данных о лицах, потерпевших от преступных посягательств, не включенных в статистические отчеты вследствие отсутствия о них к определенному моменту официальных сведений. Существует ряд косвенных методов, позволяющих исследовать степень распространенности среди населения криминальной виктимизации с учетом ее латентности. В качестве одного из эффективных методов выступает изучение общественного мнения населения по вопросам борьбы с преступностью. Анализ результатов такого изучения, проведенного ВНИИ МВД России в 1996 году, в ходе которого было опрошено 10.000 человек, представляющих различные слои и группы взрослого населения страны, свидетельствует, что реальные размеры криминальной виктимизации, а значит и преступности, многократно превышают показатели официальной статистики. Так, на вопрос о том, были ли опрошиваемые или члены их семьи потерпевшими от преступлений в 1999 году, положительно ответили 26,1% обследованных. При этом только около 54,9% из них обратились за помощью в органы внутренних дел. Хотя к этой категории данных необходимо относиться с особой осторожностью, поскольку они получаются в результате сведения воедино показателей, совершенно различных по своей природе, следует все же отметить, что они имеют большое сходство с усредненными результатами опросов, проведенных ВНИИ МВД России в 1995 и 1998 годах (27%) и данными исследования общей виктимизации в целом по Европе (21%). Учитывая, что опросу было подвергнуто взрослое население, можно соотнести данные опроса с количеством постоянного (наличного) взрослого населения России в 1999 г. и количеством официально зарегистрированных потерпевших с учетом индекса их домохозяйства¹. Несомненно, что эти расчеты в определенной степени приближены, но вместе с тем можно предположить, что свыше 40% населения

¹ Индекс домохозяйства в 1999г. составил – 2,7. См. сборник Госкомстата РФ

стали жертвами преступных посягательств. В таком случае получается, что в 1999 году было совершено не 2,62 млн. преступлений, а около 12 млн. Иными словами, реальная преступность выше в 5 раз, чем регистрируемая.

Как мы отметили в самом начале, формирование и содержание данных уголовной статистики обусловлено, в значительной степени, настойчивостью заявлений граждан о преступлениях. Настойчивость, в свою очередь, зависит от их степени терпимости к преступным проявлениям и эффективности деятельности органов внутренних дел по раскрытию преступлений и изобличению виновных в их совершении. Косвенные исследования степени терпимости населения к преступности, проведенные не только в ходе изучения общественного мнения, но и в рамках других исследований выявили парадоксальную ситуацию. С одной стороны граждане, в большинстве своем боятся оказаться в роли жертвы преступления и относятся нетерпимо к преступным проявлениям в отношении себя, с другой стороны допускают, что сами смогли бы совершить преступление. Во многом, оправдывая себя тем, что «во всем виновато государство», а именно невыполнением своих социальных обязанностей перед гражданами (массовые невыплаты зарплаты, пособий, пенсий, развал системы бесплатной медицинской помощи и как следствие тяжелое материальное положение, безработица, рост цен и т.д.). Такое положение, по всей видимости, свидетельствует не только о снижении уровня законопослушания населения, повышении порога терпимости к преступным проявлениям, которые зачастую стали расцениваться как обыденные события, не вызывающие должной реакции со стороны государства и, следовательно, вполне допустимые, но и о сильной деформации состояния общественного правосознания и нравственности населения в целом. Здесь мы встречаемся также с тем, что социальные последствия преступности, просчеты в борьбе с ней участвуют в детерминации последующих состояний криминальной и криминогенной ситуации в стране. Так, исследования показывают, что сочетание негативных социально-криминогенных процессов с недостатками пра-

воохранительной деятельности, реагирования на преступления, увеличивают число последних. Увеличение происходит не только за счет роста рецидивной преступности и вовлечения ранее правопослушных граждан в криминальную деятельность, но и в результате криминальной расправы жертв с субъектами безнаказанных преступлений. Иными словами стала формироваться практика внеправового (криминального) реагирования граждан на преступность. Которая проявляется в виде: спонтанных и подготавливаемых расправ с конкретными преступниками; неправовых форм реагирования на преступления и возмещение материального вреда; создания криминальной юстиции.

Анализ результатов изучения общественного мнения по проблемам преступности показал, что более 50% опрошенных граждан, испытавших участь жертвы преступления, защищала свои нарушенные интересы, расправляясь с обидчиком помимо закона, в том числе около 30% лично или с привлечением иных лиц (62%).

Подводя итог виктимологическому анализу состояния преступности, необходимо отметить, что уровень криминальной виктимности населения остается достаточно высоким и имеет тенденцию к росту. Более того, анализ некоторых показателей криминальной виктимизации (ее уровень, масштабы, последствия) свидетельствует не о стабилизации криминогенной обстановки в России, а об усилении криминальной напряженности в обществе. При этом приходится признавать недостаточно эффективной работу органов правоохранительной системы, что в свою очередь отрицательно влияет на готовность населения к сотрудничеству с ними, порождает неверие граждан в способность государства и его правоохранительных органов защитить население. Согласно данным регулярно проводимых социологических опросов более 27,0% населения страны неудовлетворительно оценивают деятельность правоохранительных органов, и не верят в то, что они смогут защитить их от преступных посягательств.

Использование же предлагаемых аналитических материалов в практической деятельности органов внутренних дел позволит решить конкретные управленческие задачи следующего содержания:

- получить более полную информацию о криминогенных и виктимогенных процессах в исследуемый период времени;
- подготовить основу для разработки прогноза криминальной виктимизации в будущем, с целью выработки упреждающих мер по контролю над криминогенными и виктимогенными процессами.

Данные настоящего анализа важны и при разработке общесоциальных и специальных федеральных и региональных программ борьбы с преступностью, направленных на снижение виктимности населения страны, сокращение числа реальных жертв преступлений за счет устранения негативных обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Р. Усцила

Университет права Литвы

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ "ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ - ПРЕСТУПНИК" ЗА РУБЕЖОМ

Медиация – это процесс посредничества, основанный на принципах добровольности и конфиденциальности, в ходе которого посредник – медиатор - помогает двум или более сторонам в изучении проблемной ситуации, получении ответов на возникшие вопросы, разрешении конфликта и принятии конструктивного решения.

Можно выделить следующие задачи института медиации¹:

¹ Mark S. Umbreit полненных в 1999 г. исследований, в США действовало свыше 300 программ медиации, а в Европе – более 900. В Европе программы медиации впервые появились в 1981 г. во Франции, а по числу зарегистрированных программ медиации лидирует Германия, насчитывающая свыше 350 программ.

Criteria for victim- sensitive Mediation & Dialogue with offenders. Prepared for: The office for Victims or Crime U.S. Department of Justice. August 10, 1997. p-2.

1. Реализация реституционного (восстановительного) процесса, в ходе которого жертва и преступник при решении конфликта стремятся к устранению морального, материального и какого-либо иного ущерба, причиненного в результате преступления;

2. Создание возможности жертве и преступнику встретиться "с глазу на глаз" для обсуждения преступления, получения ответов на возникшие вопросы, взаимного выражения чувств и для того, чтобы добиться по возможности взаимоприемлемого решения;

3. Создание жертве и преступнику возможности выработать взаимоприемлемый план относительно устранения последствий преступления.

Впервые программа медиации - диалога между жертвой и преступником была внедрена в 1974 г. в г. Китченер (Онтарио, Канада). Согласно данным вы

Действующие в Европе программы медиации¹

Страна	Число организаций (программ) медиации
Австрия	17
Англия	19
Бельгия	31
Дания	5
Франция	73
Италия	4
Финляндия	130
Швеция	10
Шотландия	2
Норвегия	44
Германия	348

Но самая большая практика программ медиации "жертва-преступник" – в США. В 1998 г. в США насчитывалось 293 программы медиации, из которых 42% относятся к частным организациям и агентствам, 23% - организациям, действующим на основе религиозных общин, 9% - учреждениям пробации (надзорные), 4% - юридическим фирмам, адво-

¹ Mark S. Umbreit. Victim offender mediation training manual. University of Minnesota 1998.p-15.

катским конторам, 3% - организациям, оказывающим различные услуги жертвам преступлений.¹

Институт медиации как альтернативная процедура решения спора применяется в различных областях общественной жизни. Однако в сфере уголовного права, особенно когда это относится не к наказуемым проступкам, а к преступлениям, программы медиации осуществляются при выполнении перечисленных ниже специфических условий.

• В программе медиации в роли посредников вступают только специально обученные, опытные, высококвалифицированные медиаторы.

Чаще всего к медиаторам предъявляются следующие требования:

✓ обладание специальными знаниями, навыками. Но во многих программах не требуется высшего юридического или психологического образования. В таких случаях будущий медиатор проходит специальное обучение, соединяющее в себе как теоретическую подготовку, так и практические упражнения, т.е. участие в сеансах медиации в качестве медиатора-стажера. В США каждый медиатор: 1) прослушивает специальный курс лекций в объеме, в среднем, 31 часа (в некоторых программах он достигает 89 часов), 2) в обязательном порядке вместе с опытным медиатором принимает участие, в среднем, в 4 делах (максимум – в 24 делах)¹;

✓ возрастной ценз. В некоторых программах медиации минимальный возрастной предел составляет 25 лет;

✓ соответствующий стаж работы. В некоторых программах медиации к работе медиаторами допускаются лица, имеющие пять, а иногда даже и семь лет стажа социальной работы и соответствующую практику.

Следует отметить и то, что имеются составленные и регулярно обновляемые перечни организаций, осуществляющих программы медиации,

¹ Mark S. Umbreit. Victim offender mediation and dialogue guidelines for victim sensitive practice. U.S. Department of Justice, Washington. 1999.

и самих медиаторов, иногда указывается их специализация, стаж работы и т.п.

- **Участие в программе медиации обеих сторон - жертвы преступления и преступника, возможно только после получения их письменного согласия или пожелания.** Возможен и другой вариант, при котором пожелание сторон участвовать в программе медиации высказывается устно в зале суда. Это предполагает, что жертва и преступник вполне осознают важность своего заявления, на них не оказывается давления извне и т.п. Все рассмотренные при изучении (в США) программы медиации показали, что участие жертв в медиации – добровольное, кроме того, в 99% случаев указывалось, что жертвы могут в любой момент от него отказаться. Участие преступников в некоторых программах медиации не вполне добровольное. В 79% случаев преступники включаются безотносительно добровольно, а в 21% программ было требование, чтобы преступник встретился с жертвой преступления, если она того пожелает.

- **Сложный, кропотливый подготовительный этап медиации.** При подготовке к медиации медиаторы выполняют большую подготовительную работу: проводят предварительные индивидуальные встречи с жертвой и с преступником, при необходимости привлекают специалистов из других сфер (психологов, юристов, представителей сторон, работников социальной сферы и т.п.).

- **Главное внимание уделяется диалогу сторон.** Такой диалог является обязательным, поскольку одного лишь нахождения компромисса и принятия формального решения о возмещении ущерба для улаживания конфликта не достаточно. Диалог удовлетворяет информационные и эмоциональные потребности жертвы. В некоторых случаях для жертвы имеет значение не столько реституционный договор, сколько сама возможность непосредственного разговора с преступником о преступлении.

¹ Mark S. Umbreit, J. Greenwood, M. Div. Guidelines for victim-sensitive, victim-offender

Модели программ медиации, их применение

Разумеется, нет и не может быть полного перечня всех используемых медиаторами стилей и моделей медиации. Разнообразием стилей медиации определяется численность и дифференциация медиаторов, а любой из используемых стилей может быть в равной степени эффективным¹. В мире столько моделей медиации, сколько и самих медиаторов². Однако есть модели медиации, базирующиеся на конкретных методах и требующие специальной подготовки и знаний. Наиболее часто встречающиеся модели медиации можно подразделить на обычные, классические и гуманные.

- **"Обычная"** – это максимально сокращенный процесс медиации, совершаемый чаще всего по инициативе не самих сторон конфликта, а расследующего происшествие, дело лица или органа. Здесь не требуется письменных заявлений сторон, достаточно только их согласия. Кроме того, в ходе этого процесса не проводятся домедиационные встречи, все вопросы рассматриваются во время общей встречи. Цель – с минимальными временными и материальными издержками уладить дело с тем, чтобы человек (обычно несовершеннолетний) не оказался в заключении и были созданы условия для возмещения ущерба от совершенного преступления.

- **"Классическая"** – это наиболее часто встречающаяся модель медиации со следующими характерными признаками: оценка конкретного случая, анализ данных, информации, установление надежных отношений сторон на домедиационных сессиях, условно самостоятельная, индивидуальная подготовка к совместной встрече. Цель – путем подписания соответствующего договора добиться компромисса, соглашения о возмещении ущерба и выполнении взаимных обязательств.

- **"Гуманная"** – это наиболее сложный, многоступенчатый и продолжительный процесс, требующий особенно тщательной подготовки,

mediation: Restorative justice through dialogue. Minnesota. 2000. p-31.

¹ Richard Hill. The Dispute Resolution Journal. Non-adversarial Mediation. July 1995 p-14.

² Ordever A. Alternative to Litigation: Mediation. National Institute for Trial. 1994.

контроля над проведением сеансов медиации и выполнением обязательств. Цель – поощрение диалога между жертвой и преступником, удовлетворение информационных потребностей сторон, устранение эмоциональной напряженности, нейтрализация вероятных дополнительных травм. "Гуманная" модель (процесс) медиации между жертвой и преступником должна включать следующие элементы¹:

1. Внимание и углубление медиатора в проблемы жертвы;
2. Внимание и углубление медиатора в проблемы преступника;
3. Внимательное, тщательное изучение дела, подготовка с целью:
 - a) разобраться в возможности и желании жертвы и преступника участвовать в процессе;
 - b) обеспечить безопасность как жертвы, так и преступника;
1. "Трансформативное", гибкое пользование моделью медиации, когда:
 - a) медиатор делает соответствующие прогнозы;
 - b) создается расслабляющая позитивная атмосфера;
 - c) первоначальное внимание сосредоточивается на диалоге, а не на скорейшем решении";
 - d) между участниками существует взаимная обратная связь (реакция на действие, ситуацию);
 - e) возможна альтернатива очередной сессии медиации;
1. Медиатор обязан:
 - a) разобраться в настрое участников и их прежних взаимоотношениях;
 - b) оценить собственную подготовку к этой работе и опыт;
1. Осуществление с жертвой домедиационной сессии, во время которой медиатор должен:

¹ Mark S. Umbreit. Humanistic Mediation: A Transformative Journey of Peacemaking. Center for Restorative Justice and Mediation. March 14, 1997. p. 4-6.

а) обеспечить физическую безопасность жертвы, обсудить, "дать оценку" чувствам, выявить потребности, вопросы жертвы, пользоваться языком "чувствительности" жертвы;

б) выслушать и поддержать излияние чувств;

с) представить информацию и ответить на вопросы:

- о программе медиации;

- о себе как о медиаторе;

- о процессе медиации;

- о правовой системе;

- о правах жертвы;

- о доступных ресурсах;

- о преступнике, при соблюдении принципов конфиденциальности и нейтралитета;

д) обсудить вопросы риска и выгоды, кроме того, помочь жертве в принятии решения, указав на возможность отказа от процесса медиации в любой момент;

е) учесть выбор жертвы относительно:

- участия в программе медиации;

- оказания помощи, поддержки;

- предлагаемого графика медиационных сессий;

- места сеансов медиации;

- возможности первым начать разговор;

- возможности прекращения медиационной сессии;

- возможности потребовать реституцию.

1. Всесторонняя подготовка жертвы:

а) выяснение целей жертвы;

б) оценка вероятных потерь и выгод;

с) возможность реституции;

1. Проведение домедиационной сессии с преступником, во время которой медиатор должен:

- a) обеспечить безопасность преступника;
- b) выслушать и поддержать излияние чувств;
- c) представить информацию и ответить на вопросы:

- о программе медиации;
- о себе как медиаторе;
- о процессе медиации;
- о правовой системе;
- о доступных для них ресурсах;

d) обсудить вопросы риска и выгоды и помочь преступнику в принятии решения, указав на возможность в любой момент отказаться от медиации;

- e) учесть выбор преступника:
 - относительно участия в программе медиации;
 - оказания помощи, поддержки.

1. Всесторонняя подготовка преступника:

- a) выяснение подлинных целей преступника;
- b) оценка вероятных потерь и выгод;
- c) возможности реституции.

1. После медиационной сессии производятся:

- a) информирование жертвы о значении (важности) договора;
- b) подписание договора;
- c) соглашение о необходимости дополнительных сессий, составление их графика;
- d) контакт со сторонами по телефону или другими способами;
- e) оценка достигнутых в процессе медиации целей.

Таким образом, институт медиации оказывается необычайно эффективным в следующих случаях:

- когда у обеих сторон есть совместные планы на будущее, незавершенные дела, которые так или иначе они должны будут сделать;
- когда одна или обе стороны хотят вернуть себе репутацию добропорядочного, честного человека в обществе, сохранить социальное положение;
- когда судебное разбирательство дела чрезвычайно затягивается, эмоционально, материально и как-то иначе изматывает стороны;
- когда обе стороны не заинтересованы в правовой оценке события и склоняются к прагматичным решениям, которые могут и не соответствовать оценке, даваемой правоохранительными органами.

Как показывает практика применения за рубежом программ медиации, чаще всего такие программы применяются к несовершеннолетним или молодым преступникам, а также к лицам, совершившим нетяжкие преступления или правонарушения, провинившимся впервые. Это не означает, что в прочих случаях медиация не применяется. В подобных случаях применяются другие, специальные программы медиации. На заданный организациям медиации (медиаторам) вопрос, применяют ли они медиацию в делах о насилии, 33% опрошенных ответили, что медиация применялась при случаях телесных повреждений, 18% - вооруженных нападений, 13% - сексуальных нападений, 11% - убийств по неосторожности, 8% - насилия в домашних условиях и даже 3% - случаев преднамеренного убийства¹.

Чаще всего программы медиации осуществляются при таких преступлениях, как вандализм, мелкие нападения, ограбления, вторжение в жилище.

¹ Mark S. Umbreit, J. E. Greenwood, M. Div. Guidelines for victim-sensitive, victim-offender mediation: Restorative justice through dialogue. Minnesota. 2000. p-28

Кроме того, указывается, что из дел, рассмотренных в программах медиации, 33% составляют дела о преступлениях средней тяжести и 67% - легких преступлений.

Подсчитано, что за год на программу медиации приходится в среднем 136 дел несовершеннолетних, при изменении от 1 до 900; среднее по делам взрослых 74 при изменении от 1 до 1672.

Следует отметить и то, что 74% от всех участвовавших в опросе организаций медиации заявили, что они рассматривали дела несовершеннолетних и только 26% - взрослых преступников. 45% указали, что они работают исключительно с несовершеннолетними преступниками и их жертвами, 9% указали, что работают только со взрослыми, а 46% - с обеими категориями преступников¹.

Таким образом, осуществление медиации требует определенного уровня интерактивной связи между жертвой и преступником, а также всем обществом. В уголовном процессе репрессивного характера преступление против личности понимается как "преступление против государства". Прежде всего, усматривается связь между лицом, совершившим преступное деяние, т.е. преступником, и государством. Между тем связь между жертвой, преступником и обществом, в котором они находятся, остается за рамками внимания. Упор делается на том, что только государство в состоянии справиться с преступником посредством предусмотренных в уголовном законодательстве санкций. Преступник и жертва, активные как участник интерактивного процесса просто исключаются.

Особенность института медиации "жертва-преступник" состоит в том, что на переднем плане выступают жертва преступления, необходимость возмещения причиненного ущерба и оказания соответствующей помощи (медицинской, психологической и т.д.), вместе с тем не забывается и

¹ Jean E. Greenwood, M.Div. National Survey of Victim Offender Mediation Programs in the US Overview of survey results reveals both diversity and connection among programs across the United States. Voma Connections. Winter 1998, Number 1. p-1

преступник, к которому применяются меры социально-реабилитационного воздействия, всевозможные программы, а не осуждение государством и отторжение от общества.

Важно то, что эффективно функционирующий институт медиации охватывает трех участников – жертву преступления, преступника и общество (сообщество), в котором они живут. Институт медиации не только сохраняет, поддерживает тесные взаимоотношения участников, но и создает предпосылки для их укрепления, для снижения в обществе социальной напряженности и т.д.

Систематически осуществляемое примирение жертвы и преступника будет способствовать уменьшению бюджетных расходов государства, которые выделяются на разбор и рассмотрение дел, связанных с не представляющими большой опасности, легкими преступлениями, на содержание людей в следственных изоляторах до завершения предварительного следствия и на последующее содержание их в соответствующих учреждениях лишения свободы.

Таким образом, говоря о медиации как об альтернативной возможности улаживания конфликта, о ее значении, нужно отметить, что институт медиации выгоден и жертве преступления, и преступнику, и всему обществу.

Выгода для жертвы:

- усвоить, осознать вину преступника и его ответственность за свои действия, поскольку это возможно и полезно для жертвы;
- возможность встретиться с преступником и непосредственно высказать ему свои мысли и чувства;
- узнать, каков из себя преступник в действительности;
- возможность получить ответы на вопросы, ответить на которые может только преступник: почему он выбрал конкретную жертву преступ-

ления, что привлекло его внимание (внешность, поступки, наличие собственности, условия жизни), выслеживал ли он жертву, наблюдал за ней, могла ли жертва что-либо предпринять, чтобы избежать преступления;

- уменьшить ощущение страха (часто необоснованного, преувеличенного), связанное с преступником, узнать, может ли преступник вернуться, возможно ли повторение виктимизации, какой человек мог это сделать, остается ли еще опасность, угроза насилия;

- возможность попросить и получить извинения;

- возможность дать себя увидеть, оценить как личность, а не как объект, цель покушения;

- возможность воспользоваться своими правами, быть основным участником урегулирования конфликта, не оставаться вытесненным, оставленным в стороне как лишняя помеха для дальнейшего расследования;

- понять преступника как человека, несущего личную ответственность;

- возможность узнать, как и когда будет возмещен причиненный преступником ущерб, требовать надлежащего, приемлемого способа возмещения;

- намного более высокая (даже в четыре раза) вероятность реально получить возмещение ущерба с одновременной реализацией и прочих реституционных обязательств;

- возможность повлиять на возникшую из-за преступления проблему;

- возможность снизить вероятность повторной виктимизации;

- возможность избежать судебного разбирательства дела, тем самым обойтись без затрат времени и средств;

- возможность прочувствовать, что правосудие осуществилось.

Выгода для преступника:

- возможность возместить, компенсировать причиненный ущерб и осознать свою вину, а не быть только наказанным;
- возможность извиниться или объяснить;
- возможность понять реальные (в полном объеме) последствия преступления;
- возможность дать себя увидеть как личность, а не только как преступника;
- возможность участия при решении, каково будет возмещение жертве, а также, поскольку разумно или возможно договариваться, возможно, даже торговаться о возмещении;
- в некоторых случаях, когда преступник не представляет собой опасности для общества (первое или мелкое нарушение), - уникальная возможность избежать наказания, судебного разбирательства дела со всеми вытекающими из этого последствиями;
- возможность восстановить свою добрую репутацию.

Выгода для общества;

- при увеличении масштабов компенсации причиненного ущерба в обществе уменьшается размер вреда от последствий преступлений;
- снижается повторяемость преступлений, рецидив. По данным выполненных в США исследований, из числа лиц, участвовавших в программе медиации, в течение года повторно совершили преступления 19% лиц, тогда как из тех, кто в таких программах не участвовал, повторно совершили преступления 28%. Примечательно и то, что повторные преступления бывших участников медиации были более легкими (по их классификации по видам преступлений)¹.
- усиливаются идеи справедливости, их реализация в обществе;

¹ William R. Nugent, Mark S. Umbreit, Lizabeth Wiinamaki, Jeff Paddock. Participation in victim-offender mediation reduces recidivism. *Voma connections*. Summer 1999, Number 3. p – 1.

- в обществе уменьшается вред от последствий заключения людей, в заключение меньше попадает кормильцев семей, люди не проходят "тюремных университетов", не перенимают субкультуру преступного мира;
- подготавливаются добровольцы, решающие проблемы, возникающие из-за совершения преступлений, увеличивается число лиц, способных оказать жертве требуемую помощь;
- в связи с большим многообразием решаемых вопросов подготовленные добровольцы используют новейшие знания в решении соответствующих споров.

Полезьа для системы правосудия:

- поощряется осознание потребностей жертв преступлений и их доверие ко всей системе правосудия;
- растет понимание справедливости всего общества и доверие ко всей системе правосудия;
- существенно уменьшается время на всестороннее рассмотрение дела;
- при использовании услуг подготовленных добровольцев существенно снижаются материальные затраты на расследование преступлений;
- уменьшаются издержки по содержанию в заключении путем использования альтернативных мер воздействия на преступников, которые не представляют собой опасности и могут послужить в пользу как жертвы преступления, так и общества. Например, в США 95% уголовных дел рассматривается по принципу "соглашения с Юстицией". Подсчитано, что если это число снизить до 80%, потребовалось бы в 100 раз больше судов и в 10 раз – судей, прокуроров и адвокатов¹;
- уменьшается нагрузка правоохранительных органов, занимающихся предварительным следствием или судебным разбирательством; их

¹ Р. Максудов. Необходима обновленная концепция судебной реформы. Право защитник. 1997 – 4. с-34.

возможности и средства можно с большим эффектом использовать для расследования сложных дел и профилактики преступлений.

Достоинно внимания и то, что, несмотря на все достоинства института медиации "жертва-преступник", этот процесс не является универсальным. Существуют дела, в которых медиация как средство улаживания конфликта нецелесообразна, а в отдельных случаях даже противопоказана¹, а именно

- когда стороны не склонны к уступкам, убеждены в своей правоте, считают, что судебное разбирательство им выгоднее, чем уступки другой стороне;
- когда не известно лицо, совершившее преступление, или его нынешнее местожительство;
- когда одна из сторон в силу объективных или субъективных факторов не в состоянии добиться соглашения и участвовать в программе;
- когда та или другая сторона равнодушно относится ко всему процессу медиации и его исходу;
- когда совершены особо жестокие, циничные преступления и т.д.

В процессе медиации (в широком смысле) можно условно выделить ряд этапов.

Регистрация дела для медиации

В зависимости от конкретного случая выступить с инициативой программы медиации "жертва-преступник" и прислать соответствующую документацию могут:

а) правоохранительный орган, к компетенции которого дело относится (полиция, прокуратура, суд, учреждение исправительных дел, их подразделения и т.п.),

б) жертва преступления или преступник, их адвокат, представитель,

¹ Donohue C. The Profilis and Befetnis of Litigatio. St. Louis Symposium "The New ADR". Nov. 3, 1995

с) представители органов самоуправления, муниципальных служб.

Напр., в США программы медиации инициируются: в 29% всех случаев – учреждениями пробации, 23% - судами, 15% - прокуратурой, 13% - различные службы, работающие с несовершеннолетними преступниками, 10% - полицией, 7% - адвокатами, представляющими интересы преступников, 2% - представителями, членами общин, 1% - адвокатами, представляющими интересы жертвы¹.

Следует упомянуть и о том, что программа медиации инициируется, когда:

- инициатива исходит от обеих сторон, а медиация начинается только при добровольном согласии обеих сторон на встречу;
- инициатива исходит от одной из сторон, медиация начинается по просьбе хотя бы одной стороны, т.е. жертвы преступления или преступника. Разумеется, после совершения преступления в большинстве случаев жертва преступления и преступник в контакт не вступают, поэтому программа медиации инициируется одной из сторон, которая обращается в соответствующую общественную или частную организацию, офис медиации. Получив ходатайство, в котором приводится информация о другой стороне, организация медиации устанавливает с последней контакт;
- с инициативой выступают не стороны, а соответствующие специальные органы (обычно, по делам несовершеннолетних).

Возможны случаи, когда медиация используется как "условие" досудебного разбирательства. В некоторых штатах США, если правонарушения происходят в среде членов семьи, перед обращением в суд о возбуждении и расследовании дела требуется обратиться в органы медиации².

¹ Mark S. Umbreit, J. Greenwood, M. Div. Guidelines for victim-sensitive, victim-offender mediation: Restorative justice through dialogue. Minnesota. 2000. p-28.

² Brown H., Marriott A. Alternative Dispute Resolution principles and practice. London, 1993 p. 114.

Анализ дела

После оформления соответствующего уведомления и договоренности о рассмотрении конкретного случая идет ознакомление с материалами дела, их анализ, одновременно решается вопрос о выборе модели медиации и назначении конкретного медиатора;

Здесь нужно отметить, что в 34% случаев медиация "жертва-преступник" начинается сразу после нарушения, без какого-либо формального признания вины, в 29% - уже во время предварительного следствия и в 27% - в ходе судебного разбирательства или уже после объявления решения суда. Вследствие этого время на рассмотрение дела медиатором и его возможности зависят от того, на какой стадии состоялось обращение в организацию медиации.

Индивидуальные (домедиационные) беседы медиатора с жертвой преступления и преступником

Прежде всего, важно определить готовность сторон к участию в программе медиации, т.е. выяснить их желание достичь соглашения и примирения. Замечена тенденция, при которой стороны, обычно жертвы преступлений, участвовать в медиации опасаются, поскольку им неизвестен такой процесс, они не желают встречаться непосредственно с преступником и вообще заниматься возникшей проблемой. Но после медиации они выражают удовлетворение тем, что решились на такой шаг и сами решили проблему. Нужно отметить и то, что после медиации на вопрос о возможности их участия в подобных программах в будущем они однозначно дают положительный ответ¹. Кроме того, 91% участвовавших в медиации жертв считает, что программы медиации должны осуществляться в каждом правоохранительном органе².

¹ Randolph N. Stone . Victim-Offender Mediation/Dialogue Programs. 1994. p.4

² Mark S. Umbreit. Victim offender mediation training manual. University of Minnesota 1998. p.12.

На домедиационной встрече сторонам дается разъяснение, что будут приняты все возможные меры безопасности и обеспечена конфиденциальность процесса. Подчеркивается, что примирения, консенсуса добивается не одна сторона, а обе, лицо, совершившее преступление, искренне сожалеет о содеянном, признает свою вину, и только после этого они могут принять участие в программе медиации "жертва-преступник".

Следует также отметить, что 99% участников обследования программ медиации "жертва-преступник" указали, что стороны обязательно приглашаются на домедиационную встречу, на которую в 48% случаев приглашает исполнитель программы, а в 51% - сам медиатор. Но отдельные перед совместной медиационной встречи проводятся только в 78% медиационных программ, из них в 80% случаев – встречи с медиатором, в 20% - с другими исполнителями программы.

Совместные встречи

После того как будет установлена добрая воля и готовность обеих сторон к участию в медиации, организуется встреча обеих сторон при участии медиатора. Задача такой встречи – обсудить способы решения проблемы и прийти к соглашению.

Перед тем как стороны начнут высказываться, медиатор напоминает основные правила и о своей нейтральной позиции на этой встрече. Главная его задача – при необходимости направить совещание в нужную сторону, чтобы встреча не отвлекалась на посторонние дела, кроме того, способствовать согласованию позиций, контролировать, чтобы совещание не зашло в тупик.

В США производились опросы жертв преступлений, преступников, медиаторов, которые показали, что решение о том, кто начнет встречу в 53% случаев принимал медиатор, в 20% это задавалось программой, в 12%

определялось жертвой преступления, в 15% - жертвой преступления вместе с преступником¹.

Следует отметить и то, что чаще всего назывались следующие места проведения совместных встреч: в 72% случаев – офисы программ, 44% - центры общины, 42% - конференц-залы библиотек, 39% - церкви, синагоги, 18% - залы суда, 17% - в доме жертвы.

После вступительного слова медиатора обычно слово предоставляется жертве преступления. Жертва вкратце излагает свои соображения относительно совершенного преступления, сообщает, какой она понесла ущерб, как этот случай повлиял на ее жизнь, какие вызвал перемены. Затем предоставляется возможность преступнику ответить на поставленные вопросы, извиниться, объяснить свой поступок, о чем он думал, совершая преступление, и т.п. После этого стороны задают друг другу вопросы, отвечают на них. Дело медиатора – стараться, чтобы стороны общались как можно более естественно, искренне, самому вступать в беседу только при необходимости. После обсуждения и восстановления сторонами обстоятельств случившегося медиатор предлагает перейти к вопросу о возмещении ущерба и подписания соглашения о его компенсации.

Подписание мирового соглашения

Один из главных моментов процесса медиации – это соглашение о возмещении или компенсации причиненного жертве ущерба. В соглашении может быть закреплено, что совершившее преступление лицо полностью возместит ущерб сразу или по частям за определенное время, выполнит в пользу жертвы соответствующие работы (отремонтирует двери, окна, починит автомобиль и т.п.) Кроме этого может быть указано, что преступник регистрируется в программе лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании, в течение определенного времени (бесплатно или за плату)

¹ Mark S. Umbreit, J. Greenwood, M. Div. Guidelines for victim-sensitive, victim-offender mediation: Restorative justice through dialogue. Minnesota. 2000. p-36

будет выполнять общественные работы для общины, окончит специальные курсы повышения квалификации и т.п.

Подписываемый сторонами договор обычно состоит из 5 частей, разделов: 1) возмещение материального ущерба, 2) требования к дальнейшему поведению преступника, условия, 3) возложение на преступника обязанности лечиться, пройти соответствующий курс терапии, консультироваться, 4) меры контроля, обеспечивающие выполнение обязательств, 5) обязательства жертвы преступления (забрать заявление, инициировать прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон и т.п.). Соглашение подписывается обеими сторонами, участвовавшим медиатором и, в отдельных случаях, руководителем программы медиации (когда стороны требуют заменить медиатора и т.п.).

В процессе медиации возможно принятие следующих решений:

- проблема (конфликт) решена полностью;
- достигнут только частичный компромисс, договорились только по некоторым вопросам;
- констатируется, что консенсуса не достигнуто, программа медиации не достигла своих целей (в некоторых случаях, при отсутствии согласия, делается регистрация на последующий сеанс медиации).

Контроль над соблюдением соглашения

В одних случаях считают, что программа медиации завершается после оформления и подписания соглашения сторон. В других полагают, что программа достигает своих целей после выполнения всех предусмотренных договором условий. Тогда медиатор, выполнявший медиацию и реализовавший примирение, обязан проверить, как выполняются условия соглашения, возмещен ли ущерб, выполнялись ли работы, лечится ли виновник и т.д. Об этом должен быть уведомлен и орган, по инициативе которого осуществлялась программа медиации. Только после выполнения всех условий медиатор может констатировать, что программа достигла своих целей.

Здесь следует отметить психологический момент, когда стороны принимают на себя обязательство выполнять заключенное соглашение, поскольку оно является результатом их собственной работы, а не навязанная со стороны обязанность.

Одна программа медиации в США за год рассматривает в среднем 106 дел. Из них в среднем в 92 (87%) достигается письменное соглашение, которое в 99% (в среднем) случаев выполняется надлежащим образом.

Согласно данным других опросов, из пяти дел, представленных на медиацию, четыре решаются положительно¹.

Участники программ медиации

Стороны медиации, т.е. жертва преступления и преступник, участвуют в сеансах медиации лично, их не могут заменять никакие представители, юристы, консультанты или адвокаты. Именно эти две стороны занимают центральное место в процессе медиации с момента ее инициативы до принятия окончательного решения, подписания соглашения и его выполнения. Но в определенных случаях в процессе медиации могут участвовать и другие лица. В таком случае (в зависимости от обстоятельств) требуется согласие одной или обеих сторон.

Исследования показывают, что только в немногих (8%) программах медиации жертвы и несовершеннолетнего преступника родители последнего не участвуют, а в большинстве программ (52%) родители участвуют всегда.

Резюмируя практику использования программ медиации "жертва-преступник", можно утверждать, что функции посредника в программах медиации могут выполнять:

- руководитель, координатор программы медиации;
- медиаторы, непосредственно работающие в программах;

¹ Coulson R. Mediation – What you need to know?.New York 1989, p. 9

▪ медиаторы-стажеры, лица, участвующие в программах в качестве помощников медиатора в порядке прохождения практики, которая является обязательной частью программы их подготовки.

Кроме того, в зарубежной практике медиации хорошо известен институт обще-медиации (англ. - Co-mediation), когда в роли посредника в медиации выступают несколько лиц-медиаторов. Упомянутый институт имеет в процессе медиации "жертва-преступник" широкое употребление, при этом имеет следующие достоинства:

- a) более эффективное обеспечение безопасности;
- b) более всестороннее рассмотрение специфических дел;
- c) сведение к минимуму потерь времени, т.е. сокращение самого процесса, ускорение разбора дела;
- d) больше возможностей привлечения добровольцев из общины и надлежащего контроля.

Исследования показывают, что в 93% всех программ медиации регулярно или эпизодически прибегают к помощи обще-медиаторов.

Следует отметить и то, что после проведения в США исследований были перечислены по важности следующие специфические задачи медиаторов:

- облегчить диалог между жертвой и преступником – 28%;
- обеспечить сторонам безопасность, комфортность – 23%;
- помочь сторонам договориться относительно взаимовыгодного плана реституции – 12%;
- активно выслушать обе стороны – 11%;
- целенаправленно ориентировать стороны на достижение письменного соглашения – 6%;
- в нужный момент выйти из беседы, чтобы стороны самостоятельно, без давления, естественно вели переговоры – 6%;
- управлять процессом медиации – 4%;

- обозначить позиции сторон 4%;
- интерпретировать комментарии; сторон – 2%;
- прочее – 3%.

Следует отметить и то, полученные в США данные опроса показывают, что 82% респондентов согласны на участие в программах медиации в случае совершения против них преступления. Из 280 опрошенных жертв преступлений, которые участвовали в программах медиации 91% считал свое участие полностью добровольным, никем не стесненным, не ощущал никакого давления. Из жертв преступлений, не принимавших участия в таких программах (контрольная группа), 70% желали бы участвовать в медиации, встретиться с преступниками, если бы у них было такое право или возможность¹.

В 1997-1998 гг. в США выполнено подробное исследование с целью установить количество и динамику увеличения числа программ медиации "жертва-преступник". Исследование проводили Миннесотский университет, училища социальной работы, Центр восстановительного правосудия и медиации. К исследованию были привлечены и учреждения, основанные совсем недавно, насчитывающие лишь несколько случаев медиации, и обладающие десятками лет опыта.

Исследование показало²:

- жертвы преступлений, встречавшиеся с преступниками, более удовлетворены справедливостью решения их дела, чем жертвы, которые участвовали в судебном разборе;
- после встречи с преступниками жертвы гораздо меньше опасаются повторной виктимизации;

¹ Mark S. Umbreit. Victim offender mediation training manual. University of Minnesota 1998. p-12.

² Mark S. Umbreit. Victim offender mediation and dialogue guidelines for victim sensitive practice. Minnesota 1999.

- после встречи со своими жертвами преступники намного лучше выполняли свои реституционные обязательства, которые выполнялись непосредственно в пользу жертвы;
- участвовавшие в программе медиации преступники совершают значительно меньше тяжких преступлений¹.

Р.С. Дмитриевский,
кандидат юридических наук.
ЮИ МВД России

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С позиций общего представления виктимология означает особый раздел криминологии, как учение о жертве преступления. Следует отметить, что в этом отношении криминологическое учение достигло значительных результатов, которые позволили отдельным ученым утверждать, что в настоящее время виктимологию следует рассматривать как вполне самостоятельную науку со всеми вытекающими из этого последствиями².

Виктимология изучает личность жертвы, отношения между преступником и жертвой, поведение потерпевшего и его роль в возникновении причин преступления. На основе этого виктимология разрабатывает теории, прогнозирующие вероятность стать жертвой преступления.

Экология имеет более обширный предмет изучения. Как раздел социологии она рассматривает проблемы взаимоотношений человека и окружающей среды.

¹ Mark S. Umbreit. Victim offender mediation and dialogue guidelines for victim sensitive practice. U.S. Department of Justice, Washington. 1999 p-3

² Кузнецова Н.Ф. Проблема криминологической детерминации. М., 1984. С. 163-165.

Природоохранительное законодательство регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы с целью сохранения природных богатств и естественной среды обитания человека и обеспечивает предотвращение экологически вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, оздоровление и улучшение качества окружающей природной среды.

Важное значение, с точки зрения виктимологии экологического характера, имеет Закон РФ 1991 г. "Об охране окружающей природной среды". Он по существу является комплексным актом прямого действия, устанавливающим экологические требования к источникам вредного воздействия на окружающую среду, к охране жизни и здоровья людей от неблагоприятного воздействия окружающей среды, в том числе отрицательного влияния виктимного поведения на экологические отношения, способствующие улучшению окружающей среды, обеспечения экологической безопасности населения. Виктимному поведению также противодействуют установленные этим правовым актом экологические права граждан в области охраны озонового слоя атмосферы, земли, ее недр, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, леса и иной растительности, животного мира, генетического фонда природного ландшафта и т.д.

Виктимное поведение в области экологических отношений также включает:

нарушение норм и правил в области использования атомной энергии; неиспользование или ненадлежащее использование предписаний органов государственного регулирования безопасности;

проведение работ на ядерной установке, на радиационном источнике и пункте хранения, а также обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами;

невыполнение своих должностных обязанностей работниками ядерной установки и других объектов;

невыполнение своих должностных обязанностей лицами, ответственными за обеспечение работы и безопасности, в критических ситуациях, которое повлекло или могло повлечь человеческие жертвы, опасное облучение людей либо радиоактивное заражение окружающей среды;

необоснованный или преднамеренный выброс или сброс радиоактивных веществ в атмосферу, водную среду и недра в количествах, превышающих предельно-допустимые нормы;

вовлечение в хозяйственный оборот в целях использования и потребления населением продукции, загрязненной радиоактивными веществами выше установленных нормативов;

нарушение установленного порядка экспорта и импорта ядерных установок, оборудования, технологий, ядерных материалов, радиоактивных веществ и услуг в области использования атомной энергии¹. В данном случае речь шла о виктимных проявлениях только в одной отрасли защиты окружающей среды от радиоактивного загрязнения носителями атомной энергии.

Признавая особую важность такого рода изучения виктимного поведения и его последствий, тем не менее мы не можем ограничиваться только сказанным выше.

Важное значение для рассмотрения виктимологического аспекта экологических преступлений имеет их научно-обоснованная классификация, которая может строиться по нескольким основаниям.

При этом важно избрать наиболее надежные основания, которые позволили бы определить в этом процессе наиболее важные его стороны.

К числу наиболее существенных критериев классификации экологических преступлений по уголовно-правовым признакам, когда поведение жертвы осуществляется в рамках конкретного преступного деяния, то необходимо учитывать наступившие последствия. Иными словами, виктим-

¹ См. подробнее: Дубовик О.Л. Экологические преступления. М., 1998.

ное поведение не может рассматриваться произвольно и всегда находится в причинной связи с конкретным преступлением экологического характера.

В соответствии с действующим уголовным законодательством виктимологические последствия связаны: с нарушением правил охраны окружающей среды при производстве работ; нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами; нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами; нарушение ветеринарных правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений; загрязнение вод; загрязнение атмосферы; загрязнение морской среды; нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ; порча земли; нарушение правил охраны и использование недр; незаконная добыча водных животных и растений; нарушение правил охраны рыбных запасов: незаконная охота; уничтожение критических местообитаний организмов, занесенных в Красную книгу РФ; незаконная порубка деревьев и кустарников; уничтожение или повреждение лесов; нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов.

Приведенная уголовно-правовая классификация характерна тем, что каждому из указанных составов преступлений присуще проявления виктимности соответственно общественной опасности каждого из указанных деяний. Причем здесь проявляется такая важная особенность, что жертва преступного деяния может быть одновременно и виновником преступления. Например, совершая преступление, связанное с нарушением правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных и иных объектов, ответственное за соблюдение этих правил лицо может стать не только виновником такого преступления, но и его жертвой. Здесь виктимологическая и противоправная стороны носят двойственный характер.

Критерием классификации степени выраженности виктимности при совершении экологических преступлений служит оценка характера умысла на совершение таких действий и поступков. В этих случаях может иметь место прямой умысел либо неосторожность в виде легкомысленного отношения к возможным последствиям или пренебрежительного отношения к ним.

В связи с изложенным выше о виктимологическом аспекте экологических преступлений приобретает особую значимость вопросы юридической безопасности человека и природной среды.

Как отмечается в литературе, под юридической безопасностью человека понимается состояние защищенности человека и природной среды, в связи с вступлением их в среду правовых отношений. Предметом защиты является жизнь, здоровье, законные права, интересы, вытекающие из данных отношений, а также нормальные условия среды жизнедеятельности.

К источникам юридической опасности следует отнести:

- пробельность, противоречивость и неэффективность правовых норм, регламентирующих сферу экологических отношений между человеком и природой;

- неприменение правовых норм юридическими органами и должностными лицами, что подрывает авторитет власти и закона, способствует беспределу, развитию теневого права, авторитета криминала и в целом криминализации отношений;

- непресекаемый произвол конфликтов сторон, заключающийся в использовании силовых средств при отсутствии должного юридического контроля. Одна из сторон требует выгодное для нее соглашение у противоположной стороны;

-произвол работников судебных, правоохранительных и иных юридических органов и должностных лиц, призванных решать возникший юридический конфликт¹.

Виктимологическое изучение экологической преступности позволяет сделать важные выводы о следующем: во-первых, о морально-психологических и социально-ролевых характеристиках жертв преступлений. Это позволяет понять, почему, в силу каких моральных, волевых или эмоциональных качеств лицо оказалось потерпевшим от преступления; во-вторых, отношения, связывающие преступника с потерпевшим, с тем, чтобы понять в какой мере эти отношения значимы для создания предпосылок совершения преступления, как они мотивируют действия преступника; в-третьих, виктимология изучает ситуации, которые предшествуют и сопровождают экологические преступления.

Сказанное означает, что поведение человека по своей природе может быть не только преступным, но и виктимным, т.е. рискованным, неосмотрительным, провокационным, распущенным и в конце концов опасным для себя.

В практическом отношении изучение виктимного поведения имеет особое значение для недопущения отрицательных последствий, с точки зрения усиливающего момента для совершения преступлений.

Собственно речь идет об виктимологической профилактике экологических преступлений.

Это специфическая деятельность социальных институтов, направлена на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение экологических преступлений, выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности. Составной частью такой деятельности является воздействие на них в целях восстановления или ак-

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Безопасность человека. М., 1998. С. 148-150.

тивизации их защитных свойств от преступлений и последующей виктимизации¹.1

Здесь следует заметить, что как и традиционная профилактика преступного поведения, виктимологическая профилактика экологических преступлений имеет сложную структуру, осуществляется различными субъектами, на различных уровнях, в различных видах и формах, в отношении различных объектов.

Следует иметь в виду, что виктимологическая профилактика отнюдь не решает всех проблем борьбы с экологическими преступлениями. Однако в общей системе традиционных мер и вместе с ними она существенно повышает уровень предупреждения экологических преступлений и делает эту деятельность логически завершённой.

Эффективное осуществление виктимологической профилактики экологических преступлений зависит от многих факторов организационного и тактического характера.

Как и любая организационно-управленческая деятельность она начинается с информационного обеспечения. В области виктимологической профилактики экологических преступлений нужны разнообразные сведения о потерпевших и иных жертвах преступлений, о социальных последствиях преступности экологического характера в целом и отдельных видов и групп преступлений, о степени виктимности различных слоев и групп населения, уровне страха и подавленности населения вследствие разгула преступности, в том числе и в экологической области.

Использование виктимологических возможностей в практической деятельности зависит от того, насколько полно и своевременно выявляются потенциальные жертвы и конкретные ситуации, таящие возможности для совершения экологических и иных преступлений.

Если брать группу экологических преступлений, то следует отметить, что значительной степенью виктимности обладают некоторые должност-

¹ Криминология. Учебник. М., 1999. С. 377-378.

ные лица, особенно из числа работников лесной охраны, рыбоохраны и сотрудников, призванных обеспечивать безопасность дорожного движения.

Работа по выявлению потенциальных жертв преступлений не должна вестись в отрыве от деятельности по установлению лиц, склонных к совершению экологических преступлений. Известно, что лица с повышенной индивидуальной виктимностью нередко обладают устойчивыми противоправными установками и нередко поддерживают криминальные связи. Важен также анализ и оценка конкретных ситуаций. Проводя эту работу, можно в равной мере определить как круг возможных потенциальных причинителей экологического вреда /преступников/, так и круг возможных потерпевших от них. Потенциальные жертвы могут быть выявлены путем оценки нравственно-психологических, половозрастных, демографических и иных особенностей такого рода лиц.

Виктимное поведение в значительной степени зависит от образа жизни конкретного лица. Такое понятие включает в себя довольно большое количество социально-значимых характеристик. К ним в первую очередь можно отнести: взаимоотношения на производстве, отношение к труду и семейным обязанностям, характер связей и отношений с ближайшим окружением, уровень образования, этически правовые взгляды, коммуникабельность, экологическую воспитанность и многое другое, что составляет основу жизнедеятельности человека.

Виктимное поведение отличается от обычного существенными диспропорциями в главных жизненных ориентациях человека. В первую очередь выражается в противоречивости поступков и поведения, неустойчивом характере, превышении меркантильных интересов над другими более ценными и общественно-полезными.

Выше приводилась уголовно-правовая классификация экологических преступлений с позиций виктимологического подхода. Однако такая классификация является лишь общим ориентиром для оценки виктимного поведения. Следует отметить, что начинается 26 глава об экологических пре-

ступлениях со статьи 246 УК РФ. Само содержание диспозиции этой статьи отражает основные признаки виктимного поведения, заключающиеся в нарушении правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов лицами, ответственными за соблюдение этих правил, если это не повлекло тяжелых последствий. Когда же эти действия повлекли существенное изменение радиационного фона, причинения вреда здоровью человека, массовую гибель животных или иные тяжкие последствия, то эти действия квалифицируются как преступные. Виктимологический аспект здесь очевиден и не требует дальнейшего детального рассмотрения.

Несколько другой подход в виктимологическом отношении устанавливает статья 247 УК РФ, где говорится о нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов. Она гласит: производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среды. Здесь для признания виктимных действий преступными достаточно реальной угрозы причинения существенного вреда. Это именно тот случай, когда действия перерастают в преступные в силу возможности наступления опасных последствий.

Виктимологическая сторона такого экологического преступления, как нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами существенно не отличается от других составов экологических преступлений, в том случае, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия. Сами по себе действия виновных носят виктимологический оттенок, но наступают

пившие от этого последствия носят ярко выраженный общественно опасный характер и законодателем рассматриваются как преступные.

Далее в разделе об экологических преступлениях, в частности, в статье 249 УК РФ устанавливается состав преступления, связанный с нарушением ветеринарных правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений. Диспозиция этой статьи является бланкетной и поэтому в ней не указываются какие конкретные правила были нарушены или не соблюдены. В этом случае необходимо руководствоваться ветеринарными правилами, закрепленными в Законе от 14 мая 1993 года "О ветеринарии". Определяя виктимологическую сторону этого состава преступления следует учитывать, какие именно правила были нарушены вопреки этого закона.

Статья 250 УК РФ определяет уголовно-правовую сторону загрязнения вод. Виктимологическая сторона здесь определяется содержанием диспозиции: загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если при этом был причинен существенный вред животному или растительному миру. Как отмечается в литературе, практически 70 % населения РФ употребляет воду не соответствующую ГОСТУ, 70 % поверхностных и 30 % подземных вод потеряли свое питьевое значение и перешли в различные категории загрязненности¹.

Серьезную опасность в экологическом отношении представляет загрязненность атмосферы, которая с виктимологической стороны представляет нарушение выброса в атмосферу загрязненных веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха.

Результаты наблюдений, выполненных за последние 5 лет, показывают, что не смотря на спад в последние годы некоторых производств и закрытие многих предприятий, уровень загрязнения воздуха остается высо-

¹ Дубовик О.Л. Экологические преступления. М., 1998. С. 3.

ким. Средние за год концентрации взвешенных веществ, диоксида, азота, формальдегида и бензапирена во многих городах превышают предельно допустимую концентрацию /ПДК/, установленные для населенных мест России. Такая обстановка с атмосферным воздухом отмечается в 230 городах России.

Максимальная концентрация многих вредных веществ в атмосферном воздухе превышает 5 ПДК более чем в 150 городах, 10 ПДК-в 86 городах.

Как отмечается в весьма авторитетных источниках, число жителей, испытывающих воздействие более 5 ПДК различных веществ, составляет 54.9 млн. человек, 10 ПДК-40.1 млн.человек.

К сожалению, за указанные экологические нарушения никто уголовной ответственности не понес, хотя налицо и состав преступления и его виктимологические последствия. Ученые ограничиваются констатацией фактов, а местные органы власти не могут действовать по закону в силу своей зависимости от влиятельного чиновничьего аппарата. Забота о здоровье населения остается только на бумаге. В этом состоит основная сущность рассматриваемой проблемы и возможные необратимые трагические последствия для ныне живущего населения и его будущих поколений.

Если проанализировать все изложенное, то можно достаточно точно охарактеризовать сложившуюся в стране экологическую обстановку. В этом случае можно отметить некоторые положительные моменты в создавшейся экологической ситуации, а и также весьма сложные и трудные проблемы, которые требуют принятия кардинальных мер.

Безусловно, введение в новый уголовный кодекс РФ главы об экологических преступлениях это полезный шаг в направлении предупреждения такого рода преступлений с точки зрения общей превенции. Однако это только общий подход в борьбе с экологической преступностью. Главное здесь состоит в том, что законы должны быть не только содержательными и хорошо выглядеть на бумаге, а их нужно неукоснительно исполнять,

вкладывая в это весьма значительные усилия экономического, финансового, организационно-хозяйственного характера.

В настоящий период кризисной ситуации накопилось множество сложнейших социальных проблем, которые требуют своего незамедлительного решения. Все это верно, но в этой сложной цепи стоящих неотложных задач важно выделить главное. Этим главным являются - жизнь, здоровье, благосостояние человека и его перспективы на будущее. Все это в первую очередь связано с экологически благоприятной для человека природной средой, которая с одной стороны так богата и щедра, с другой так беззащитна и безмолвна. Защитить ее может только сам человек и цивилизованное общество, понимающее истинный характер и назначение его главных ценностей.

Особенностями экологических преступлений с рассматриваемых позиций, является то, что из всей цели экологических преступлений трудно провести различие между жертвой преступления и преступником, ибо нередко виктимные действия с одной стороны, являются следствием наступивших общественно опасных последствий, и, следовательно, их следует рассматривать как преступные. Жертвами экологических преступлений является не один человек и даже не группы лиц, а большие массы населения и территориальные образования с их флорой и фауной.

Виктимному поведению в сфере экологических отношений противостоит законность и строгая ответственность за совершение противоправных действий.

Однако высказанное выше положение выглядит в реальной действительности только как правильный постулат, особенно это касается преступлений, направленных против преступлений, связанных с экологическими отношениями.

Здесь следует заметить, что до последнего времени основное внимание исследователей и практических работников в сфере экологического и криминологического изучения состояния и тенденций развития этого вида

преступности и ее виктимологических последствий, в основном, фокусировалось на проблематике учета и регистрации такого рода преступлений, на выявлении масштабов и уровня латентности этого вида преступности, что само по себе является весьма важным обстоятельством. Между тем без учета последствий с точки зрения "цены", "стоимости", "бюджета" криминологического и экологического представления о подлинных масштабах этого социального зла будет далеко не полным. Это неизменно ведет к тому, что современная статистическая информация не содержит даже общих данных о масштабах прямых потерь, которое несет преступность в целом, и в частности, антиэкологических преступлений, а также о числе жертв преступлений, причиненном гражданам, физическом и материальном ущербе. В конце концов, это ведет к снижению уровня безопасности в обществе, повышению уровня страха населения и другим опасным последствиям.

Казалось бы, все это противоречит, во всяком случае, не способствует разумному отношению в борьбе с преступностью в различных ее проявлениях, в том числе виктимологическими последствиями экологических преступлений.

Как отмечается в литературе, такое положение сложилось в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств и причин.

Субъективная сторона обычно выражается в нежелании ответственных за состояние борьбы с преступностью должностных лиц показать истинную картину потерь от преступности. Такое нежелание лежит в русле традиционно сформировавшейся психологии многих руководителей правоохранительных органов исказить реальную криминологическую ситуацию в выгодном для себя свете. Для того, чтобы хотя бы уменьшить масштабы таких злоупотреблений необходим систематизированный анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающегося в первую очередь таких понятий, как "последствия", "ущерб", "вред", "потерпевший от преступления".

Совершенствование и дополнение системы уголовной регистрации статистическими данными, характеризующими последствия преступности, включая виктимологическую сторону, будет способствовать более объективной оценке криминальной ситуации, разработке оптимальной стратегии и тактике борьбы с преступностью, имеющей целью минимизацию ущерба, причиняемого различного рода преступлениями, в том числе и экологического характера. Потерпевшие от преступлений подобного рода в наименьшей степени защищены реальными правовыми мерами. Практически, каждый из нас ежегодно подвергается вредному воздействию в результате грубого нарушения экологических правил охраны окружающей среды.

Из-за отсутствия цивилизованного подхода к защите интересов потерпевших ныне действующее законодательство еще не стало основополагающим принципом российской уголовной политики¹.

Н.Е. Елисеева

ПОНЯТИЕ РЕЦИДИВА В КРИМИНОЛОГИИ

Состояние и динамика преступности в стране на сегодняшний день характеризуется весьма неблагоприятными тенденциями. Одна из них - рост рецидивной преступности, в структуре которой преобладают тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и насильственной направленности. Рецидивная преступность является питательной средой для организованной и профессиональной преступности, на фоне весьма неблагоприятной социально-экономической обстановки в стране происходит их сращивание. Долгое время было принято считать, что профессиональная преступность в нашей стране ликвидирована, а организованная преступность - атрибут капиталистического общества и ей нет места в советском государстве. Сего-

¹ См. подробнее: Квашис В.Е. Основы виктимологии. М., 1999.

дня ситуация в корне изменилась, в криминологии указанные формы преступности выделяются в качестве самостоятельных и активно изучаются¹. Ранее неоднократно отмечалось, а в настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнений, что проблема борьбы с рецидивной преступностью носит комплексный характер и поэтому должна рассматриваться как в уголовно-правовом, так и в криминологическом аспектах. Используя одинаковые теоретические понятия, эти науки наполняют их различным содержанием в соответствии со стоящими перед ними практическими задачами. Одним из таких понятий стал термин «рецидив», связанные с которым теоретические разработки велись преимущественно с позиций науки уголовного права, вследствие чего криминологическому рецидиву придавалось как бы второстепенное значение, хотя попытки разграничить эти явления не раз предпринимались, но ни в научной, ни в учебной литературе единого мнения по поводу того, что такое криминологический рецидив и в чем его особенности, не сложилось.

Уголовный кодекс России впервые сконструировал законченный институт рецидива преступлений /ст. 18 УК РФ/, разрешив, таким образом, многие спорные вопросы. После того как определение рецидива преступлений и его видов получило свое законодательное закрепление, проблема уголовно-правового понятия рецидива не стоит столь остро, как до принятия Уголовного кодекса 1996 года. Однако многие вопросы борьбы с рецидивом требуют дальнейшего исследования, прежде всего в связи с неблагоприятными тенденциями рецидивной преступности, ускорением процессов организованности и профессионализма преступников. Немаловажную роль в решении задач борьбы с рецидивной преступностью призвана сыграть криминология, поскольку рост рецидива происходит на фоне существенной интенсификации криминогенных факторов, ослабления профилактических возможностей органов внутренних дел. Рецидивная преступность

¹ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М., 1990; Попов В.И. Рецидив и организованная преступность. - М., 1998.

является самостоятельным объектом исследования криминологической науки, в связи с чем необходимо выяснить, есть ли основание для принципиального различного толкования понятия рецидива в уголовном праве и криминологии. Одним из первых на страницах советской печати необходимость различать уголовно-правовой и криминологический рецидив выдвинул венгерский криминолог Т. Хорват. Он предложил наряду с рецидивом в уголовном праве различать рецидив криминологический, не связанный с погашением или снятием судимости у лица, вновь совершившего преступление¹. Некоторые советские криминологи вслед за Т. Хорватом исключили наличие судимости из признаков криминологического рецидива. Так, Н. Ф. Кузнецова считает, что «криминологическое понятие рецидива включает любую фактическую повторность преступлений, независимо от фактов судимости, истечения сроков давности или погашения судимости»². Аналогичной точки зрения придерживается И. И. Гальперин³.

Однако интерес к криминологическому рецидиву у отечественных ученых возник гораздо раньше, своими корнями он уходит в концепцию так называемого «фактического рецидива». Эта концепция была выдвинута в 20-х годах в противоположность концепции легального рецидива, под которым понимается рецидив уголовно-правовой, то есть обязательно связанный с непогашенной и неснятой судимостью у субъекта преступления. Одним из первых в нашей литературе термин «фактический рецидив» употребил Б.С. Утевский, в работах которого проблема борьбы с рецидивной преступностью в первые десятилетия советской власти получила наиболее глубокое освещение¹. Под фактическим рецидивом понимается систематическое совершение несудимым лицом преступлений. Такие лица,

¹ Хорват Т. Новое в судебной практике по уголовным делам в Венгерской народной республике // Советское государство и право. 1968. № 2., С. 97-98.

² Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. - М., 1969. С. 113-115, 179.

³ Гальперин И.И. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью. // В кн.: Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. - М., 1968. С. 214.

неоднократно совершавшие преступления и избежавшие уголовной ответственности, считались профессиональными преступниками. Сторонники концепции «фактического рецидива» полагали, что вполне можно ставить знак равенства между рецидивистом в прямом смысле слова, то есть имеющим судимость, и «фактическим» рецидивистом, который является не менее опасным. Меры ответственности, применяемые к ним, должны быть аналогичны тем, которые закон предусмотрел для рецидивистов.

Изложенная концепция не нашла широкой поддержки среди правоведов, ее положения не были восприняты и законодателем, однако сам термин «фактический рецидив» остался в криминологической науке.

Как отмечалось выше, долгое время было принято считать, что в нашей стране профессиональная преступность ликвидирована. Это утверждение легло в основу критики теории «фактического рецидива». Так, П. Ф. Гришанин считает, что «систематичность преступлений в психологическом плане не равна факту прошлой судимости преступника»². Он также полагает, что концепция фактического рецидива недооценивает значение прошлой судимости при определении опасности рецидивистов и не имеет под собой серьезной основы.

Впоследствии некоторые правоведы фактический рецидив стали рассматривать в качестве синонима рецидива криминологического. Это следует из приведенного выше определения криминологического понятия рецидива, даваемого Н.Ф. Кузнецовой. Не усматривает разницы между этими двумя понятиями и Т.М. Кафаров: «в юридической литературе рецидиву придается, однако, и другое значение, криминологическое, - «фактический рецидив»³

¹ Утевский Б.С. Рецидив и профессиональная преступность // Сб. Проблемы преступности. Вып. 3-М., 1928. С. 98.

² Гришанин П. Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву.-М, 1974.С. 13.

³ Кафаров Т. М. Указ. работа. С. 33

При обобщении различных научных позиций, рассматривающих понятие криминологического рецидива, их можно объединить в две группы. Одни авторы не видят различий между уголовно-правовым и криминологическим рецидивом. Другие требуют различного толкования понятия рецидива в уголовном праве и криминологии. Среди представителей последнего подхода часть исследователей придерживается мнения, что рецидив криминологический по существу есть фактический рецидив, о чем уже упоминалось в нашей работе, остальные пытаются провести водораздел между этими понятиями, выделяя специальные признаки криминологического рецидива.

Весьма спорным считал возможность определять рецидив с позиций криминологии П. Ф. Гришанин. Он полагал, что рецидив - понятие уголовно-правовое и его содержание следует раскрывать на основе уголовного законодательства.

Х. Кинге обосновал свою точку зрения на криминологический рецидив и пришел к выводу, что отказ от судимости при определении понятия рецидива в криминологии по сути означал бы прекращение криминологического изучения специфических проблем рецидива. В итоге своего исследования, посвященного обсуждаемой проблеме, автор пришел к выводу, что уголовно-правовой и криминологический рецидив - понятия идентичные, и предложил следующую формулировку, пригодную, по его мнению, как для науки уголовного права, так и для криминологии: «рецидив преступления - это совершение нового преступления после отбытия наказания за предыдущее преступление при условии, если судимость не погашена и не снята»¹

Н. Ф. Кузнецова, выделяя криминологический рецидив в качестве самостоятельного понятия, считала, однако, что «понятие рецидива долж-

¹ Кинге Х. Понятие рецидива преступления в уголовном праве и криминологии// Ученые записки Тартуского Гос. университета. Вып. 364., Труды по правоведению. 19., - Тарту, 1975. С.63.

но быть только легальным, т.е. исходить из уголовно-правового определения рецидива»¹.

Противоположную позицию занимают авторы, признающие за криминологическим рецидивом право на самостоятельное существование и наделяющие его специальными признаками с целью отграничить от понятия фактического рецидива. Так, А.Я. Стумбина предлагает для более полной характеристики криминологического понятия рецидива дополнительно учитывать одно обстоятельство - определенную линию в преступном поведении лица. Криминологический рецидив имеет место не при любом совершении двух и более преступлений, а лишь тогда, когда налицо определенная стадия навыков противоправного поведения лица. То есть между предыдущим и последующим преступлениями должна быть определенная связь, «свидетельствующая о стойкости преступных устремлений личности виновного»². Однако автор не останавливается в своей работе на том, в каких случаях можно говорить о наличии такой связи и что под ней понимается.

Аналогичного взгляда придерживается при анализе криминологического понятия рецидива Т. Р.Чогошвили. Он предлагает выделять два основных признака криминологического рецидива: формальный /количественный/ и материальный /поведенческий/. Последний свидетельствует об устойчивости преступных намерений¹. Таким образом, указанные авторы считают необходимым выделять в качестве самостоятельных видов рецидива криминологический и фактический.

Здесь стоит остановиться на весьма своеобразной классификации разновидностей рецидива, приведенной в одном современном учебнике криминологии, авторы которого полагают, что «криминологический реци-

¹ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность.- М., 1969., С. 179.

² Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика / Л.Н. Пшеничкова, А.М. Ниедре, Г.Г. Менберг, М.Э. Казмер: Плд ред. Э.Я. Стумбиной. - Рига., 1983., С. 11.

див со своей стороны можно считать частью повторной преступности, охватывающей все случаи повторного совершения преступлений без каких-либо ограничений)². Единственным исключением признается наличие идеальной совокупности преступлений.

Авторы предлагают криминологический рецидив разделять на рецидив судимостей и фактический рецидив. Фактический рецидив включает все повторные преступления, совершенные лицами: а/ с погашенной судимостью; б/ во время предварительного расследования и до вступления приговора в законную силу; в/ лицами, освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Рецидив судимостей включает все повторные преступления, совершенные лицами, ранее судимыми Уголовно-правовой, легальный, рецидив является составной частью рецидива судимостей³

Таким образом, составители учебника не стремятся противопоставлять криминологический и фактический рецидив. Признавая, что криминологический рецидив понятие более широкое, они фактический рецидив относят к его составляющей, что нам представляется правильным решением проблемы. Из приведенной классификации, однако, неясно, в чем отличие рецидива судимостей от легального рецидива и почему последний является составной частью первого. Понятие рецидив судимостей, на наш взгляд, вносит терминологическую путаницу, поскольку речь идет по существу о легальном рецидиве.

Анализ вышеизложенных концепций позволяет прийти к выводу, что такое обилие взглядов порождает больше вопросов, нежели дает ответов. Можно выделить ряд спорных моментов, которые надлежит урегулировать

¹ Чогошвили Т.Р. Уголовно-правовой рецидив и его значение для предупреждения новых преступлений. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук,- М., 1991. С. 13.

² Криминология. Учебник для юридических вузов / Под редакцией проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России., 1999., С. 456.

³ Указ.учебник. С. 457.

для окончательного вывода о том, что же понимать под криминологическим рецидивом. Во-первых, это обоснование необходимости различать криминологический и уголовно-правовой рецидив. Во-вторых, соотношение фактического и криминологического рецидива. И, наконец, в-третьих, четкое определение признаков криминологического рецидива. Отсутствие единообразного понимания этих моментов не отвечает современным задачам борьбы с рецидивной преступностью. Постараемся с учетом тех разработок, что « уже существуют в научной и учебной литературе, обосновать свой взгляд на интересующую нас проблему.

Не вызывает сомнений, что необходимость разграничивать уголовно-правовой и криминологический рецидив существует объективно и обусловлена тем, что данное понятие изучается и наукой уголовного права и криминологией. По этим соображениям вряд ли можно признать правильным стирание различий между этими разновидностями рецидива.

В уголовном кодексе понятие рецидива долгое время являлось квалифицирующим обстоятельством. Согласно действующему уголовному законодательству, рецидив - условие назначения более строгого наказания на основании и в пределах, предусмотренных УК. Криминология дает гораздо более широкое толкование рецидива, так как ей приходится не просто констатировать факт совершения преступления и его квалифицировать, а объяснять причины преступного поведения и его повторения после применения предусмотренных законом мер воздействия.

Сегодня, как уже было отмечено, существование профессиональной преступности в нашей стране не вызывает сомнений. Она рассматривается как одна из самых опасных разновидностей преступности в целом наряду с организованной преступностью. В рецидивной преступности обнаруживается достаточно устойчивая тенденция к преобладанию специального рецидива, отражающего степень профессионализации преступников. Профессиональная преступная деятельность отличается тем, что вырабатывает у ее

носителя определенные знания, практические навыки, обеспечивающие оптимальное достижение цели при наименьшем риске разоблачения.

Здесь будет уместным вернуться к рассмотренной выше концепции фактического рецидива. С позиций этой концепции профессиональный преступник, постоянно совершающий преступления, но избегающий за это ответственности, не менее опасен, чем рецидивист, отвечающим формальным признакам. В связи с этим выдвигались предложения о том, чтобы вообще отбросить понятие легального рецидива и усиливать ответственность рецидивиста во всех случаях, когда он совершил два и более преступления, независимо от того, был ли он осужден ранее или осуждается впервые, сохраняются ли у него или погашены прежние судимости. Предлагалось в какой-то мере уравнивать рецидивистов и профессиональных преступников, закрепив законодательно понятия систематичность и преступный промысел. В начале 60-х годов попытку обоснования необходимости включить в УК признак «систематичность» была предпринята А.М. Яковлевым.

А.И. Гуров, одним из первых начавший серьезное изучение российской профессиональной преступности, предлагал закрепить в Общей части УК понятие «профессиональный преступник» и ввести в уголовно-правовые нормы квалифицирующий признак - «совершение преступления профессиональным преступником»¹. Он также считал целесообразным пополнить перечень отягчающих наказание обстоятельств таким, как «специализация лица на совершении преступлений»². К сожалению, эти предложения не были восприняты составителями действующего УК, хотя таким образом можно было бы отчасти преодолеть формализм, присущий легальному рецидиву и усилить борьбу с лицами, обратившими преступления в источник существования, но не привлекавшимися к уголовной ответствен-

¹ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М., 1990., С. 255.

² Гуров А. И. Указ. работа. С. 256.

ности либо имеющими снятую или погашенную судимость, что не позволяет признать их рецидивистами.

Из сказанного следует вывод, что фактическим рецидивом можно признавать все случаи совершения более одного преступления лицом, к которому по каким-либо причинам ранее не применялись меры уголовно-правового воздействия, либо лицом, снятая или погашенная судимость которого не позволяет признать его рецидивистом в легальном смысле этого понятия. В этих случаях лицо, совершившее ряд преступлений, должно нести ответственность за содеянное аналогично рецидивисту, в связи с чем Уголовный кодекс необходимо дополнить указанными выше положениями о профессиональных преступниках.

Если говорить о соотношении понятий фактического и криминологического рецидива, то, на наш взгляд, они соотносятся друг с другом как часть и целое. В данном случае заслуживают поддержки те авторы, которые считают фактический рецидив составной частью криминологического рецидива и непротивопоставляют эти понятия.

Аналогичным образом мы предлагаем решать проблему соотношения уголовно-правового и криминологического рецидива, рассматривая уголовно-правовой, легальный, рецидив в качестве компонента рецидива криминологического. Нам представляется, что нужно говорить о противопоставлении легального и фактического, а не криминологического рецидива. Фактический рецидив можно считать рецидивом в прямом, буквальном смысле этого слова без каких-нибудь условий. В то время как для признания рецидива уголовно - правовым необходимо наличие формальных признаков /судимость, форма вины в виде умысла, совершеннолетие субъекта преступления/. В зависимости от наличия или отсутствия этих признаков можно говорить о том или ином виде рецидива.

Таким образом, криминологический рецидив достаточно широкое понятие. Он охватывает все случаи множественности преступлений /за исключением случаев идеальной их совокупности/, в том числе и уголовно -

правовой рецидив. Наиболее полно криминологический рецидив отражает уголовная статистика. В единой статистической карточке на лицо, совершившее преступление /форма 2/, содержится раздел: "лицо, ранее совершавшее преступления". Здесь имеются в виду лица с неснятой и снятой судимостью, лица, ранее освобожденные от уголовной ответственности в связи с амнистией или помилованием, с применением мер общественного воздействия, лица, не достигшие на момент совершения общественно опасного деяния возраста привлечения к уголовной ответственности. Следовательно, понятие криминологического рецидива охватывает даже те случаи, когда во время совершения предыдущего преступления у субъекта отсутствовал такой важный юридический признак как возраст, с которого наступает уголовная ответственность, то есть речь идет не о преступлении в законодательном его понимании, а об общественно опасном деянии, формально подпадающем под признаки состава преступления, закрепленного в определенной статье УК. О криминологическом рецидиве можно говорить и тогда, когда судимость за предыдущее преступное деяние снята актом амнистии или указом о помиловании. Все перечисленные случаи не дают возможности юридически признать лиц, совершивших правонарушения, рецидивистами. Однако криминологическое понятие рецидива помогает выработать правильное суждение о личности преступника и степени его общественной опасности при назначении наказания. Таким образом, основным и единственным признаком криминологического рецидива является *совершение лицом нового преступления*

В итоге, криминологический рецидив можно определить как **совершение лицом любого повторного преступления, после однажды им совершенного преступления, либо общественно опасного деяния, подпадающего под признаки определенного состава преступления.**

А.Л. Ситковский,
кандидат юридических наук

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ

(КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Интернационализация хозяйственной жизни, потребность более эффективного использования географических и иных преимуществ определенных территорий привели к созданию во многих странах особых экономических зон.

Первоначально свободной экономической зоной считалась особая территория крупного морского порта, железнодорожного узла, аэропорта или примыкающего к ним района, выделенная из таможенной территории страны для свободного и беспошлинного ввоза и вывоза иностранных товаров. Такие зоны сохранились и до настоящего времени. В них товары хранятся на складах неограниченный или ограниченный срок, расфасовываются, пересортировываются и перерабатываются, а затем поставляются на внутренний рынок данной страны с уплатой пошлины или вывозятся беспошлинно за границу.

В процессе развития некоторые свободные экономические зоны стали специализироваться исключительно на банковских и страховых операциях. Они получили название банковских, франковых зон. Такие финансовые центры, расположенные в развивающихся странах, часто еще называют оффшор-центрами, а оффшор-сделкой ту или иную операцию между иностранным (по отношению к месту ее совершения) кредитором и заемщиком.

Оффшорные компании представляют собой большой слой состоятельных налогоплательщиков, и многие страны получают солидные валютные доходы от их регистрации и обслуживания на своей территории. Это в свою очередь обусловлено тем, что физические и юридические владельцы крупных состояний и активов стремятся к экономической свободе и недовольны высоким налогообложением их доходов, валютным контролем, ограничениями на движение капитала, а порой и прямыми угрозами для их имущества и самой их жизни. Поэтому, бизнесмены избегают про-

живать постоянно в странах с высокими налогами, перемещают капитал из страны в страну, проводят налоговую очистку своих личных доходов, на стадии налогообложения ищут страны с низкими налогами и стремятся вообще исчезнуть из поля зрения налоговых служб, перемещаясь в статусе "постоянных путешественников" по всему свету.

Однако такие условия и как следствие - успешная деятельность свободных банковских зон может, и весьма негативно, влиять на финансовые интересы государств. Так, по оценке американских экспертов, служба внутренних доходов США ежегодно недополучает более 4 млрд. долл. в результате совершения американскими банками операций не на своей территории.

Общая же утечка капиталов из США на банковские счета только в Карибской экономической зоне составила в 90-х годах более 100 млрд. долл.

Как видим, создание свободных экономических зон получило на Западе большое развитие, но оценка их деятельности во многом зависит от того, что такая зона может дать национальной экономике в конкретных условиях хозяйствования и в данной экономической ситуации.

В целом же, создание свободной экономической зоны в любой стране предусматривает, прежде всего, ускоренное развитие той или иной территории. Развитие таких зон позволяет правительствам принимающих стран смягчать кризисные ситуации в национальной экономике и преодолевать трудности в государственных капиталовложениях в регионе.

Исходя из сказанного, необходимо отметить, что и в России, в целях эффективного социально-экономического развития, установления прочных внешнеэкономических отношений и вхождения в систему мировой экономики была разработана собственная концепция Свободной Экономической Зоны.

Она основывается на том, что одной из составных частей развития рыночных отношений в России является реформа деятельности внешне-

экономического комплекса. Кроме существенного повышения его вклада в экономическое и социальное развитие страны, реформа одновременно предусматривает формирование в государстве экономики открытого типа, что предполагает не только ее тесную взаимосвязь с мировой экономикой, но и их созидательность.

Не замедлившийся сказаться в 80-90 годах рост количества совместных предприятий в России не мог не привести к определенным качественным сдвигам, а именно к объединению совместных предприятий в свободных экономических зонах, подобно тому, как это происходило в ряде стран мира.

Однако в нашей стране при организации свободных экономических зон пошли по другому пути.

В России было декларировано создание большого числа зон, часть из которых охватывала целые края и области, значительные по своим территориям (Алтайский край, Читинская область, Кемеровская область и др.)¹. Исходным при создании этих зон было благое пожелание улучшить положение и решить другие задачи, главным образом, за счет предоставления льгот по сохранению в местном бюджете налоговых отчислений, а это оказалось нереальным.

По всей видимости "такой путь" и привел к тому, что на сегодняшний день большинство из созданных ранее в России СЭЗ не оправдало возложенных на них надежд. Например, в той же Калининградской области, где действует СЭЗ "Янтарь", за период ее существования объем инвестиций в производство не только не увеличился, а даже снизился: если в

¹ Представление об этом дают следующие данные: Зона "Алтай" площадь 261 тыс.кв. км, население 3,7 млн.жителей,. Зона "Выборг" - население 150 тыс.чел.; Зона "Ева" (Еврейская автономная область) - площадь 360 тыс.кв.км; Зона "Технополис-Зеленоград" - население 170 тыс.чел.; Зона "янтарь" - площадь 15500 кв.км, население - 1,1 млн.чел.; Зона "Санкт-Петербург" - площадь 370 кв.км, население - 4,5 млн.чел.; Зона "Кузбасс"- площадь 95500 кв.км, население - 3,5 млн.чел.; Зона "Садко» (Новгородская область) - площадь 55300 кв.км, население - 1млн.чел.; Зона "Сахалин" - площадь 87100 кв.км, население - 800 тыс.чел.; "Чита" (Читинская область) - площадь 431 тыс.кв.км, население - 2 млн.чел; "Находка" - площадь 1600 кв.км, население - 200 тыс.чел.

1996 году туда было инвестировано 22,2 млн. долларов, то уже в 1997 году - лишь 13,3 млн. долларов.

Точные цифры государственных потерь от деятельности таких СЭЗ и от неуплаты налогов по товарам, ввезенным в Россию через них, официально нигде не зарегистрированы, но из анализа результатов исследований, проводимых Министерством экономики следует, что только за один год Россия недополучает налогов из-за СЭЗ не менее чем на 20 млрд. долларов.

Режим СЭЗ стал привлекательным для противоправного извлечения доходов. Образовались широко известные криминальные анклавные противоправного бизнеса: Калининградский "транзит" (СЭЗ "Янтарь" - Калининградская область), фиктивный бартер с Китаем (СЭЗ "Находка" г.Находка, Приморского края), лжерегистрация хозяйствующих субъектов с целью уклонения от налогообложения (зона экономического благоприятствования "Ингушетия" - Республика Ингушетия) и другие.

Кроме этого, функционирование СЭЗ в существующем виде, влечет за собой ряд весьма негативных последствий, таких как: усиление диспропорций территориального развития принимающей страны и углубление социально-экономических диспропорций непосредственно внутри СЭЗ; отток в СЭЗ ресурсов из других районов, сопровождающихся усилением в них несбалансированности экономики; злоупотребления статусом СЭЗ; нелегальное пребывание на территории СЭЗ большого количества иностранных граждан; замена отечественной валюты в финансово-хозяйственном обороте на иностранную.

Анализируя же общую ситуацию, которая сложилась в регионах в связи с созданием зон свободного предпринимательства, можно констатировать, что такое радикальное переустройство социально-экономического уклада неизбежно повлекло за собой серьезные последствия криминологического характера. Трудно даже перечислить все последствия такого рода, что обусловлено отсутствием полной информации о результатах деятельности зон, нежеланием и неумением выявлять и исследовать данные послед-

ствия сотрудниками правоохранительных и иных органов.

В свою очередь, проведенный нами анализ криминальной ситуации в регионах с режимом действия СЭЗ, свидетельствует о том, что переход экономики на рыночные отношения, ее открытость иностранным инвестициям привела на первых порах к резкому обострению криминальной обстановки и появлению совершенно новых форм и способов преступной деятельности. Резко увеличились преступные операции с крупными денежными суммами, значительно возросло количество посягательств на собственность организаций и граждан, активизировалась экономическая преступность. Особенно наглядно это проявилось на примере Республики Ингушетия, когда в ходе первого этапа экономических преобразований (1993-1995 гг.) функционирование зоны экономического благоприятствования сопровождалось ростом числа преступлений в сфере экономики.

В ряде регионов резко возросло взяточничество за получение кредитов, льготное приобретение предприятий, занижение налогообложения и т.д. Преобразование банков в коммерческие акционерные организации, изменение финансового рынка, “игра” на розничных и оптовых ценах спровоцировали переход противоправного элемента из сферы общеуголовной преступности в экономическую. Появление рынка ценных бумаг наряду с фальшивомонетчеством вызвало значительный рост подделки акций, векселей, облигаций, сертификатов, других платежных документов, спекуляцию ими и прочие незаконные операции с крупными денежными суммами. Интенсивное развитие совместного предпринимательства, установление прямых связей с зарубежными партнерами породило факты хищения и взяточничества, сопровождаемые крупными преступными махинациями с сырьевыми и валютными ресурсами. За границу стали вывозиться по низким расценкам сырье, материалы, продукты питания и т.д. В то же время из-за границы ввозятся товары сомнительного качества, не пользующиеся спросом за рубежом. Повсеместно отмечаются факты получения неизвестными фирмами у госпредприятий продукции, средств и их дальнейшая

реализация за границу в качестве продукции собственного производства. Практикуются завуалированные кредитные операции в предприятиях, которые под видом оказания услуг предоставляют другим организациям валюту под высокие процентные ставки. Широкое распространение получил беспошлинный ввоз товаров, ценностей из-за границы под видом уставного фонда совместного предпринимательства и дальнейшая реализация всего этого у нас по ценам, значительно превышающим курс мирового рынка. Появились новые виды экономических правонарушений: создание лжефирм по поддельным документам, симуляция банкротства и др.

Такие криминогенные процессы, выступая как одно из следствий глубинных изменений всей общественно-политической ситуации, не могли не отразиться и на жизнедеятельности общества. Иными словами, чем кардинальнее стала меняться экономическая ситуация, тем сложнее и труднее она стала восприниматься населением. Этому же способствовала быстро осуществившаяся поляризация общества по признаку материальной обеспеченности, поставившая многих перед выбором: либо обеспечить себе определенный прожиточный уровень либо постепенно люмпенизироваться. Это положение в свою очередь спровоцировало рост таких асоциальных явлений, как проституция, наркомания, венерические заболевания, СПИД.

Конечно, совершенно неоправданно было бы считать, что все выше перечисленное является следствием лишь деятельности свободных экономических зон, результатом введения новых форм экономических отношений, хотя свою лепту в эти процессы они вносят. Думается, что причины таких криминальных проявлений в экономике возникли давно, гораздо раньше, чем стали функционировать зоны предпринимательства. Их корни прослеживаются в так называемом застойном периоде, когда стала зарождаться и расширяться теневая экономика, признаки которой - спекуляция, "деятельность цеховиков", незаконные валютные операции и т.д. Позже, в связи с коренными преобразованиями в политической, социальной и самое

главное в экономической сферах жизни общества теневая экономика стала легализовываться. Ее активизация и перетекание в легальную сферу была связана не только с развитием рыночных отношений, но главным образом с деформированной экономической системой: централизованное регулирование перестало играть главную роль, рыночные же механизмы еще не сложились. Представляется, что таким образом возникла “система криминального бизнеса”, основными компонентами которой стали выступать ее взаимосвязанные части – теневая и легальная. Это сращивание в свою очередь породило “серую” экономику или по меткому определению Я. Гилинского “полосатый”¹ бизнес, который был вызван необходимостью “плавной” легализации незаконно нажитых средств и дальнейшим вложением капитала в криминальную сферу. Возникновение такого бизнеса предопределило, условно говоря, “социальный заказ” на поиск его форм проявления. В результате этого, организованные преступные структуры в ходе криминализации легального бизнеса и “отмывания” доходов установили контроль над различными сферами экономики и территориями (например, металлургическая промышленность – Красноярский металлургический завод; автомобилестроение – Волжский автомобильный завод; производство и распределение алкогольной продукции, нефтеперерабатывающие заводы, транспортные узлы – порты Азовско-Черноморского побережья и т.д.). Естественно, что в ходе такого установления сфер влияния, зоны свободного предпринимательства не могли остаться без внимания криминалитета. И сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что практически все экономически свободные зоны либо их разновидности (в частности оффшорный бизнес-центр “Ингушетия”) оказались криминально “зараженными”.

Вместе с тем, представляется, что негатив начального этапа функционирования СЭЗ, это неизбежная фаза их развития и становления. При

¹ Гилинский Я. Бизнес и преступность. Выступление на Международном семинаре “За честный бизнес”. –М., 1994. С.29.

этом он обусловлен не столько влиянием криминалитета, такое объяснение было бы весьма простым и удобным, сколько иными факторами, зависящими либо от специфики того или иного региона, либо от формы проводимых социально-экономических преобразований. Поэтому важно сейчас больше внимания уделить изучению этих факторов, ибо без их учета, без разработки и осуществления соответствующих предупредительных мер можно поставить под удар реализацию всей программы экономических преобразований в регионе, одной из составляющих которой является создание свободных экономических зон. В этой связи исход изменений в социально-экономической формации в целом представляется пока еще не достаточно определенным, а негативные (прежде всего криминологические) последствия введения таких форм и методов хозяйствования, деловых международных связей и т.д. трудно предсказуемы.

Мы еще раз подчеркиваем, что нами не ставится задача подробного исследования всего комплекса факторов преступности, связанных с функционированием СЭЗ в Республике Ингушетия. Это достаточно сложная и трудоемкая работа целого коллектива специалистов во многих областях наук, находящихся на стыке криминологией с экономикой. Важно выявить основные тенденции и главное звено в этом криминологическом причинном комплексе на данной территории, воздействуя на которое, можно найти “болевые” точки криминальной ситуации и изменить ее.

Выявление тенденций возможно в ходе определения наиболее острых и глубоких деформаций в основных сферах общественной жизни, выстроенных в определенной последовательности (экономической, социальной, политической и духовной) и проявляющихся на уровне общества в целом (общие причины), микросреды, в образе жизни и сознании личности (индивидуальные причины), которые как подчеркивает, В.А. Номоконов,

приводят к продуцированию преступности в любом типе общества, на любой территории (регион, область, город)¹.

Отсюда и реальная возможность выделить главные направления профилактического воздействия на преступность, на детерминирующие ее криминогенные факторы, использовать при этом существующий антикриминогенный потенциал общества.

Итак, идея создания СЭЗ, как мы отмечали выше, не нова. В мировой практике такие зоны известны давно и функционируют во многих странах. Однако своеобразие создания СЭЗ в России заключается в том, что они строятся не на подготовленном десятилетиями базисе сложившихся в западном мире рыночных отношений, а на слабом экономическом потенциале и реликтах плановой командно-административной системы.

В основе своей, являясь антикриминогенным фактором, создание свободной экономической зоны способствует развитию рыночных отношений, повышению уровня жизни населения региона и предупреждению многих негативных экономических явлений. Однако, становление и развитие таких форм хозяйствования, как показали результаты нашего исследования, сопряжено со многими криминогенными процессами.

В криминологической литературе, посвященной исследованию, региональных особенностей преступности выделяются ряд факторов, могущих в определенных связях и взаимодействиях сыграть криминогенную роль². Некоторые из их числа, на наш взгляд, входят в комплекс внутренних факторов, типичных для Республики Ингушетия. Это такие как:

- социально-экономические диспропорции региона;
- несовершенство нормативной базы, регулирующей экономические отношения;
- организационно-управленческие дисфункции;

1 Номоконов В.А. Преступное поведение; механизм детерминации, причины, ответственность. Дис..докт. юрид. наук. -Владивосток, 1992. С.145.

2 Бобков В.И. Тяжкая насильственная преступность и детерминирующие ее социальные факторы региона. - Хабаровск, 1985. С.46.

- недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов.

Проанализируем каждый из перечисленных факторов. Социально-экономические диспропорции региона, выступая как криминогенный фактор, опосредствуются широким кругом явлений и проявляются в различных формах.

Как показали результаты исследования аналитических материалов правоохранительных органов, документов Министерства экономики и публикаций в средствах массовой информации, основные социально-экономические диспропорции региона с режимом действия СЭЗ проявляются в виде несоответствия между оптимально необходимыми и существующими условиями для функционирования зоны. К их числу относятся:

- условия и формы жизнедеятельности (уровень жизни, условия труда, быта, экологии и т.д.);
- условия социальной структуры населения региона;
- социальная дифференциация населения;
- тенденции социальной мобильности населения и миграционные процессы;
- система норм и ценностей населения, социальных стереотипов восприятия им общественной жизни.

Исходя из того, что новые формы экономических отношений (к ним мы относим и создание СЭЗ) направлены на решение ряда конкретных проблем, а именно увеличение материального благосостояния граждан, обеспечение их прав и свобод, укрепление государственности, на первый план выступает такой фактор как уровень жизни населения. Это обусловлено тем, что различные параметры уровня жизни могут влиять на отклоняющееся поведение граждан, то есть выступать криминогенной детерминантой.

Особую роль в обеспечении этой взаимосвязи факторов занимает состояние **нормативной базы**, регулирующей экономические отношения. Ее

особая роль обусловлена не столько несовершенством собственно правовых актов, регулирующих экономические отношения (об этом скажем чуть позже), сколько неподготовленностью значительной части населения к их восприятию. На самом деле, кардинальное изменение экономических отношений в Республике Ингушетия, посредством установления зоны экономического благоприятствования было проведено без подготовительной работы по переориентации сознания населения, а также без четкого определения механизма действия закона о “СЭБ” Ингушетии, с учетом его восприятия различными социальными группами населения.

Понятно, что перед руководством республики в тот момент в качестве первоочередной стояла задача выведения региона из экономического коллапса. При этом рассчитывать оно могло только на собственные резервы, ибо помощь от Федерального правительства была мизерной. Поэтому действовать необходимо было быстро и эффективно. И в этих условиях “оглядываться” на мнение населения, проводить в обществе разъяснительную работу времени не было. Естественно, что в таких условиях экономические преобразования проводились “сверху”. Однако известно, что при изменении общественных отношений интересы социальных групп могут не совпадать. Степень же несовпадения интересов определяет не только эффективность каких-либо изменений, но и возможность достижения цели этих изменений.

Иными словами, нормативное введение новой системы экономических отношений без учета интересов определенных групп населения, участвующих в этих отношениях; без сочетания интересов разных групп населения между собой (их полярность вызывает социальные противоречия) способствовало формированию и появлению негативных форм поведения у части населения.

По всей видимости, это и предопределило всплеск криминальных проявлений в Ингушетии на начальной стадии функционирования (СЭЗ).

Этот вывод подтверждается результатами опроса, проведенного центром независимых социологических исследований в 1994 г., в ряде регионов с режимом действия СЭЗ. Так, на вопрос о том, знаете ли Вы, что такое свободная экономическая зона, 47% опрошенных ответили отрицательно; 39% сказали, что “это такое место, где можно, не боясь никого, все продавать и покупать”; и лишь 21% опрошенных ответил положительно. При этом подавляющее большинство (более 60%) опрошенных отметили, что “деятельность таких зон является благодатной почвой для совершения махинаций, хищений, взяточничества и иных экономических преступлений”.

Причинами, свидетельствующими о повышенной криминогенности СЭЗ, по мнению “знающих” респондентов, в большинстве случаев являются: несоответствие правового режима СЭЗ, республиканскому и международно-правовому законодательству (58%); наличие пробелов в правовых нормах, препятствующих нормальному функционированию СЭЗ (40%); коррумпированность должностных лиц органов власти и управления, на территории которых действует режим зоны свободного предпринимательства (38%).

Как вытекает из выше приведенных данных, более половины респондентов на фоне незнания такой формы экономических отношений как СЭЗ, рассматривают ее как возможный криминальный “плацдарм”. И если эти данные характеризуют мнение о СЭЗ в принципе законопослушных граждан, ибо опрос проводился не в местах лишения свободы, а на улицах городов, то каковы должны быть умозаключения у криминально ориентированных граждан?

Таким образом, последствия введения новых экономических отношений (в нашем случае - это СЭЗ) могут быть и являются негативными в результате того, что не учтены не только такие моменты, как выявление и понимание желаемых экономических процессов, но и особенности их развития с учетом интересов социальных групп.

В целом же анализируя этот фактор во взаимосвязи с первым - социально-экономическим, - можно выстроить следующую их логическую цепочку. Условия жизни ухудшаются - вместо того, чтобы поднимать уровень жизни - проводится непонятный “экономический эксперимент”, - из-за его непонимания повышается социальная конфликтность, - а значит, растут и показатели социальной напряженности - и как следствие происходит рост криминогенности.

Повышенная сложность криминальной ситуации в регионе со статусом СЭЗ, а следовательно, необходимость особого подхода к организации в нем эффективной деятельности правоохранительных органов не вызывает ни у кого сомнений. Вместе с тем, это суждение во многих случаях остается субъективным. Реальных, практических выводов - единицы. Правоохранительные органы в регионах, где функционируют зоны свободного предпринимательства, располагают подчас относительно меньшими силами и средствами, чем аналогичные органы в регионах без таких зон. Следует констатировать, что проходит довольно значительное время, прежде чем штатная численность правоохранительных органов приводится в соответствие с необходимыми параметрами, отвечающими задачам по борьбе и предупреждению преступлений. Существование **организационно-управленческих дисфункций** проявляется и в том, что проблему противостояние преступности, в регионе пытаются решить так, как будто никаких существенных особенностей криминальной ситуации в условиях функционирования СЭЗ не имеется.

Этот фактор становится заметным и в “механическом”, без учета сложившейся экономической ситуации в регионе, применении форм и методов профилактики преступлений. Проводимые органами внутренних дел мероприятия нередко не учитывают особенности того или иного вида преступного промысла, криминального контингента и, что особенно важно, социально-экономической специфики региона.

В этой связи следует отметить и следующий фактор - **недостаточную эффективность деятельности отечественных правоохранительных органов** при нейтрализации и контроле за криминогенными процессами. Однако практика стран дальнего зарубежья с высокоразвитой рыночной экономикой и с режимом действия свободных экономических зон показывает, что их правоохранительные органы так же не в состоянии решить проблемы борьбы с преступностью. При этом сложная ситуация складывается именно в сфере выявления и предупреждения экономических преступлений и особенно в тех регионах, где функционируют свободные зоны. Так, по оценкам западных криминологов система уголовной юстиции развалится за один день, если ей придется в одиночку решать задачи борьбы с преступлениями в сфере экономики.

Поэтому, осознавая объективную несостоятельность правоохранительных органов в борьбе с криминальными проявлениями, обусловленную в основном тяжелой финансовой ситуацией, мы попытались все же выявить обстоятельства, препятствующие им оптимально функционировать. Так, в соответствии с результатами, проведенного нами опроса сотрудников МВД Республики Ингушетия, ведущих борьбу с преступлениями в сфере экономики, в качестве основных обстоятельств, способствовавших росту экономической преступности в 1993-1995 гг. выступает: недостаточно четкая регламентация отдельных вопросов, регулирующих порядок функционирования зоны свободного предпринимательства (52%); несоответствие новым экономическим отношениям существующего финансового, административного и трудового законодательства (49%); неэффективность государственного и общественного контроля за соблюдением механизма функционирования СЭЗ, например, сильно упрощенный порядок регистрации предприятий (44%); отсутствие специальных методов выявления, предупреждения и раскрытия правонарушений, связанных с функционированием свободной экономической зоны (44%).

Таким образом, недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов, их организационно-управленческие дисфункции, обусловленные несовершенством нормативной базы, регулирующей экономические отношения и саму практику деятельности, способствуют тому, что система профилактики и борьбы с преступными проявлениями не срабатывает в той мере, какая необходима, хотя бы для установления необходимого контроля над преступностью. Данное обстоятельство дает основание считать этот блок факторов одним из существенных и криминогенно значимых. В то же время это весьма специфичный фактор, ибо социально-экономические диспропорции региона, несовершенство нормативной базы, регулирующей экономические отношения в основном объективно обусловлены, и до какого-то момента не поддаются устранению, либо коррекции. И здесь, по всей видимости, необходимо говорить о смягчении, ослаблении их криминогенного проявления. Наличие же организационно-управленческих дисфункций и тем более неэффективность действий сотрудников правоохранительных органов обусловлены субъективными просчетами, устранение которых представляет собой вполне реальную задачу. В этой связи представляется, что критика существующих законов или ссылки на отсутствие специальных методик по борьбе с преступлениями нередко прикрывает непрофессионализм практики.

В целом же, анализ полученных данных приводит к общему выводу о том, что знание факторов, влияющих на развитие криминальной ситуации в регионе, в том числе и с режимом действия СЭЗ, позволит определить достаточно эффективную систему мер и подходов к предупреждению в ней преступности.

Е.А. Коновалова,
кандидат юридических наук;

Г.Ф.Коимшиди,
кандидат технических наук

**ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД,
УВД В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИКОВ**

В настоящее время для оценки деятельности региональных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в УБНОН МВД России разработаны и используются рейтинговые таблицы.

Оценка начинается с выставления рангов¹ региону по значению каждого из пяти показателей:

- 1) количества выявленных преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков, в пересчете на 100 тысяч населения региона;
- 2) удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений данного вида среди всех преступлений, выявленных по линии НОН (незаконного оборота наркотиков);
- 3) удельного веса преступлений данного вида, совершенных группой лиц, среди всех преступлений, выявленных по линии НОН;
- 4) удельного веса преступлений данного вида, совершенных организованной преступной группой, среди групповых преступлений, выявленных по линии НОН;
- 5) удельного веса преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, среди всех выявленных по линии НОН преступлений.

Далее каждому региону могут быть выставлены штрафные баллы. Десять штрафных баллов выставляется региону, если произошло снижение одного из пяти показателей по сравнению с АППГ (независимо от величины

¹ Рангом является место, занимаемое регионом в списке, ранжированном по соответствующему показателю.

такого снижения). Максимально можно получить 50 штрафных баллов. Штрафные баллы выступают в качестве шестого показателя рейтинговой таблицы.

Сумма пяти рангов и штрафных баллов определяет место региона – его оценка. Первое место получает регион, у которого эта сумма наименьшая.

Рассмотрим эффективность использования такой рейтинговой таблицы, для оценки деятельности региональных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

1. Одним из основных требований к объектам, которые оцениваются по одной схеме, является отнесение их к одному классу. То есть заранее предполагается, что региональные подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков действуют примерно в одних и тех же внешних условиях. Региональные различия игнорируются. Это, по нашему мнению, вызывает большое сомнение.

Как известно, преступления по линии НОН латентны и выявляются сотрудниками правоохранительных органов. Количество выявляемых преступлений напрямую зависит от уровня преступлений в регионе¹. В тех регионах, где совершается больше преступлений, а сотрудников меньше, там легче выявлять преступления. Легче собирать грибы в лесу, где много грибов и мало грибников.

В малых регионах коэффициент вариабельности всегда больше, чем в больших регионах. Под коэффициентом вариабельности понимается отношение среднего отклонения к среднему значению. В малых регионах случайное отклонение от среднего значения близко к 100%. При одних и тех же внешних условиях и при одинаковом отношении к работе правоохранительных органах уровень преступности в таких регионах может резко отличаться, в результате действия случайных факторов.

¹ Имеются в виду все преступления по линии НОН, совершаемые в регионе.

2. Для показателя, используемого в оценке любого объекта, необходимо знать, а какова норма этого показателя. Какое значение показателя соответствует отличной оценке, какое значение показателя только хорошей и т.д.

При проведении оценки деятельности важно учитывать, что алгоритм работы в многомиллионном городе с миллионами приезжих в день отличается от алгоритма работы на территории, где есть сельские и городские регионы, где население городов не превышает нескольких тысяч. В Камчатской области в 1999 году выявлено 843 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Это 11,5% от всех преступлений в области. Уровень преступлений по линии НОН в Камчатской области в 1999 году составлял 213 преступлений на сто тысяч всего населения области. В Москве в 1999 году было выявлено 12 тысяч 729 таких преступлений (16% от всех преступлений, уровень всего 149 преступления на сто тысяч коренного населения Москвы). Для того, чтобы сотрудникам московского УБНОН добиться таких же «рекордных» значений уровня выявленных преступлений по линии НОН, как в Камчатской области, надо за год выявить в 1,4 раза больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Могут ли они этого добиться без инвестиций? В этом случае нужно весьма тщательно разобраться в ресурсном обеспечении деятельности связанной с **выявлением** преступлений по линии НОН (кадры, техника, образование, структура подразделений и т.д.).

Одно из коренных различий в структурной организации деятельности подразделений состоящих из 10-20 сотрудников и состоящих из 150-250 и более человек состоит в том, что для организации взаимодействия 10-20сотудников не требуется выделения сотрудников для осуществления штабных функций – руководители (начальник и заместитель) по идее уже являются штабом. Тогда как в подразделении, состоящем из нескольких сотен человек выделение определенного количества сотрудников на осуществление управленческих и штабных функций – обязательно, иначе правая

рука не будет знать, что делает левая. Все это так же следует учитывать, подводя итоги.

На наш взгляд, использование показателей без учета их объективной нормы, возможно только для принятия кадровых управленческих решений, аналогично тому, как это делалось отдельными секретарями обкомов КПСС. Трудно поверить в то, что «камчатский» опыт применим в Москве.

При оценке деятельности важно не выяснить место региона в ряду остальных регионов, а выявить две группы регионов, где работа организована хорошо и плохо. Получив эту информацию надо более детально обследовать обе группы, обобщить опыт передовых регионов и выяснить причины отставания в других. Такая организация оценки будет способствовать улучшению работы в среднем по стране.

3. Если в оценке объектов показатели равнозначны (как в рассматриваемой рейтинговой таблице), то они должны быть взаимно независимыми. Однако, выявленная организованная группа учитывается во всех пяти показателях. Ее учитывают при определении и уровня преступлений, связанных с НОН, и доли тяжких, и доли групповых преступлений, и доли преступлений, совершенных организованной группой, и доли преступлений, связанных со сбытом наркотических веществ.

4. Стремление улучшить показатели, используемые для оценки деятельности, должно стимулировать активность органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Однако, следует учитывать, что любая система, в том числе и региональный правоохранительный орган, стремится достичь намеченные цели с меньшими затратами. Мы не можем позволить себе думать, что разработчики учитывали, что именно к этому пути толкает данная рейтинговая таблица.

Подтвердим сказанное на «мысленном» примере. Допустим, что проведя по учетам всего *одно преступление, совершенное организованной преступной группой* в январе месяце, в одном из регионов России, дальше могут больше ничего не делать!

По первому показателю (1 преступление по линии НОН) - последнее место (80 баллов), так как уровень преступности на 100 тысяч населения будет очень маленьким. Если произошло снижение показателя по сравнению с прошлым годом, то добавятся еще 10 штрафных баллов (если из года в год регистрировать только по одной организованной группе, то штрафных баллов не будет);

По второму показателю – первое место и 1 балл, т.к. доля тяжких преступлений по линии НОН составит 100% в структуре всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (преступление, совершенное организованной группой, относится к тяжкому или особо тяжкому преступлению). Как и в случае с первым показателем, можно получить 10 штрафных баллов;

По третьему, четвертому и пятому показателям – первые места и по 1 баллу, т.к. все соответствующие удельные веса будут максимальными (100%). Кроме трех баллов за три первых места по этим показателям можно получить еще 30 штрафных баллов.

Общее количество баллов (с учетом штрафных баллов по всем показателям – 50) составит 143 балла. По итогам 1999 года такое количество баллов соответствует 8 месту (у Санкт-Петербурга 144 балла – 8 место).

Если ежегодно выявлять только одну организованную группу, то без штрафных очков набирается всего 84 балла. А это третье место (Вологодская область в 1999 году набрала 85 баллов – третье место).

Это, нужно согласиться, не очень хороший стимул к работе.

5. В рейтинговых таблицах цена одного балла неравнозначна. В 1999 году уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в Санкт-Петербурге соответствовал 195,1 преступлений на сто тысяч населения (первое место и 1 балл). Камчатской области, занявшей по этому показателю второе место и получившей 2 балла, не хватило 7 преступлений на сто тысяч населения. Если бы в Камчатской области было бы выявлено не 686 преступлений, связанных с НОН, а на 26 больше, то по первому по-

казателю рейтинговой таблицы они бы поднялись на одно место выше. В 1999 году Белгородской области не хватило 5 преступлений по линии НОН, чтобы опередить Владимирскую область по уровню выявленных преступлений и получить на один балл меньше. На Камчатке 365 тысяч населения, а в Белгородской области 1,5 миллиона. В каждом из этих регионов за год выявляется по 600 – 700 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

6. Сказанное выше (пятый пункт) относится и к штрафным баллам. При небольшом снижении показателя и при его значительном снижении штраф один и тот же – 10 баллов. Кроме того, если реальная преступность резко возрастает, а показатели в регионе растут медленно, то это все равно свидетельствует о плохой работе правоохранительных органов. А если снижение показателей в рейтинговой таблице меньше, чем реальное снижение преступности в регионе, то правоохранительные органы работают нормально, а к ним применяют штрафные санкции.

Показатели прироста-снижения по рассматриваемой методике даются в абсолютных величинах. Обращаясь к абсолютным показателям нужно спросить, а какой вывод можно сделать, оценивая показатель прироста или снижения, выраженный в абсолютной величине? Например, снижение количества выявленных по линии НОН преступлений в 1999 году на 1 в Чукотском автономном округе и на 524 - в Республике Дагестан, существенно различается. Однако оба УВД при оценке получают по 10 штрафных баллов.

7. По поводу второго показателя, учитывающего тяжкие и особо тяжкие преступления, следует так же сделать некоторые замечания. В течение последнего времени (с конца 1999 года) в Москве и некоторых других регионах следователи и сотрудники прокуратуры практически по каждому факту задержания лица незаконно приобретшего или хранящего наркотики возбуждают по два уголовных дела. Одно в отношении задержанного лица. Другое – в отношении не установленного лица, которое в не установленном месте и в не установленном время сбыло задержанному лицу изъятые наркотики.

тики. Это значительно увеличивает количество тяжких преступлений (в Москве в течение 2000 года было возбуждено более 3000 таких уголовных дел, более половины из них по фактам изъятия наркотиков, имевшим место до 1 января 2000 года). В результате чего в Москве существенно улучшился показатель доли тяжких преступлений. Имеется возможность получения более высокого ранга по этому показателю. Но весь этот массив сокращает раскрываемость тяжких и особо тяжких, т.к. производство практически по всем делам в отношении данных на не установленных лиц по истечении двух месяцев приостанавливается по п.3 ст.195 УПК РФ.

8. Использование такого показателя как «удельный вес преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, в структуре всех выявленных по линии НОН преступлений», естественно стимулирует органы на выявление преступлений, связанных со сбытом наркотиков. Не является секретом то, что при задержании лица, у которого были изъяты наркотические вещества, возбуждается уголовное дело по факту приобретения и хранения наркотических веществ. Доказывать цель сбыта достаточно сложно и требует значительных временных и материальных затрат. Возникает естественный «управленческий» вопрос. Что лучше? Выявить и осудить как можно больше людей, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, или выявить небольшое число «сбытчиков» наркотиков. При этом следует иметь в виду, что в первом случае «сбытчики», хотя и будут осуждены на меньшие сроки, но они будут поставлены на учет и на время их устранят от наркобизнеса.

Предложения по совершенствованию методики оценки результатов деятельности МВД, УВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

По первому замечанию. На уровне МВД России, нужно переходить на кластерный анализ. Анализировать как оперативную ситуацию, так и деятельность в классе регионов близких по многим основным социально-экономическим, географическим, демографическим, криминогенным показателям, и показателям состояния системы правоохранительных органов, и

ее деятельности. На наш взгляд, необходимо разбить все регионы страны на однородные по оперативной обстановке группы. И оценивать каждую группу отдельно.

По второму замечанию. Ранговая оценка по месту региона в ранжированном списке не может учитывать естественную норму показателя. На наш взгляд, рангов должно быть пять. Нулевой ранг (0 баллов) присваивается регионам, у которых значения показателя отличаются от среднего не больше, чем на стандартное отклонение¹. Первый ранг (1 балл) присваивается регионам, у которых значения показателя больше среднего значения на величину от одного до двойного стандартного отклонения. Минус первый ранг (-1 балл) присваивается регионам, у которых значения показателя меньше среднего значения на величину от одного до двойного стандартного отклонения. Второй ранг (2 балла) присваивается регионам, у которых значения показателя выше среднего значения на величину большую, чем двойное стандартное отклонение. Минус второй ранг (-2 балла) присваивается регионам, у которых значения показателя ниже среднего значения на величину большую, чем двойное стандартное отклонение.

При такой ранговой оценке выявляются регионы, у которых значение показателя принимается за норму – регионы нулевого ранга.

Для принятия управленческого решению по дальнейшему росту нормы следует более детально обследовать регионы второго и минус второго рангов. Использовать опыт первых и учесть ошибки вторых.

Отметим, что введение в практику данного предложения устранит *пятое и шестое замечания*.

По третьему замечанию. Необходимо провести проверку корреляционной зависимости² между любой парой предлагаемых показателей. Если у

¹ Среднее значение и стандартное отклонение легко рассчитываются, если использовать программную среду Microsoft Excel.

² Это легко можно осуществить с помощью программной среды Microsoft Excel.

пары показателей будет обнаружена сильная корреляционная зависимость, то для оценки следует использовать только один из этих показателей.

По четвертому замечанию. На наш взгляд, для оценки деятельности необходимо использовать показатели, свидетельствующие об улучшении обстановки в регионе, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Таких показателей может быть два. Количество изъятых наркотиков и количество выявленных лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Чем больше мы изыдем наркотиков и чем больше людей, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, будет выбрано из криминальной среды, тем более здоровой будет обстановка в регионе.

Одной из главных проблем для этих показателей является их нормировка. Для количества изъятых наркотиков единицей измерения может служить условная доза, применяемая Государственным Таможенным Комитетом. За условную дозу принимает количество наркотических средств и психотропных веществ, отнесенных решением Постоянного комитета по контролю наркотиков к нижней границе крупных размеров. За условную дозу можно принимать среднее количество одноразовых доз, употребление которых приводит к привыканию. В качестве нормировочного показателя можно использовать или бюджет органа, или общее количество сотрудников, участвующих в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В первом случае это будет «количество выявленных условных доз наркотических средств и психотропных веществ, приходящихся на один затраченный рубль». Во втором - «количество выявленных условных доз наркотических средств и психотропных веществ одним сотрудником». Такая нормировка учитывает и управленческую деятельность в органах, и наличие и эффективность использования сил и средств.

Несколько сложнее оценить выявленный контингент людей, занимающихся незаконным оборотом наркотиков. На наш взгляд, социальную опасность выявленных лиц следует оценивать по условному сроку. В качестве условного срока следует применять средний (за один, два или три предше-

ствующих года) срок, назначенный судами. Умножив условный срок на количество выявленных лиц, мы получим оценку их социальной опасности. В этом случае в качестве нормировочного показателя можно также использовать или бюджет органа, или общее количество сотрудников, участвующих в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В первом случае это будет «суммарный срок, который будет назначен выявленному контингенту лиц, приходящийся на один затраченный рубль». Во втором - «суммарный срок, который будет назначен выявленному контингенту лиц, приходящийся на одного сотрудника, участвующего в борьбе с незаконным оборотом наркотиков». Такой показатель учитывает и текучесть кадров.

Что бы предотвратить стремление правоохранительных органов задерживать всех подряд, необходимо ввести еще один показатель – «долю необоснованно задержанных лиц, среди всех лиц, выявленных за незаконный оборот наркотиков».

Оценивать регионы и принимать управленческие решения необходимо отдельно по каждому из этих показателей.

Использование предлагаемых показателей снимет *седьмое и восьмое замечание*.

Современные программные средства могут значительно облегчить эту работу.

И.А. Черникова

ВЛИЯНИЕ ПРЕДКРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА СОВЕРШЕНИЕ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Влияние социальных условий, противоречий в развитии общества на формирование личности находит свое выражение в различных формах поведения человека. Поведение, как мозаичная картина, складывается из по-

ступков, различных по значимости и направленности. В одних случаях, образ жизни человека соответствует устоявшимся стереотипам поведения и не вызывает нареканий. В других случаях, поступки людей вызывают отрицательную реакцию окружающих.

Большой интерес представляет выяснение вопроса о том, почему при одних и тех же условиях один субъект совершает преступление, другой – аморальный поступок, а третий – удерживается от нарушения социальной нормы или демонстрирует положительно поощряемое обществом поведение.

В этой связи важно проанализировать влияние различных социальных процессов и их последствий на формирование личности подростков. Объясняя, с одной стороны, наличие преступности несовершеннолетних особенностями и противоречиями социально-экономических, политических и других отношений в нашем обществе, с другой стороны немаловажное значение имеет и психологические особенности личности каждого подростка. Так, для большинства подростков основными нравственными ценностями остаются коллективизм, долг, честь, доброта, бескорыстие, однако, одновременно с этим наблюдается среди отдельных социальных групп несовершеннолетних, приверженность влиянию примитивной массовой культуры, ослабленность нравственных тормозов. Нарастает прослойка несовершеннолетних, для которых цель жизни сводится к достижению материального благополучия любой ценой, к обогащению любыми способами. Труд утратил для них общественную ценность и значимость, стал носить прагматичный характер – меньше работать и больше получать благ.

Большинство граждан убеждено, что в России люди становятся богатыми за счет воровства. Это отравляет общественную атмосферу и создает благоприятные условия для рекрутирования подростков в криминальные сферы. Подростки судят об экономических реформах, проводящихся в нашей стране не по будущим итогам, а по последствиям, которые они наблю-

дают. Обогащение людей путем использования незаконных средств оказывает влияние на выбор несовершеннолетними разных форм отклоняющегося поведения, а порой и на совершение преступлений ради улучшения материального положения.

Наряду с этим, наблюдается кризис в духовной сфере, который проявляется в стремление людей уйти от угнетающей психику действительности (пьянство, наркотизм). Все эти процессы сказываются на формировании личности подросткового поколения и являются факторами, сопутствующими преступности и нередко обуславливают ее. Факторы, детерминирующие преступное поведение, как правило, сплетены в сложный узел. Однако, необходимо, прежде всего, выделить главные факторы, которые определяют природу преступления и второстепенные, которые ускоряют или замедляют совершение преступления.

В криминологической литературе выделяют различные факторы, влияющие на переход от предпреступного поведения к преступному - это недостатки семейного и школьного воспитания, экономическая нестабильность, отрицательное воздействие окружения, ослабление социального контроля за поведением подростков и. т.д.

Нами было проведено анкетирование 100 несовершеннолетних, отбывающих наказание за совершение корыстных преступлений в ВК Московской области и 50 учащихся 9-10 классов. На основе полученных результатов были выделены факторы, которые повлияли на совершение подростками корыстных преступлений.

В формировании личности подростка велика роль семьи как фактора, влияющего на выбор правомерного либо социально – осуждаемого поведения. Семья – необходимое звено, посредством которого общество передает подрастающему поколению систему социальных правил одобряемого поведения – трудового, досугового, семейно – бытового и. т.д., а также помогает не просто внешне следовать этим правилам, но и осознанно подходить

к их усвоению, значимости и солидарности с ними.¹ Именно в семье дети получают первичный социальный опыт, который в последующем становится основой для дальнейшей социализации личности. Поведение ребенка отражает условия жизни и воспитания в семье. Конкурировать с семьей не может ни одно общественное или государственное воспитательное учреждение. Она дает первоначальные знания об окружающем мире, помогает сформировать определенные навыки и убеждения, оберегает детей от невзгод и трудностей.

Если родители сознают, что надо заботиться о гармоничном согласованном развитии личности ребенка, то мы можем быть уверены в правильном поведении детей в семье, на улице, в учебном заведении и т. д.²

В связи с незавершенностью выработки системы ценностей и оценок поведения, подросток еще продолжает руководствоваться сложившимися в окружающей среде примерами и стереотипами поведения. При этом стереотипы поведения членов семьи нередко воспринимаются подростком как типичные для общества в целом. Например, если мой отец ворует детали с завода, а потом их продает, значит так делают многие.

По мере взросления стереотипы поведения членов семьи, как положительные, так и отрицательные оказывают влияние на формирование внутренней позиции личности. Поэтому личный пример родителей играет не последнюю роль в выработке собственной линии поведения. Таким образом, отрицательное влияние со стороны родителей, личный пример негативного характера может быть выделен как второстепенный фактор, обуславливающий преступное поведение подростка.

В подростковом возрасте приоритет семьи несколько снижается. Смена системы ценностей, удовлетворение интересов вне семьи происходит во многих семьях, где есть дети. Возникновение противоречий между родителями и детьми происходит по различным причинам: с одной сторо-

¹ Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. М, 1989г., с.12.

² Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Указанное сочинение. М, 1989г., с.86.

ны, это может быть плохая успеваемость подростка в школе, друзья подростка, с другой стороны, это может быть недостойное поведение родителей, их систематическое пьянство. Конфликты и противоречия порой приводят к полному отколу ребенка от семьи и могут выливаться в такую форму протеста, как уход подростка из дома.

Побеги из дома, бесцельное времяпрепровождение подростков по улице, по мнению Р.В. Абызова,¹ является начальным этапом формирования антиобщественной направленности личности. Следующим этапом антиобщественной направленности будет являться разрыв несовершеннолетних со школой. Несвоевременная реакция педагогов на пропуск учениками уроков, безразличное отношение подростков к учебе, удовлетворение интересов вне школы может способствовать отколу ребенка от школы. Школа, как известно, вносит значительный вклад в нравственное воспитание детей и является одним из институтов воспитания подрастающего поколения. К сожалению, в настоящее время приоритет школы заметно снизился. Определенное влияние здесь оказали экономические реформы, проводимые в нашей стране. Материальная, кадровая, психологическая неподготовленность органов образования проявилась в качестве самостоятельного криминогенного фактора.

С увеличением возраста подростков заметно возрастает влияние неформальной группы. Общество сверстников является важной средой развития подростков и представляет собой еще один фактор.

Подростки объединяются в группы для проведения свободного времени. Здесь они могут самовыражаться, удовлетворять свои интересы, общаться со сверстниками. Зачастую отторгнутые семьей, школой, общест-

¹ Абызов Р.В. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних и их предупреждение. Диссертация д.ю.н. М., 1999, с.167 – 168.

венными органами, подростки ищут возможность самоутвердиться, почувствовать свою принадлежность к чему-то.¹

Ближайшее окружение оказывает на подростка самое непосредственное влияние. С одной стороны, оно может формировать положительное отношение к ценностям общества и его интересам, с другой стороны, это влияние может быть противоположным, что в дальнейшем приводит к конфликту несовершеннолетних с обществом и законом. Ввиду небогатого жизненного опыта, они не всегда могут адекватно оценить свои поступки, выработать собственную линию поведения, противостоять воздействию компании. Так, 20% несовершеннолетних следуют конформистскому типу поведения, т.е. подчиняют свое поведение поведению окружающих. Нежелание быть осужденными друзьями, боязнь утратить их доверие зачастую порождает укоренение антиобщественных ценностей. В силу этого, можно выделить такой фактор, как влияние подростковой среды.

Трудовое воспитание подростка начинается в семье, далее оно продолжается в образовательных учреждениях и окончательно закрепляется в трудовом коллективе. Трудности трудоустройства, отсутствие постоянных источников дохода обуславливает совершение имущественных преступлений и компенсирует отсутствие законных источников дохода.

Недостаточное законодательное регулирование трудоустройства несовершеннолетних толкает их на нелегальный рынок труда, а многих и на совершение преступлений. Так, 17% указали, что заработали деньги путем совершения краж и грабежей. Потеряв надежду на поддержку государства, подростки порой вынуждены осваивать доступные для них пути на рынке труда, либо в криминальной сфере. Если бы государство обеспечивало разумное трудоустройство несовершеннолетних, то эта проблема не стояла бы так остро.

¹ Башкатов И.Г. О некоторых подходах к изучению социально-психологических особенностей групп несовершеннолетних правонарушителей. – Сб. Психолого-педагогические проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1992, с. 22.

Это позволяет выделить такой важный фактор, как трудности трудоустройства несовершеннолетних.

Количество лиц, начавших регулярно употреблять наркотические, токсические вещества и спиртные напитки в несовершеннолетнем возрасте высоко. Данные анкетирования показывают, что постоянно употребляли наркотики 20% несовершеннолетних, 18% - токсичные вещества, 33% - спиртные напитки. В контрольной группе респондентов лиц, употреблявших наркотические и токсичные вещества, не выявлено.

Полученные результаты позволяют отметить достаточно высокий процент лиц, начавших регулярно употреблять наркотики, токсичные вещества и спиртные напитки в несовершеннолетнем возрасте. Так, 32% подростков на момент совершения преступления находились под воздействием алкогольных и наркотических веществ. Все это, свидетельствует об определенной социальной деградации подростков. В силу этого, употребление спиртных напитков, наркотических и токсичных веществ можно определить как фактор, оказавший определенное влияние на совершение преступления.

Источником корыстной мотивации может быть не только нужда в еде, одежде, но и в желании развлечься, получить удовольствие. Бедность форм деятельности, пассивное времяпрепровождение нередко толкает подростков на поиск «острых» ощущений. Большинство корыстных преступлений, совершаемых подростками, совершенно не запланировано, преступный замысел зарождался у них внезапно. 37% несовершеннолетних объяснили совершение краж и грабежей озорством. Тем самым, низкая организация досуговой деятельности подростков является еще одним фактором, обуславливающим преступное поведение подростков.

Недостаточная выработанность семьей у подростка культурных потребностей, бесцельное проведение времени в общественных местах связано с риском попасть под негативное влияние случайных знакомых, друзей. Так, 57% несовершеннолетних преступников указали, что вовлекались в

совершение корыстных преступлений. Способы вовлечения несовершеннолетних в преступление разнообразны, но преобладающим среди них является уверение в безнаказанности - 26%. В силу возрастных особенностей развития психики, подросток в отличие от лиц старшего возраста отличается повышенной, восприимчивостью, невозможностью, зачастую, противостоять мнению окружающих, что позволяет выделить такой фактор, как повышенная внушаемость несовершеннолетних.

Определенное воздействие на повышение уровня правового и нравственного сознания несовершеннолетних, расширение кругозора играют средства массовой информации. В отличие от взрослой аудитории, подростки не пытаются сопоставить, проанализировать полученную информацию, а усваивают ее напрямую. «Загрязнение» средств массовой информации сценами насилия и жестокости, показа в привлекательном свете преступников, может способствовать деформации нравственного и правового сознания несовершеннолетних.

С другой стороны, средства массовой информации оказывают и положительное воздействие, например, способствуют расширению правовой информации (13% респондентов получили знания о нормах уголовного права из телепередач). Воздействие средств массовой информации на подростковое поколение, определяется, прежде всего, тем, насколько интенсивно в семье детям прививаются социально – одобряемые правила поведения, поэтому, указанный фактор имеет второстепенное значение.

Психологические особенности личности несовершеннолетнего являются важным фактором, влияющим на формирование корыстной мотивации.

Нервная система подростка находится в стадии формирования. Линия поведения неустойчива, поступки нередко неконтролируемы сознанием, действия ситуативны и непредумышленны.¹

Способность подростка к саморегуляции, чувство ответственности, настойчивость и воля в достижении поставленных целей – все это у него в стадии становления.

У несовершеннолетних, совершивших корыстные преступления, наблюдается искажение в системе потребностей, которая отражает отношение лица к нормам, охраняющим ценности общества. Для человека, соблюдающего нормы общества характерны потребности, которые он удовлетворяет без вступления в противоречие с моральными и правовыми требованиями государства, в отличие от лиц с противоправным поведением. Искажение потребностей ведет к смещению системы потребностей и удовлетворение их различными способами.

Удовлетворять свои потребности несовершеннолетние могут в рамках тех материальных возможностей, которыми располагает семья. Многие несовершеннолетние решают эту проблему тремя путями: 1 путь – берут деньги у родителей, 2 путь – воруют, 3 путь – зарабатывают. Не все подростки выбирают правомерный способ получения денег. Так, 17% подростков, отбывающих наказание в местах лишения свободы, добывали деньги путем совершения краж, грабежей и последующим сбытом краденых вещей.

Переходы от одного вида отклоняющегося поведения к другому, развитие или повторение социально негативного поведения обычно сопровождается ухудшением общей линии поведения (переход от мелких нарушений к более серьезным). Все это происходит, когда не применяется эффективных мер предупреждения антиобщественных поступков. Деятельность

¹ Игнатенко В.И. Учет возрастных и психологических особенностей в профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями. – Сб.: Труды Рязанской высшей школы МВД РФ. Рязань, 1992г., с. 39 – 40.

органов государственной профилактики играет существенную роль в предупреждении преступности несовершеннолетних. Однако, поведение ребенка начинает привлекать внимание подразделений по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних, как правило, с того момента, когда он начинает совершать правонарушения.

Вместе с тем, несвоевременное пресечение и раскрытие преступлений, их безнаказанность, порой укрепляет в сознании подросткового населения вседозволенность. Все это позволяет выделить еще один фактор - недостаточный контроль правоохранительных органов за поведением несовершеннолетних.

Таким образом, совершению преступлений корыстного характера предшествовал процесс десоциализации, различный у каждого подростка по времени, корни которого кроются, прежде всего, в рассмотренных нами факторах преступности. В силу этого, выделенные факторы объективного и субъективного порядка позволяют определить основные направления профилактической работы, совершенствовать старые и искать новые формы предупреждения антиобщественного поведения детей и подростков.

Т.Н. Исаенкова

ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С ВЫМОГАТЕЛЬСТВОМ

До 1996 года Уголовным кодексом Российской Федерации квалификация убийства, сопряженного с вымогательством отдельно не выделялась. В случае совершения таких деяний, они подлежали квалификации по совокупности соответствующих пунктов 102 и 148 статей Уголовного кодекса. В УК РФ 1996 года п. «з» ч. 2 ст. 105 конкретно указывается на ответственность за убийство, сопряженное с вымогательством. Однако подобные деяния также квалифицируются по совокупности убийства и вымогательства, то есть п. «з» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 163 УК РФ. Это связано с тем, что

только правильная и полная квалификация всех преступлений, совершенных виновным, позволяет определить степень его общественной опасности и назначить справедливое наказание.

Убийство, сопряженное с вымогательством, относится к категории корыстно-насильственных преступлений и, следовательно, имеет сложный состав. Прежде всего, это связано с объектом преступления, который включает в себя два структурных элемента: 1) жизнь человека и те общественные отношения, в качестве субъекта которых он выступает; 2) общественные отношения, возникающие по поводу собственности.

Жизнь потерпевшего является основным объектом преступления при совершении любого убийства из корыстных побуждений, поскольку имеет большую ценность, нежели материальные блага. Именно основываясь на данной позиции, законодатель относит эти деяния к разделу преступлений против личности. Непосредственно собственность нельзя признавать объектом этих преступлений, поскольку объект – это то, на что посягает лицо, совершающее преступное деяние, и чему причиняется или может быть причинен вред в результате преступления¹. При совершении убийств, сопряженных с вымогательством, собственность является предметом посягательства, однако, в результате данных преступлений имущество не уничтожается и не повреждается - оно переходит в собственность другого лица, то есть вред наносится только общественным отношениям, возникающим по поводу собственности, так как имущество или право на него переходит лицу, не имеющему на это, основанных на законе, прав.

При вымогательстве объектом посягательства может выступать имущество, право на имущество, а также действия имущественного характера. Имущество, как объект преступления, представляет собой любой товар, вещи, деньги, то есть все, что обладает свойствами предмета материального мира и имеет стоимость (либо является всеобщим эквивалентом стои-

¹ Словарь по уголовному праву под ред. А.В. Наумова. М. 1997, с. 305

мости)¹. Право на имущество – это правомочия собственника или управомоченных им лиц владеть, пользоваться или распоряжаться предметами материального мира в виде товарно-денежных ценностей.² Передача права на имущество обычно связана с последующим или предшествующим завладением самим имуществом. Действия имущественного характера не предусматривают непосредственной передачи имущества или прав на него, но по своим последствиям способны принести виновному (или другому лицу, в интересах которого действует последний) определенную материальную выгоду. К таким действиям относятся, например, выполнение каких-либо работ без соответствующего возмещения, включение в число лиц, получающих определенные льготы, зачисление на высокооплачиваемую и необременительную работу и т.д.

Объективная сторона любого убийства состоит в противоправном причинении смерти другому человеку. При этом обязательным признаком, характеризующим объективную сторону состава данного преступления, выступает последствие в виде наступления смерти потерпевшего, находящееся в причинной связи с данным деянием. Последствие преступного деяния, в виде незаконного завладения имуществом, либо правами на имущество, не относятся к признакам объективной стороны убийств, сопряженных с вымогательством, равно как и других убийств, совершаемых из корыстных побуждений, и для квалификации преступления не важно, достиг ли преступник поставленной цели и реализовал ли свои корыстные намерения или нет. Достаточно того, что бы корыстный мотив присутствовал у него в начале совершения преступления.

Также несущественным для квалификации действий преступника как убийства, сопряженного с вымогательством, является то, что жертва убийства и жертва вымогательства не есть одно и то же лицо. Такие ситуации

¹ См. Ляпунов Ю., Ответственность за вымогательство. Законность, 1997 год, № 4., стр. 5

² См. там же, с. 5

возможны тогда, когда виновный, предъявляя свои требования потерпевшему, угрожает применением насилия к лицу, судьба которого для жертвы вымогательства безразлична. В дальнейшем данному лицу по тем или иным мотивам причиняется смерть, однако убийство, сопряженное с вымогательством, от этого своих квалификационных признаков не теряет. Достаточно установления единства умысла при совершении убийства и вымогательства, их логической взаимосвязи.

Нередко убийства, сопряженные с вымогательством, совершаются не ради облегчения завладения имуществом, а с целью сокрытия ранее совершенного преступного деяния. Вымогатель, опасаясь разоблачения и наступления уголовно-правовых или иных последствий, причиняет смерть потерпевшему с целью устранения нежелательного свидетеля. В таких ситуациях совершенное деяние дополнительно квалифицируется по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Действующим законодательством не предусматривается квалификация вымогательства, соединенного с захватом заложников (ст. 206 УК РФ), похищением человека (ст. 126 УК РФ) либо связанного с незаконным лишением свободы (ст. 127 УК РФ). В таких ситуациях данные преступления квалифицируются по совокупности. В случае если убийство, сопряженное с вымогательством, совершено совместно с захватом заложников или похищением человека, то деяние будет дополнительно квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК за убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника. Если же убийство, сопряженное с вымогательством, совершается совместно с незаконным лишением свободы, то преступление будет квалифицироваться по совокупности п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 127 УК РФ.

Практика расследования дел об убийствах, совершаемых по найму, свидетельствует о том, что нередко этим преступлениям предшествовало вымогательство. Такие преступления связаны, прежде всего, со сферами банковской, коммерческой и предпринимательской деятельности. Мотивы

совершения подобных убийств достаточно разнообразны: сокрытие других преступлений, месть за невыполнение или выполнение не в полной мере предъявленных требований, устрашение других жертв вымогательства (так называемые «показательные убийства»), устранение нежелательного конкурента, облегчение процесса завладения принадлежавшим жертве имуществом и т. д. Раскрытие убийств, совершаемых по найму, всегда сопряжено с рядом серьезных трудностей и в вопросе розыска подозреваемых, и в вопросе сбора доказательств. Еще с большими трудностями сопряжено установление единства умысла между вымогательством и убийством, тем более что между ними, как правило, существует значительный временной разрыв. На наш взгляд, это является одной из причин того, что убийства, сопряженные с вымогательством, имеют достаточно низкий удельный вес в сравнении с преступностью в целом и квалифицированными убийствами в частности.

Еще одним условием, влияющим на небольшой удельный вес данных преступлений, является то, что жертвы вымогательства, опасаясь возмездия со стороны преступников, или по иным мотивам не сообщают о требованиях, предъявляемых к ним преступниками, не только правоохранительным органам, но и своим близким. Впоследствии жертва вымогательства становится жертвой убийства, и оно, в свою очередь, вследствие невозможности установления истинных мотивов преступления, квалифицируется по другим пунктам ст. 105 УК РФ.

Субъектом убийства, сопряженного с вымогательством, может быть виновное лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста и признанное вменяемым. Но если говорить об уголовно-правовой характеристике преступления, то возраст и вменяемость не относятся к числу признаков состава преступления, а являются лишь условием наступления уголовной ответ-

ственности¹. За совершения большинства преступлений отечественное уголовное законодательство предусматривает наступление уголовной ответственности с возраста шестнадцати лет. Однако ч. 2 ст. 20 УК РФ содержит перечень деяний, за которые возраст уголовной ответственности снижен до четырнадцати лет. Это связано не только с большой общественной опасностью данных преступлений, но и с тем, что с достижением 14-летнего возраста подросток уже способен осознавать характер своих действий, в том числе и противоправных, и отдавать отчет о тех последствиях, к которым они могут привести.

Субъективную сторону любого преступления характеризуют три основных признака: вина, мотив и цель.

Субъективная сторона убийства, сопряженного с вымогательством характеризуется только умышленной формой вины, независимо от того, был ли умысел при этом прямым или косвенным.

Мотив преступления – это побуждение, которым руководствуется лицо, совершая общественно-опасное деяние, его психологическая причина.¹ Цель преступления представляет собой осознанный образ предвосхищаемого результата, к достижению которого стремится виновный. Рассмотрению данных признаков субъективной стороны в теории уголовного права уделяется очень немного внимания. В то время, как мотив и цель убийства, являясь признаками, характеризующими как само преступление, так и виновного, оказывают решающее влияние на квалификацию большинства преступлений против жизни. Поэтому их изучение и выявление в ходе расследования преступлений не только желательно, но и обязательно и необходимо.

Выявление мотива совершения преступления является весьма важным моментом при расследовании убийств из корыстных побуждений во-

¹ Бородин С.В. Преступления против жизни. М. 1999, с. 55

обще и убийств, сопряженных с вымогательством в частности. Это обусловлено не только необходимостью правильной квалификации данных деяний, выявления роли виновного в реализации преступного замысла, но и определения степени его асоциальности, социальной дезадаптации и, как следствие этого, общественной опасности.

Мотив является той самой силой, которая заставляет человека действовать. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что любая деятельность всегда мотивирована. Немотивированная, на первый взгляд, деятельность имеет в своей основе мотив, которой самим человеком не осознается или осознается не в полной мере и не заметен для стороннего наблюдателя.

Убийства, сопряженные с вымогательством, имеют в своей основе, как правило, корыстный мотив. Безотносительно к конкретному виду преступлений, этот мотив проявляется в стремлении виновного получить какую-либо материальную выгоду для себя или других лиц (деньги, вещи, имущественные права, право на недвижимость и т.п.) или желании избавиться от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, уплаты алиментов и др.).² Однако было бы неверным сводить мотивацию убийства, сопряженного с вымогательством, как, впрочем, и других корыстных и корыстно-насильственных преступлений, только к корысти, поскольку, как правило, активность индивида обусловлена актуализацией не одного, а двух и более мотивов. То есть, как правильно отмечал В.В. Лунеев, наличие доминирующего мотива не препятствует актуализации сопутствующих мотивов³. В этом случае деятельность приобретает характер полимотивированности. Важным является тот момент, что при полимотива-

¹ Уголовное право России. Общая часть. Под. ред. проф. А.И. Рагога. М. 1998, с. 99

² См. Преступление и наказание в Российской Федерации, под ред. А.Л. Цветиновича и А.С. Горелика, М., 1997, с. 201. См. так же Бородин С.В., Гаухман Л.Д. Преступления против личности по уголовному кодексу Российской Федерации, М., 1986, с. 17; Евстратов Ю.И. Понятие корыстных побуждений в составе умышленного убийства. В сб. Томского гос. ун-та «Правовые вопросы борьбы с преступностью». Томск. 1985, с. 37-38.

³ Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., Наука, 1991, с. 42.

ции деятельности мотивы могут не только сочетаться, но и быть несогласованными между собой и даже противоречащими друг другу. В этом случае говорят об амбивалентности, диалогичности мотивов¹. При этом, в процессе любой деятельности, в том числе и при совершении преступления, ведущий мотив может утрачивать свою актуальность, и на первый план выходит другой мотив, который и направляет деятельность в дальнейшем. К числу мотивов, проявляющихся при совершении убийства, относятся, например, стремление к самоутверждению, желание избавиться от свидетелей преступления, реализация brutальных тенденций, месть и т.д. Характерно, что месть при совершении убийства не всегда бывает персонализирована. Объектом мести становится человек не как личность, а как представитель того или иного класса людей, повинных, по мнению виновного, в его неудачах и несчастьях (например, женщины, молодые люди, предприниматели, государственные служащие и т.д.).

Немаловажным является и то, что большая часть мотивов, определяющих человеческие поступки, индивидом не осознаются или осознаются не в полной мере. Именно этим обусловлена трудность выявления истинных мотивов совершения преступлений. К тому же, определение мотивов преступлений затрудняется показаниями самих обвиняемых, которые, не желая обнаруживать истинные причины своих поступков, а чаще всего и не осознавая их, мотивируют свое поведение наиболее социально желаемыми побуждениями. Такое искажение может осуществляться не только осознанно, но и на уровне подсознания, по законам действия защитных психологических механизмов. Защищая психику человека от «разрушительных»

¹ См. там же, с. 43.

неприятных влияний, мыслей, моральных оценок, эти механизмы в той или иной мере свойственны всем людям¹.

Сложный состав убийств, сопряженных с вымогательством, определяет наличие трудностей, как при квалификации данных преступлений, так и при выяснении причин их совершения. Однако, невзирая на эти трудности, принципы уголовного права Российской Федерации, в целях соблюдения законности и назначения справедливого наказания виновному, требуют всестороннего и тщательного рассмотрения всех обстоятельств совершенного преступления.

Г.Ф. Коимшиди,
кандидат технических наук;
Е.А. Коновалова,
кандидат юридических наук
ГУВД г. Москва;
А.Д. Шестак,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ К РЕГИСТРИРУЕМОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность почти всегда была и продолжает оставаться одним из мощных раздражающих факторов в жизни нашего общества. Ежегодные опросы граждан об оценке ими своей безопасности от преступных посягательств стабильно свидетельствуют о снижении уровня этой безопасности, о постоянной тревоге и обеспокоенности за себя и своих близких стать жертвой насилия или иного правонарушения. Граждан более всего волнует даже не то, что их могут убить или ограбить, но, в первую очередь, найдут

¹См. там же, с. 21.

ли они защиту или хоть какое-нибудь сочувствие и понимание у сотрудников правоохранительных органов, и прежде всего, у милиции.

Информация о преступности и конкретных преступлениях по разному оценивается нами в зависимости от способа ее получения. В среднем каждую неделю только в Москве убивают около 20-ти человек. Но если это не заказное убийство и личность пострадавшего не вызывает общественного резонанса, то эти маленькие трагедии практически не остаются в памяти жителей столицы. Если же все наоборот, то газеты, радио и телевидение в течение нескольких дней рассказывают нам о небывалом росте преступности и бездействии властей, а заодно о расцвете коррупции и организованной преступности. Попробуем разобраться, так ли все на самом деле.

Одним из основных и часто используемых источников данных о размере и параметрах преступности является статистика о регистрируемых преступлениях, формирующаяся в системе МВД России.

Отражает ли регистрируемая преступность реальную картину этого социального явления? Конечно же нет. Речь идет о значительной части фактов преступного поведения граждан, оставшихся без соответствующей оценки правоохранительными органами. Иными словами речь идет о латентной (скрытой) преступности, которую по ее размерам зачастую сравнивают с подводной частью айсберга. На наш взгляд, в последнее время эта часть увеличилась под грузом существующей нестабильной экономической и социально-правовой ситуации.

Латентную преступность обычно подразделяют на естественную (когда граждане, пострадавшие от преступных посягательств, не обращаются в правоохранительные органы) и искусственную (когда сотрудники правоохранительных органов, прежде всего милиции, укрывают информацию о совершенных преступлениях от регистрации и учета).

Первая часть латентной преступности — естественная. Она во

многим зависит от эффективности деятельности милиции и прокуратуры, справедливости приговоров суда и массы других факторов. Сегодня милиция не способна в достаточной мере обеспечить безопасность пострадавших и свидетелей преступления, показаниями которых обеспечивается установление истины по уголовному делу, от угроз и реального насилия со стороны подсудимого или его гласных и негласных представителей. Эта ситуация, порой, доходит до абсурда: по многим делам в течение длительного времени суд не может рассмотреть дело и вынести приговор в связи с тем, что пострадавшие от преступления вынуждены скрываться, а сами подсудимые томятся в переполненных камерах в ожидании суда.

Вторая часть латентной преступности — искусственная. Именно эта часть латентной преступности требует усиленного внимания и соответствующего управленческого воздействия, в том числе с помощью мер, разработанных на основе проводимых криминологических исследований. Она зависит от добросовестности и профессионализма сотрудников милиции, прокуратуры, иных правоохранительных органов. Укрытие преступлений от учета и регистрации происходит чаще всего по двум причинам. Во-первых, МВД России да и местная власть требуют от милиции повышения *дайёдуаааи îñòè* и снижения общего количества преступлений в регионе. И то и другое возможно, чаще всего, с помощью незаконных манипуляций с информацией о совершенных преступлениях. Во-вторых, преступления укрываются в связи с загруженностью работой оперуполномоченных и следователей, либо желанием уменьшить объем работы с помощью целенаправленного регулирования потока поступающей криминальной информации.

Раскрываемость – это своеобразный показатель возможности государства противостоять криминалу. На раскрываемость влияют и средства, выделяемые государством, и научные разработки, и кадровая подго-

товка, и возможности криминала противостоять государству¹, и многое другое. Если этот показатель используется для оценки деятельности правоохранительных органов, то необходимо знать предельные значения раскрываемости для каждого вида преступлений. Эти значения далеки от 100%. Но эти предельные значения можно получить с помощью эксперимента. Например, приказом Министра внутренних дел России определяются 2-3 практических органа, в которые направляются высокопрофессиональные специалисты (оперуполномоченные, следователи, другие категории сотрудников) из соответствующих главков МВД России и обеспечиваются новейшими средствами оргтехники, связи и транспорта. Эксперимент длится в течение года. В результате эксперимента мы получим не только искомую цифру - предельные значения раскрываемости всей преступности и отдельных видов преступлений, но и обнажим ту подводную часть “айсберга”, которую называют искусственная латентность преступности.

Как известно, наиболее простой способ улучшить описанные выше показатели – это по возможности не регистрировать преступления, вероятность раскрытия которых мала. На практике зачастую так и происходит. Оперуполномоченный уголовного розыска всегда стоит перед дилеммой - можно ли скрыть преступление или нужно регистрировать? Отметим, когда врачи говорят, что данная операция помогает 96 раз из 100 подобных операций, это относится не ко всем больным, нуждающимся в этой операции, а только к обследованным больным и имеющим определенные показатели.

Влияние управленческих аспектов на регистрационную дисциплину можно обнаружить анализируя статистические данные по форме 1А.

Îñááí îñòè áæáí áñ÷:íé ðáññòðáöèè í ðáññòáí îñòè á ñòðáíá

В 1991 –1993 годах ежегодно пик регистрации преступлений приходился

¹ Достаточно сопоставить, например, средства передвижения и связи, находящиеся в распоряжении преступных группировок и правоохранительных органов.

на декабрь (см. Рис. 1)¹. Однако в декабре 1994 года было зарегистрировано 226 тысяч преступлений, что соответствовало среднегодовым данным (декабрь стал “рядовым” месяцем). С 1995 по 1997 год в декабре регистрировалось наименьшее количество преступлений (только в январе 1995 - 1997 годов регистрировалось немногим менее). В декабре 1998 года вновь зарегистрировано наибольшее количество преступлений.

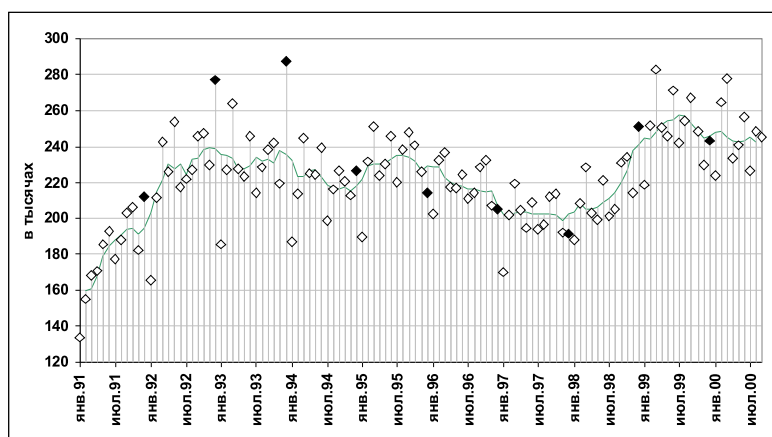

Рис. 1. Динамика ежемесячно зарегистрированных преступлений в России.

Одним из объяснений этого явления, на наш взгляд, может служить тот факт, что в указанные три года подведение итогов работы Министерства происходило до завершения года, а Коллегия, по подведению итогов за 1998 год, была уже в январе 1999 года, как и раньше.

Как видим, регистрационная политика является одним из важных факторов, определяющих объем зарегистрированных преступлений.

Этот вывод подтверждает и тот факт, что среднемесячное число зарегистрированных преступлений начало резко возрастать с августа 1998 года. В это время Министерство внутренних дел готовило и провело “круглый стол” по проблемам регистрации и оценке деятельности правоохранительных органов. Однако на Коллегии по итогам года не был зафиксирован факт улучшения регистрационной дисциплины. В оценке деятельности, как

¹ На графике данные за декабрь отмечены черной меткой.

и прежде, преобладали такие показатели как рост преступности и раскрываемость. Эффективность “круглого стола” сошла на нет. Уже, начиная с января 1999 года, темпы роста среднемесячной регистрации резко упали.

Особый интерес представляет собой динамика ежемесячно зарегистрированных преступлений в 1999 году и в начале 2000 года. Она полностью совпадает с ежегодной динамикой ежемесячно выявленных преступлений экономической направленности (см. Рис.2).

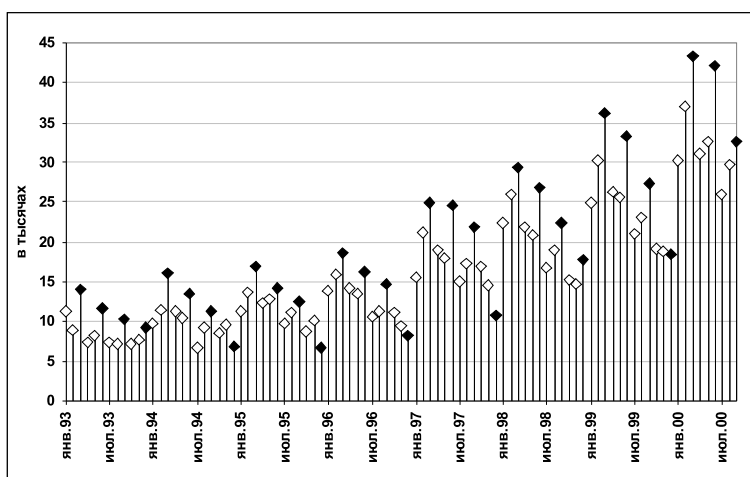

Рис.2. Динамика ежемесячно выявленных преступлений экономической направленности в России

Из рисунка 2 видно, что в стране ежегодно пик выявленных преступлений экономической направленности приходится на конец первого квартала (март). Второй по величине пик – на конец второго квартала (июнь). Третий по величине пик – на конец третьего квартала (сентябрь). В декабре – минимум. Т.е. в динамике ежемесячно выявляемой преступности экономической направленности наблюдаются не сезонные колебания, а квартальные – “отчетные” колебания. Для этого вида преступлений “управление регистрацией” осуществляется за счет изменения сроков возбуждения уголовных дел по имеющейся оперативной информации (возможно в ущерб следствию).

Интересны следующие факты. В Красноярском крае за 11 месяцев 1998 года было выявлено **5385** преступлений экономической направленности (в среднем около 500 преступлений за месяц). А за весь 1998 год в Красноярском крае выявлено всего лишь **4445** преступлений экономиче-

ской направленности. С учетом того, что в декабре тоже должны были выявиться около 500 преступлений, в Красноярском крае в декабре 1998 года пропало около 1500 преступлений экономической направленности – четверть всех преступлений за год. Данные взяты из формы 1А.

Аналогичная картина наблюдалась и в Москве в ноябре-декабре 1997 и в декабре 1998 годов.

Представляется интересным проанализировать статистические данные за 9 и за 8 месяцев 2000 года (нарастающим итогом) в Ханты-Мансийском автономном округе по форме 1А раздел 4 “Сведения о выявленных экономических преступлениях” (см. таблицу 1).

Таблица 1.2000 год, форма 1А, раздел 4

“Сведения о выявленных экономических преступлениях”

Ханты-Мансийский автономный округ	Выявлено			без возбуждения уголовного дела			материальный ущерб (млн. руб.)			расследованы			направлены в суд		
	9 мес	8 мес	прирост	9 мес	8 мес	прирост	9 мес	8 мес	прирост	9 мес	8 мес	прирост	9 мес	8 мес	прирост
Выявлено	3673	4585	-912	228	1494	-1266	1054055	1075475	-21420	3412	4358	-946	2642	3699	-1057
Следствие обязательно	2218	3331	-1113	223	1489	-1266	1033199	1054258	-21059	1990	3147	-1157	1576	2788	-1212
Тяжкие и особо тяжкие	1232	1093	139	194	127	67	500163	529200	-29037	1079	979	100	995	907	88
против собственности	1033	900	133	179	112	67	317315	362211	-44896	954	865	89	940	852	88
мошенничество	524	446	78	99	32	67	280100	326541	-46441	497	415	82	495	414	81
против интересов службы коммерческих организаций	25	25	0	0	0	0	469443	469513	-70	22	19	3	12	10	2
против гос.власти	266	1578	-1312	13	1349	-1336	4954	1890	3064	224	1543	-1319	141	1461	-1320
потребительский рынок	514	1710	-1196	26	1238	-1212	25156	23177	1979	468	1661	-1193	437	1640	-1203
финансово-кредитная система	825	792	33	104	160	-56	616337	612722	3615	747	751	-4	548	571	-23
внешнеэкономическая деятельность	1	2	-1	0	0	0	7722	19689	-11967	1	2	-1	0	0	0

На наш взгляд, при сборе статистических данных нарушается “золотое правило статистики”. *À òàòèòè: àîèèá î îèàçàò àèè èçì áí á íèÿ í á áí îñÿòñÿ*. Можно только исправлять допущенные ошибки.

Если существует практика законных внесений изменений в статистические показатели, то тогда их нельзя использовать для анализа состояния преступности. Поясним сказанное. Приведенные выше изменения внесены в сентябре. И лишь только потому, что год не кончился, их заметили. Если же “преступления” снимаются с учета в начале года, то изменения в статистические данные не вносятся. Возможно это и мелочи, но эти мелочи подрывают доверие к данным о регистрируемой преступности. Нет уверенно-

¹ В статистике фиксируются события. Если было зарегистрировано преступление, то оно вносится в статистику, независимо от того будет оно в дальнейшем снято с учета или нет.

сти, что ГИЦ предоставляет точные данные о числе зарегистрированных и выявленных преступлениях за год. Видимо и ежемесячные статистические сборники за 2000 год содержат недостоверные сведения. А если на основе неточных сведений проводится Коллегия, то повышается вероятность принятия ошибочных управленческих решений.

Отмеченное совпадение динамики ежемесячного количества зарегистрированных преступлений в России с ежегодной динамикой ежемесячно выявленных преступлений экономической направленности, свидетельствует о повсеместном ухудшении регистрационной дисциплины. Трудно поверить, что в 1999 году вместо сезонных колебаний преступности были квартальные колебания.

Динамика завершенных уголовных дел.

Для уяснения реальных тенденций в преступности следует, на наш взгляд, рассматривать динамику количества преступлений, дела, материалы и протокольные производства о которых закончены расследованием либо разрешены (условно назовем их – “расследованы”). Для выявления тенденций в регистрационной дисциплине необходимо рассматривать динамику количества преступлений, следствие по которым впервые приостановлено за нерозыском или неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого (“приостановлены”) (см. Рис. 3).

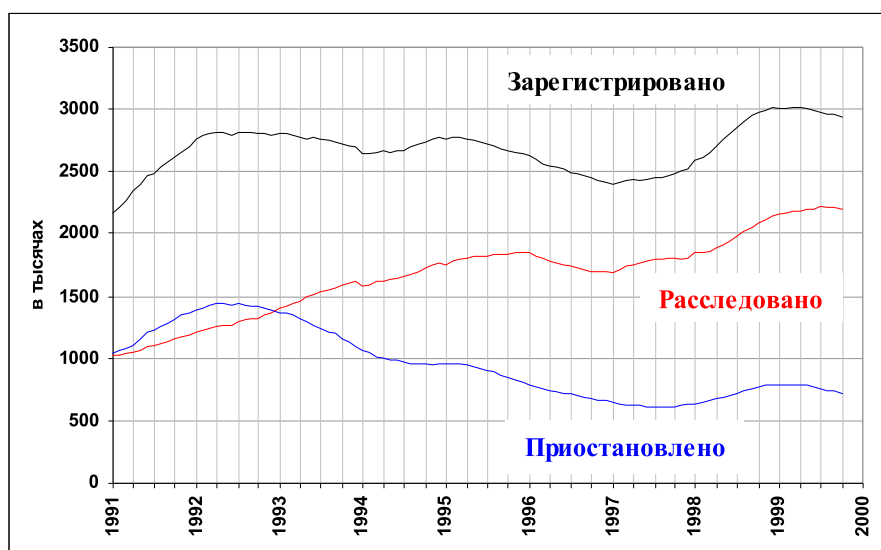

Рис. 3. Динамика зарегистрированных преступлений и завершенных уголовных дел (Россия).

Сравнение динамики зарегистрированных преступлений с динамикой преступлений, дела о которых закончены расследованием (см. Рис. 3), позволяет сделать вывод, что за рассматриваемый период число расследованных дел постоянно растет (в среднем на 800 преступлений за месяц) независимо от числа зарегистрированных преступлений¹. Это свидетельствует об устойчивой тенденции роста реальной преступности. Так как преступления, дела по которым с большей вероятностью могут быть раскрыты, практически всегда регистрируются правоохранительными органами. А рост этих преступлений сопровождается и ростом латентной преступности. **Таким образом, реальный рост преступности в России составляет не менее 7 – 10 % за год.**

Спад в динамике числа расследованных преступлений, который наблюдался в 1997 году, возможно, свидетельствует о том, что в структуре этих преступлений большую долю имеют те преступления, которые “претерпели изменения” в новом Уголовном Кодексе РФ.

Отметим, что в динамике расследованных уголовных дел наблюдается тенденция к стабилизации. Возможно, мы приближаемся к пределу возможности правоохранительных органов “перерабатывать” зарегистрированные преступления.

Анализ динамики преступлений, следствие по которым впервые приостановлено за нерозыском или неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого, показывает, что с 1993 года и по август 1998 года их количество постоянно уменьшается. Это обстоятельство привело к росту раскрываемости от 40% до 70%. Это произошло не только в связи с улучшением материально-технического обеспечения правоохранительных органов, повышением профессионализма личного состава органов внутренних дел, достижением научных разработок в правоохранительной сфере, но и в результате складывающейся регистрационной (к сожалению

¹ Исключением был 1997 год – год ввода в действие нового Уголовного кодекса.

не уголовной-правовой) политикой. Как только руководство Министерства (во второй половине 1998 года) обратило повышенное внимание на дисциплину регистрации преступлений, количество впервые приостановленных дел стало расти. Однако в 2000 году отмечается тенденция уменьшения этого показателя.

Влияние управления на регистрационную дисциплину можно рассмотреть и на примере динамики зарегистрированных преступлений и завершенных уголовных дел в Москве с 1998 года (см. Рис.4). С января 1998 года по август 1999 года в Москве по данным статистики правоохранительные органы полностью контролируют криминальную обстановку. Регистрируемая преступность снижается примерно на 1,5% за год. Число расследованных уголовных дел за 1998 год выросло на 8,0%, а за 1999 год должно было возрасти на 1,8%. Раскрываемость возросла с 76% (1997 год) до 81% (август 1999 года). В сентябре 1993 года раскрываемость была всего 44%. И если учесть состояние милиции в этот период и практически ничем не сдерживаемый разгул преступности, то надо признать, что и эти цифры были завышены.

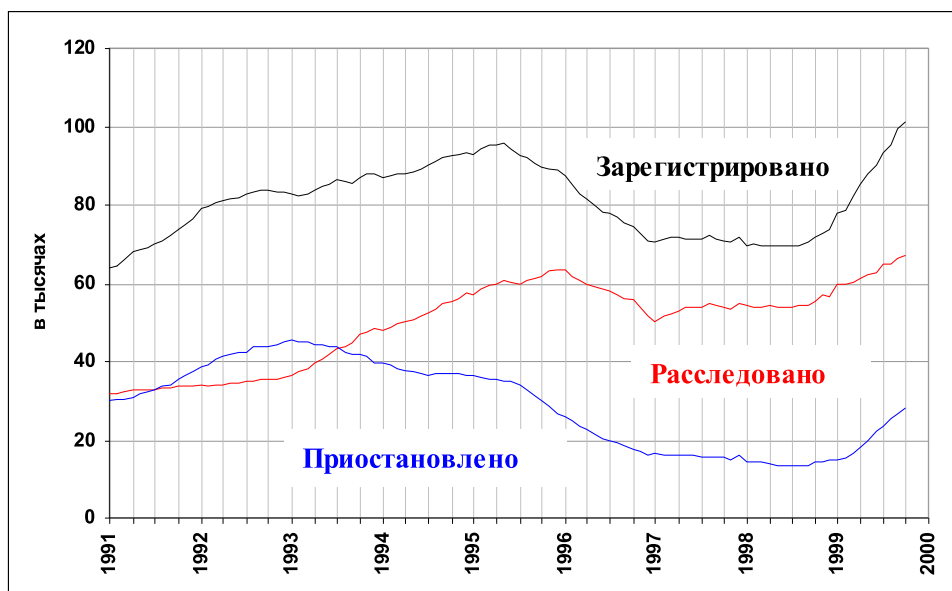

Рис. 4. Динамика зарегистрированных преступлений и завершенных уголовных дел (Москва).

В Москве никак не прореагировали “на круглый стол”. В России рост впервые приостановленных уголовных дел начался с четвертого квартала

1998 года. В Москве до сентября 1999 года этот показатель стабильно снижался. Однако, как только Министерство обратило внимание на ГУВД Москвы, динамика преступности в Москве резко изменилась. За 1999 год рост числа зарегистрированных преступлений в Москве возрос на 11,6%. Однако этот рост фактически осуществлялся последние четыре месяца 1999 года. Темпы такого роста соответствуют 405% роста за год. В сентябре 2000 года число зарегистрированных за 12 месяцев преступлений выросло до 101 тысячи.

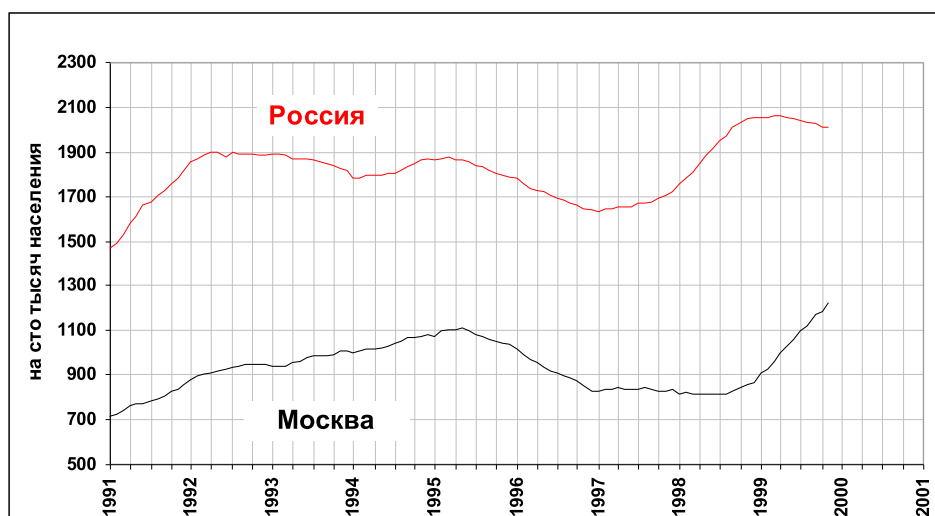

Рис.5 Динамика уровня преступности в России и Москве

Детальный анализ тенденции этого роста можно провести, изучая динамику уровня преступности (см. Рис.5). Рост числа расследованных за месяц дел в Москве, который наблюдается в 2000 году, по нашему мнению связан с увеличением числа зарегистрированных уголовных дел. При этом среднее число (за 12 месяцев) расследуемых за месяц уголовных дел в Москве возросло на 12% (с 5 тысяч до 5,6 тысяч уголовных дел), а среднее число зарегистрированных за месяц преступлений возросло на 46% (с 6,5 тысяч уголовных дел до 9,5 тысяч). Это объяснимо, так как известно, что между средним числом зарегистрированных уголовных дел и средним числом расследованных уголовных дел существует устойчивая прямая корреляционная зависимость.

Исследование и анализ тенденций раскрытых и нераскрытых преступлений их сравнение с тенденциями массива зарегистрированных преступ-

лений показывает, что динамический ряд зарегистрированной преступности находится в тесной корреляционной зависимости с динамическим рядом нераскрытых преступлений. Динамика же раскрытых преступлений обусловлена прежде всего возможностями системы правоохранительных органов, критериями оценки ее деятельности. Кроме того, по оценкам экспертов до 70% информации о совершенных преступлениях укрывается сотрудниками органов внутренних дел из-за отсутствия каких-либо перспектив раскрытия этих преступлений.

Все эти обстоятельства существенно снижают доверие к регистрируемой преступности и не только у криминологов. Но прежде чем делать выводы, необходимо разобраться насколько адекватно регистрируемая преступность отражает криминальную ситуацию в стране. Под преступностью обычно понимают совокупность преступлений, совершенных за определенный период на определенной территории. Собственно поэтому в качестве иллюстрации и были приведены материалы, показывающие соотношение отдельных характеристик преступности в целом по России и в Москве. Деяние же считается официально преступлением лишь после вступления в силу приговора суда и в ряде других случаях, предусмотренных действующим законодательством. До приговора суда и законодатель и правоприменители называют соответствующие деяния преступлениями условно, сознавая, что только в ходе судебного разбирательства и вынесения приговора (возможно и оправдательного) есть основание в наиболее полной мере квалифицировать то или иное деяние, т.е. дать ему государственно-правовую оценку.

Все эти данные содержатся в судебной статистике. Но они практически не отражают криминальную ситуацию за определенный период времени, поскольку многие уголовные дела рассматриваются в течение года, а то и двух-трех лет. За это время снижается актуальность искаженных во времени данных о преступности. В этой связи большей актуальностью и большим спросом пользуются все-таки данные о регистрируемой преступ-

ности. Хотя и здесь предъявляются необоснованные претензии о искажении реальной картины преступности. Но если статистические данные о регистрируемой преступности подвергаются сомнению, какой же тогда информации можно доверять? Или проще: "Существуют ли методы получения наиболее полной информации о преступности?" Отчасти на этот вопрос могут ответить специалисты по изучению и выявлению латентной преступности. Но поскольку используемые ими методики, во-первых, очень дорогостоящие, во-вторых, данные, получаемые ими в ходе исследования, весьма приблизительные и могут использоваться лишь для сравнительного анализа с округлением данных, как правило, до миллиона, то информацию о латентной преступности следует использовать лишь в качестве дополнительной, характеризующей криминальную ситуацию в целом.

Достоверность информации о преступности зависит от многих обстоятельств. Ситуация с учетом преступности в России и раскрываемостью преступлений полностью отражает ситуацию, сложившуюся во всех социальных сферах — упадок и деструктивное влияние базиса — экономики. Сложившаяся система правоохранительных органов и практика ее функционирования отражается на качестве учета преступности и уровне раскрываемости преступлений.

Следует помнить и о высказываниях целого ряда ученых, основанных на многочисленных исследованиях общественного мнения, о порочном круге, связывающем деятельность по учету преступности с отношением населения к правоохранительным органам. Разорвать его сложно, однако возможно с помощью мер, направленных (без идеологического давления) на повышение регистрационной дисциплины у конкретных исполнителей, выявляющих и регистрирующих преступления, через систему потребностей и интересов.

Система, занимающаяся учетом преступлений, как и всякая система вообще, может хорошо и в короткие сроки обработать малый объем информации, большой объем можно в короткие сроки обработать только

плохо. Правоохранительная система вынуждена заниматься регулированием потока криминальной информации, выбирая оптимальный режим, адекватный ее количественным и качественным характеристикам.

Свернуть эту функцию саморегуляции у системы можно только выявляя и влияя на ряд объективных и субъективных факторов, уменьшая их негативное и усиливая их позитивное содержание.

В связи с вышесказанным представляется, что несовершенство **системы** касается, в первую очередь, **технологии учета преступлений**. Несовершенство технологии учета преступлений формирует целый ряд факторов. Это объективные факторы: законодательные (криминализация, декриминализация), правоприменительные (возникающие в связи с изменением законодательства), финансовые (влияющие на количество собственно субъектов, непосредственно занимающихся выявлением и регистрацией преступлений, на их материальное, техническое, научное и финансовое обеспечение). Смягчение их негативного, возмущающего влияния лишь в малой степени зависит от системы правоохранительных органов и практически не зависит от конкретного субъекта, занимающегося выявлением и регистрацией преступлений. К субъективным факторам относятся: нормотворческие (подготовка и издание подзаконных, ведомственных нормативных актов: приказов, распоряжений, инструкций), кадровые (подготовка и распределение кадров, их переподготовка, служебная подготовка и т.д), материально-технические (создание комфортных условий работы, помещения, их оснащение, приобретение и распределение новейшей техники, научно-технических средств), научные (организация ведомственной науки и взаимоотношения с ней), что в большей степени является проблемой субъективной, зависящей, как от деятельности системы правоохранительных органов, так и от конкретного субъекта, выявляющего и регистрирующего преступления.

Негативное отношение к неблагоприятной динамике преступности в большей степени зависит от внешних, объективных факторов, которые

возникают у конкретных правоприменителей, испытывающих идеологическое давление. Сама проблема идеологизированного отношения к неблагоприятной динамике преступности привносится в деятельность извне, со стороны общества, политических деятелей, в том числе и руководителей правоохранительной системы, и зависит от степени желаний общества иметь о себе точные представления, касающиеся определенных, весьма неблагоприятных сторон своей жизнедеятельности (например, преступность), и степени развития комплексов у некомпетентных политиков, которые либо думают, что количество преступлений в стране зависит только от деятельности руководимой ими системы, либо не могут переубедить в обратном политиков, стоящих над ними. В этих идеологических играх активно участвуют средства массовой информации. Только с их помощью можно оказывать это идеологическое давление. Сейчас оно идет под лозунгом "Преступность, коррупция, наркотизм — внутренний враг № 1". Бороться с ним можно не затрачивая никаких средств, а только при помощи игры в цифры о зарегистрированных преступлениях и их раскрываемости. Однако, возможности противостоять этому давлению и иметь реальное представление о том, с чем приходится работать конкретному правоприменителю в частности, и системе правоохранительных органов в целом, в большей степени — субъективный фактор, проблема профессиональных возможностей и созданного ими общественного статуса этих органов.

Как субъективный фактор, система оценки деятельности правоохранительных органов по раскрываемости закрепляет мотивацию укрытия преступлений и фальсификацию их учета, обостряя проблему профессиональных возможностей и создания высокого общественного статуса правоприменительных органов. Живучесть системы оценки работы правоохранительных органов по раскрываемости зиждется на неискорененном еще в общественном сознании в целом и в сознании правоприменительных органов, в частности, принципе неотвратимости наказания, который ни объективно, ни субъективно соблюсти невозможно, а исполнение его требований

и создает столь высокое идеологическое давление и на систему правоохранительных органов вообще и как элемент корпоративного сознания привносится в деятельность конкретного правоприменителя.

Альтернативой имеющейся системе оценки деятельности по раскрываемости может служить система оценок скоррелированных показателей законного применения мер пресечения в отношении выявленных лиц, совершивших преступления и незаконного применения этих мер.

Целесообразно на наш взгляд в систему критериев оценки деятельности органов внутренних дел ввести показатели технологии деятельности, например таких как время выезда на место происшествия, своевременность и полнота проведения иных оперативно-следственных действий.

Выведение существующего показателя раскрываемое из системы оценок деятельности правоохранительных органов позволит уменьшить влияние этого фактора на мотивацию укрытия преступлений, фальсификацию их учета. В значительной мере это может положительно повлиять на чистоту статистических показателей вообще, и на чистоту статистических показателей о нераскрытой преступности в частности, как на первичном учетном уровне, так и на уровне составления ведомственной статистической отчетности. А это не может не сказаться на возрастании достоверности криминологических исследований вообще и криминологических исследований нераскрытой преступности в частности. Это коснется и прогнозной деятельности органов внутренних дел, которая будет основываться на более достоверных количественных характеристиках преступности и соответственно будет давать более достоверные прогнозные оценки возможностей самой системы органов внутренних дел.

А.В. Денисов;

Э.У. Бицадзе;

Г.Ф. Коимшиди,

кандидат технических наук;

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАСИЛИЕМ.

За последние десять лет в динамике преступлений, связанных с насилием¹, в России наблюдались четыре периода (см. Рис. 1).

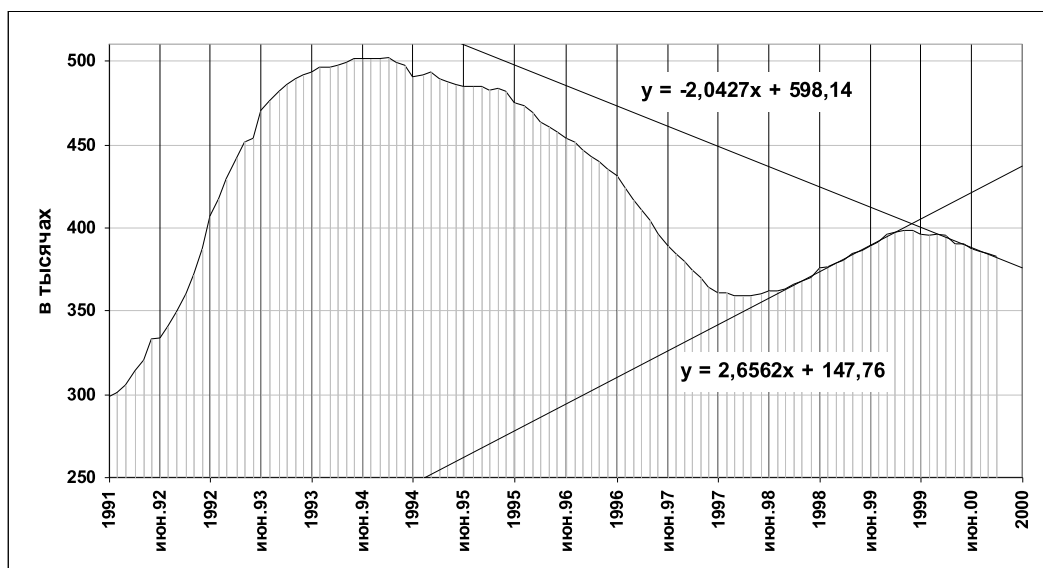

Рис. 1. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (Россия).

Первый период (с августа 1991 года – 300 тысяч преступлений за 12 месяцев по сентябрь 1994 года – 500 тысяч преступлений за 12 месяцев) – период стремительного роста преступлений, связанных с насилием. Однако, если в 1992 году темпы этого роста постоянно увеличивались, то в 1993 году они стали уменьшаться. В 1994 году ситуация стабилизировалась, и наметилась тенденция к снижению этой группы преступлений.

Второй период (с октября 1994 года – 500 тысяч преступлений за 12 месяцев по август 1997 года – 360 тысяч преступлений за 12 месяцев) – период снижения преступлений, связанных с насилием. И если в 1995 году

¹ К этой группе преступлений мы относим: убийства с покушениями, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, разбои, грабежи и хулиганства, т.е. те преступления в которых насилие является основным или сопутствующим элементом противоправного деяния.

темпы снижения были небольшими (-3,2%), то в 1996 году они увеличились (-9,3%), а в 1997 году темпы снижения были самыми большими (-16,3%).

Третий период (с августа 1998 года – 360 тысяч преступлений за 12 месяцев по ноябрь 1999 года– 400 тысяч преступлений за 12 месяцев) – период линейного роста преступлений, связанных с насилием. За каждый месяц число таких преступлений постоянно увеличивалось на 2,66 тысяч (см. Рис.1).

В настоящее время наблюдается четвертый период – период линейного снижения рассматриваемой группы преступлений. За каждый месяц число таких преступлений постоянно уменьшалось на 2,04 тысячи.

Помесячный анализ зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (см. Рис. 2), подтверждает наш вывод о том, что первый период роста этих преступлений начался с августа 1991 года.

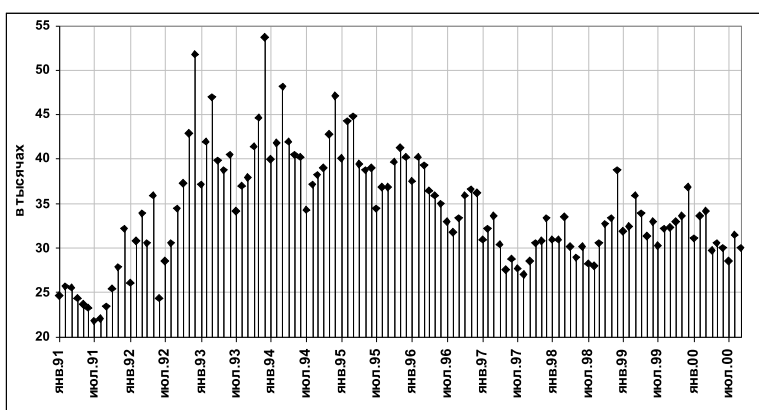

Рис. 2. Динамика ежемесячно зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (Россия).

Следует отметить большой разброс названных преступлений, во время роста и достижения своего максимального значения. Если в июне 1992 года было зарегистрировано менее 25 тысяч таких преступлений, то через пять месяцев в декабре 1992 года было зарегистрировано в два раза больше – 52 тысячи. Интересен факт, что минимумы числа зарегистрированных за месяц преступлений наблюдались в июле 1991 года, в июне 1992 года, в

июле 1993, 1994 и 1995 годов, а также в августе 1996, 1997 и 1998 годов. В 1999 и 2000 годах минимум опять наблюдался в июле.

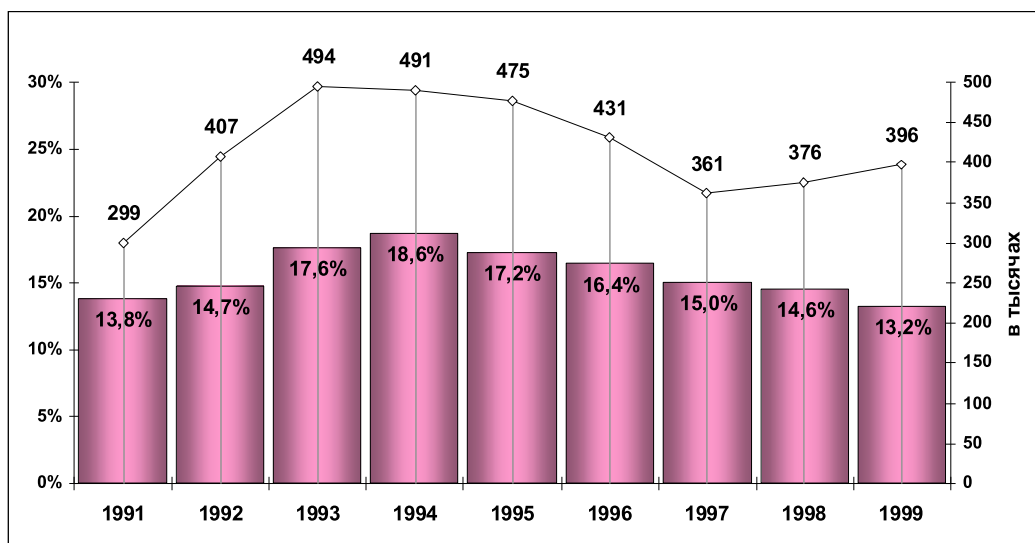

Рис. 3. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, и их доля в структуре всей преступности (Россия).

Если сопоставить динамику зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, с динамикой их доли в структуре всей преступности (см. Рис.3), то следует отметить, что, несмотря на рост этих преступлений (с августа 1998 года по ноябрь 1999 года), доля преступлений, связанных с насилием продолжает равномерно снижаться. Это снижение началось еще в 1995 году. Данное различие в динамиках, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в это время более быстрыми темпами росли другие виды преступлений.

Распределение регионов России по состоянию на 1 октября 2000 года по уровню всех преступлений и по уровню преступлений, связанных с насилием, показано на рисунке 4. В настоящее время между уровнем преступлений, связанных с насилием, и уровнем всех преступлений наблюдается средняя прямая корреляционная зависимость, которая заключается в следующем. Например, имеются две группы регионов. Если уровень всех преступлений в первой группе в среднем выше уровня всех преступлений во второй группе на 100 преступлений, то средний уровень преступлений, связанных с насилием, в первой группе будет превышать аналогичный показа-

тель во второй группе на 13 преступлений. Отметим, что такая зависимость (увеличение уровня преступлений, связанных с насилием на 13 преступлений при увеличении уровня всех преступлений на сто преступлений) наблюдалась и в 1998, и в 1999 годах (см. Рис.5).

Примечательно, что чем выше уровень преступлений, тем выше разброс регионов от этой зависимости. В 2000 году такими отклоняющимися регионами были: В республиках Тыва и Бурятии, в Коми-Пермятском и Таймырском автономных округах, а также в Пермской области уровень преступлений, связанных с насилием, был выше, чем в среднем в регионах с соответствующими уровнями всех преступлений. А в Курганской и Камчатской областях, а так же в Еврейской автономной области уровень преступлений, связанных с насилием, был ниже, чем в среднем в регионах с соответствующими уровнями всех преступлений.

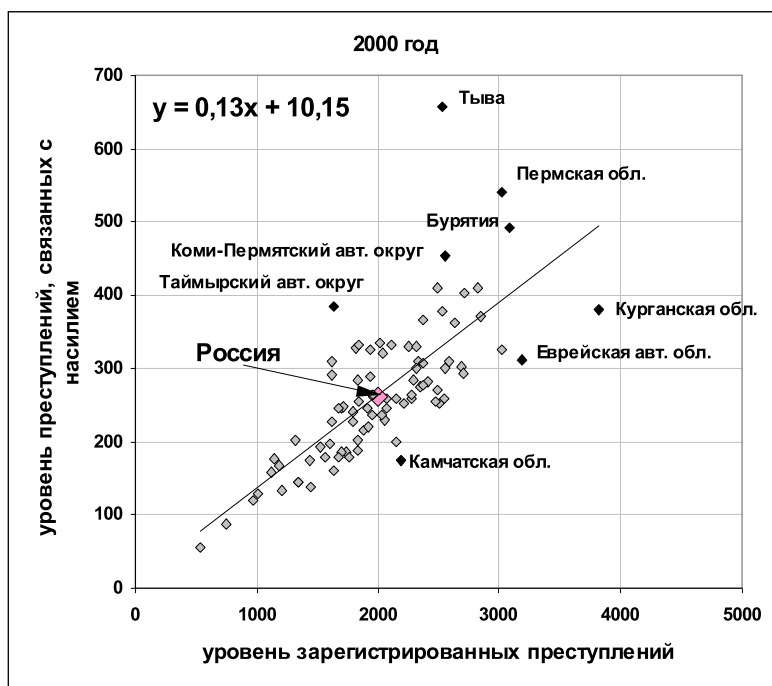

Рис.4. Распределение регионов России по уровню всех зарегистрированных преступлений по уровню преступлений, связанных с насилием.

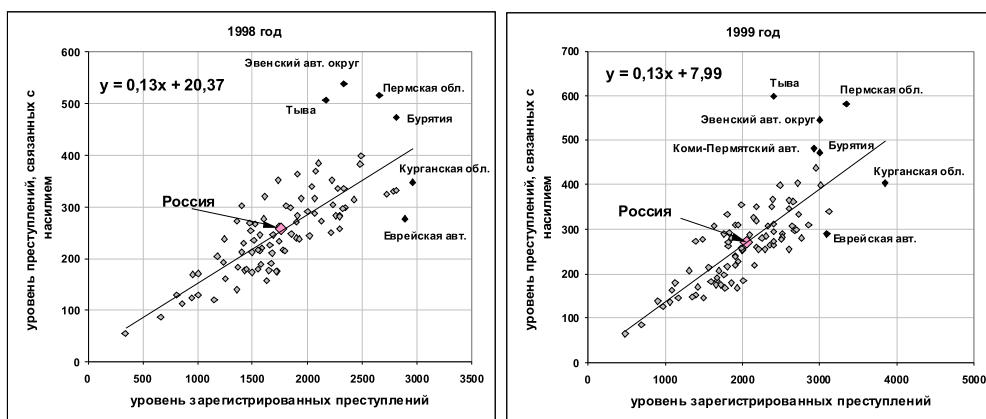

Рис. 5. Распределение регионов России по уровню всех зарегистрированных преступлений и по уровню преступлений, связанных с насилием.

Уровень преступности в Республике Тыва постоянно был высоким, однако, начиная с марта 1993 года он стал сближаться с уровнем преступности в России (см. Рис.6). Если в России этот показатель стал расти после августа 1998 года, и рост завершился в конце 1999 года, то в Тыве рост уровня преступности начался с апреля 1999 года. И положение стабилизировалось только в третьем квартале 2000 года.

Уровень преступлений, связанных с насилием, в Тыве постоянно был самым высоким (см. Рис.7). Однако, если в 1991 – 1995 годы он намного превышал аналогичные показатели в других регионах, то в последнее время он сблизился с уровнями преступности в других регионах имеющих высокие.

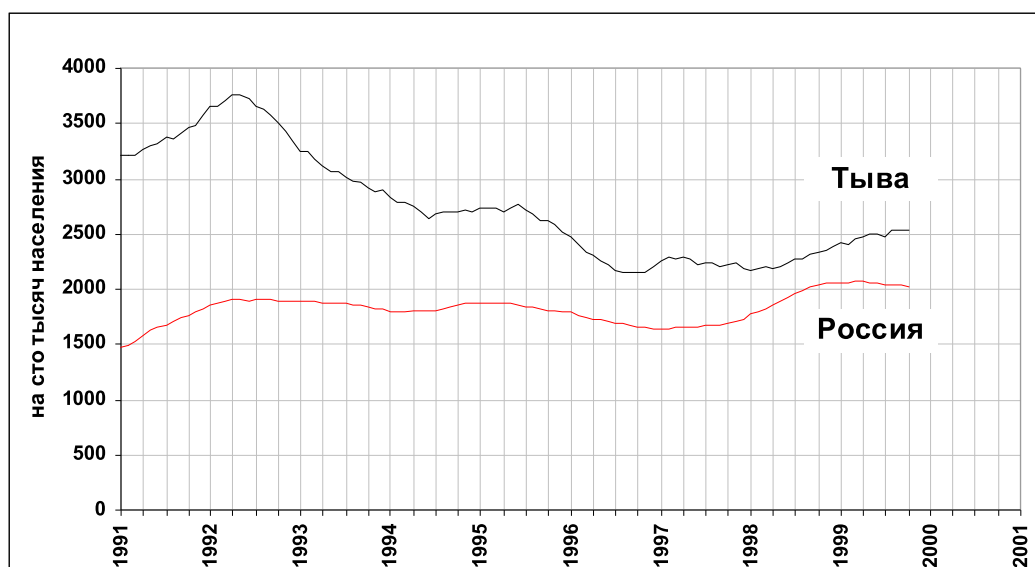

Рис. 6. Динамика уровня всех зарегистрированных преступлений в Тыве и в России.

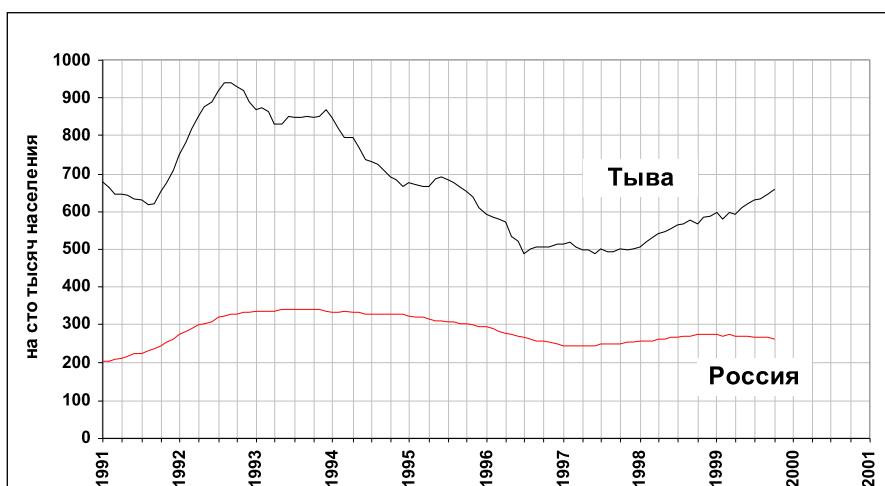

Рис. 7. Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Тыве и в России.

Начиная с января 1999 года уровень преступлений, связанных с насилием, в Тыве стал расти с более высоким темпом, чем в России в целом. Если эта тенденция сохранится, то к концу 2001 года уровень преступлений, связанных с насилием, в Тыве будет снова намного выше, чем в остальных регионах.

Если в России доля преступлений, связанных с насилием, в последние годы постоянно снижается, в Тыве она стала расти с 1998 года (см. Рис.8). И в настоящее время доля преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений в Тыве почти в два раза превышает аналогичный показатель в России. В 2001 году в Тыве каждое четвертое преступление будет связано с насилием.

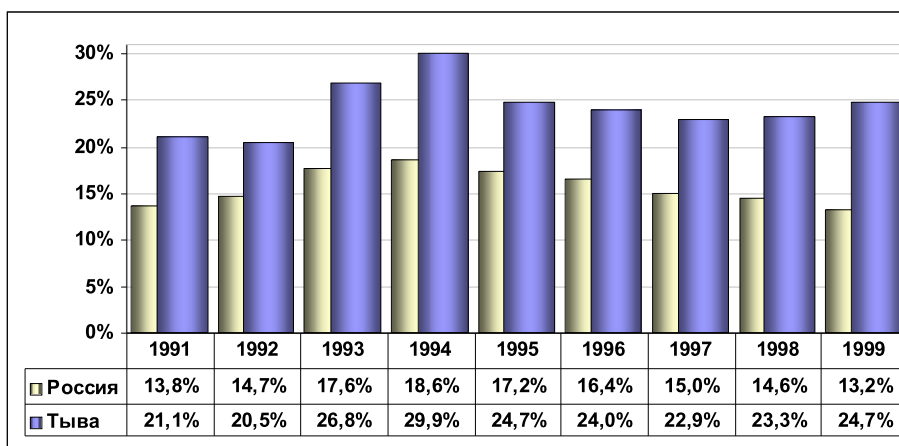

Рис. 8. Динамика доли преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений в Тыве и в России.

В структуре преступлений, связанных с насилием, в Тыве около половины (45,7%) это или убийства (11,0%), или причинение тяжкого вреда здоровью (29,9%), или изнасилования (4,8%). В России эти преступления составляют 23% от всех преступлений, связанных с насилием (см. Рис.9).

Рис. 9. Структура преступлений, связанных с насилием, в Тыве и в России (1 октября 2000 года).

За последнее десятилетие по уровню преступлений, связанных с насилием, Пермская область постоянно входила в четверку первых. Динамика уровня таких преступлений в области совпадала с аналогичной динамикой в среднем по России (см. Рис.10). Только в области все протекало с большими абсолютными значениями и с более высокими темпами. Так если со второго квартала 1998 года по третий квартал 1999 года включительно в России ежемесячный прирост уровня преступлений, связанных с насилием, составлял 1,86 преступлений, то в Пермской области он был в 3,5 раза больше (6,53 преступлений). Соответственно, наблюдаемый в настоящее время спад уровня этих преступлений в России уменьшается на 1,33 преступления, в Пермской области – на 6,56 преступлений (почти в пять раз быстрее).

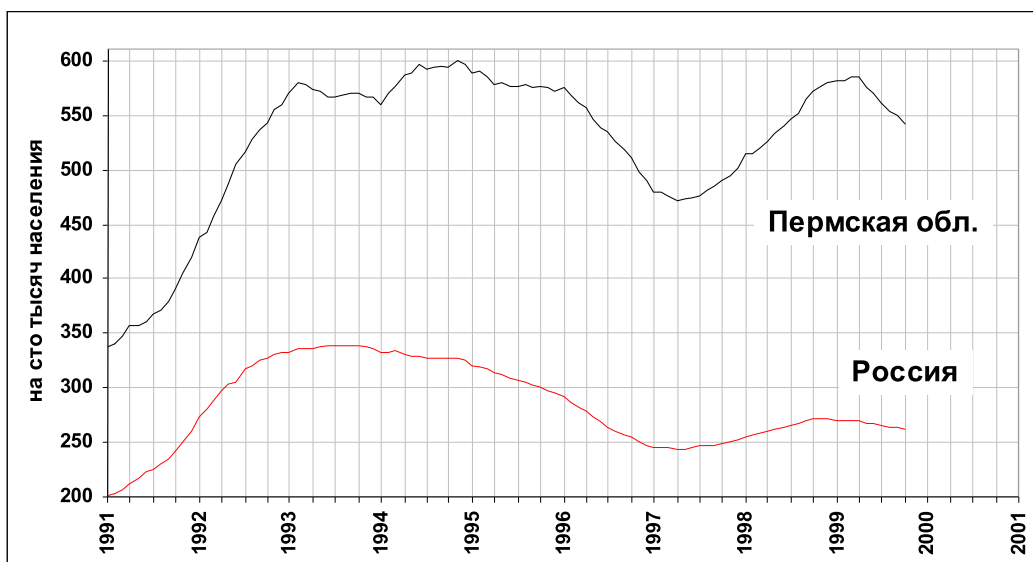

Рис. 10. Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Пермской области и в России.

Если данная тенденция устойчива и продлится до конца 2001 года, то за это время уровень преступлений, связанных с насилием, в Пермской области станет ниже, чем он был в 1997 году (ниже 450 преступлений, связанных с насилием за 12 месяцев на сто тысяч населения).

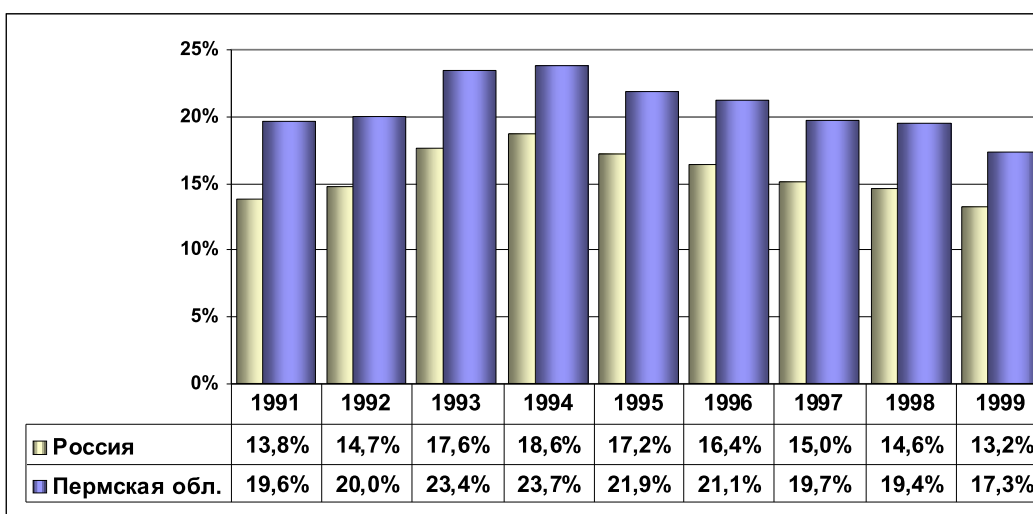

Рис. 11. Динамика доли преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений в Пермской области и в России.

Отметим, что в Пермской области, как и в России, с 1995 года постоянно уменьшается доля преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений (см. Рис. 11). Кроме того. За последние десять лет постоянно уменьшается разность между этими долями в Пермской области и в России. В 1991 году разность составляла 5,8%, а в 1999 году уже 4,2%.

Если рассмотреть структуру преступлений, связанных с насилием, то можно отметить следующее (см. Рис.12). В Пермской области более половины (51,6%) таких преступлений это грабежи и разбои. В целом по России грабежи и разбои составляют только 44,0% от всех преступлений, связанных с насилием. В Пермской области на каждые десять разбоев осуществляется 41 грабеж, а в России только 34 грабежа. По остальным видам преступлений, связанных с насилием, в Пермской области ситуация менее опасная.

Рис. 12. Структура преступлений, связанных с насилием, в Пермской области и в России(1 октября 2000 года).

Уровень преступлений, связанных с насилием, в Бурятии со второй половины 1996 года колеблется около 475 преступлений за 12 месяцев на сто тысяч населения (см. Рис.13).

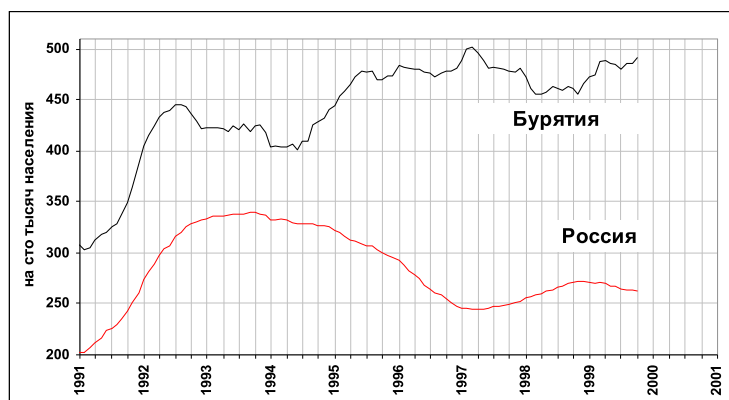

Рис. 13. Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Бурятии и в России.

В начале 1997 года этот уровень соответствовал 500 преступлениям, а в феврале и сентябре 1999 года – немногим более 450 преступлений. Такие отклонения (на $\pm 5\%$) в течение одного года характерны для малонаселенных регионов. В настоящее время (1 октября 2000 года) уровень преступлений, связанных с насилием, в Бурятии – 491 преступление за 12 месяцев на сто тысяч населения. Возможно это обычное отклонение от значения 475 преступлений, но не исключается и рост данного показателя аналогично, наблюдаемому в Бурятии с августа 1995 года по июль 1996 года.

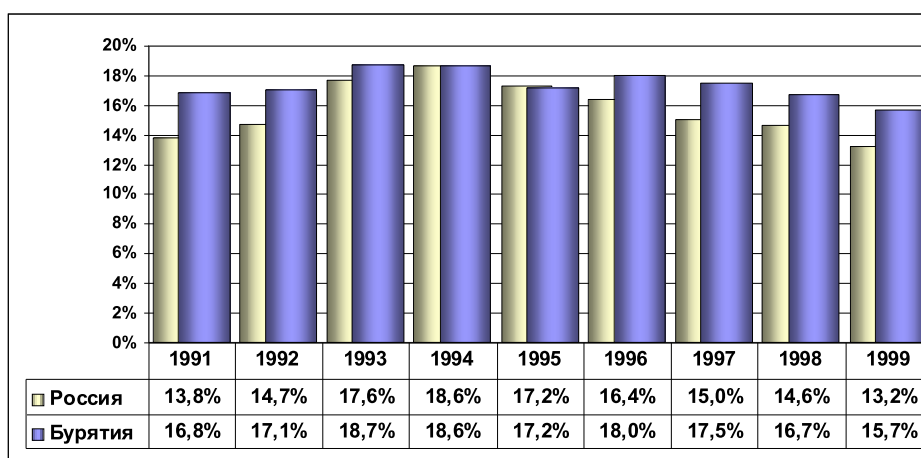

Рис. 14. Динамика доли преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений в Бурятии и в России.

Рост уровня преступлений, связанных с насилием, в Бурятии в 1995 – 1996 годах привел к тому, что доля этих преступлений в структуре всей преступности стал превышать среднее значение по России (см. Рис.14).

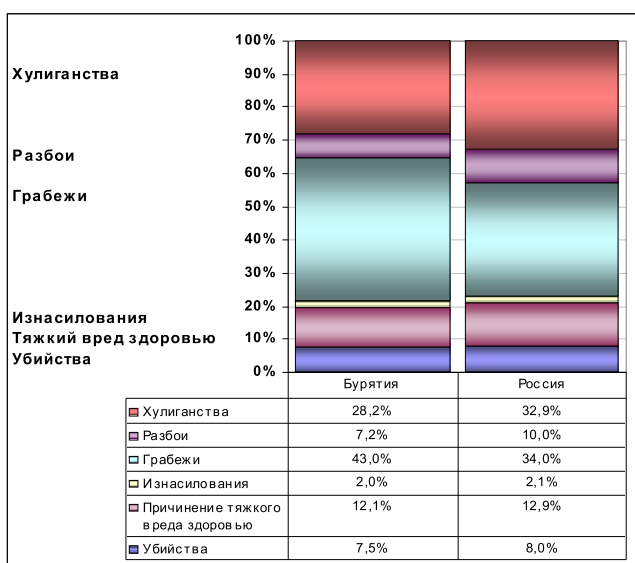

Рис. 15. Структура преступлений, связанных с насилием, в Бурятии и в России (1 октября 2000 года).

Структура преступлений, связанных с насилием, в Бурятии мало отличается от соответствующей структуры преступлений в целом по России (см. Рис.15). Следует отметить, что доля грабежей в Бурятии 43%, а в России – 34%. Эта разница может быть объяснима отчасти тем, что доля разбоев в Бурятии 7,2%, а в России – 10,0%.

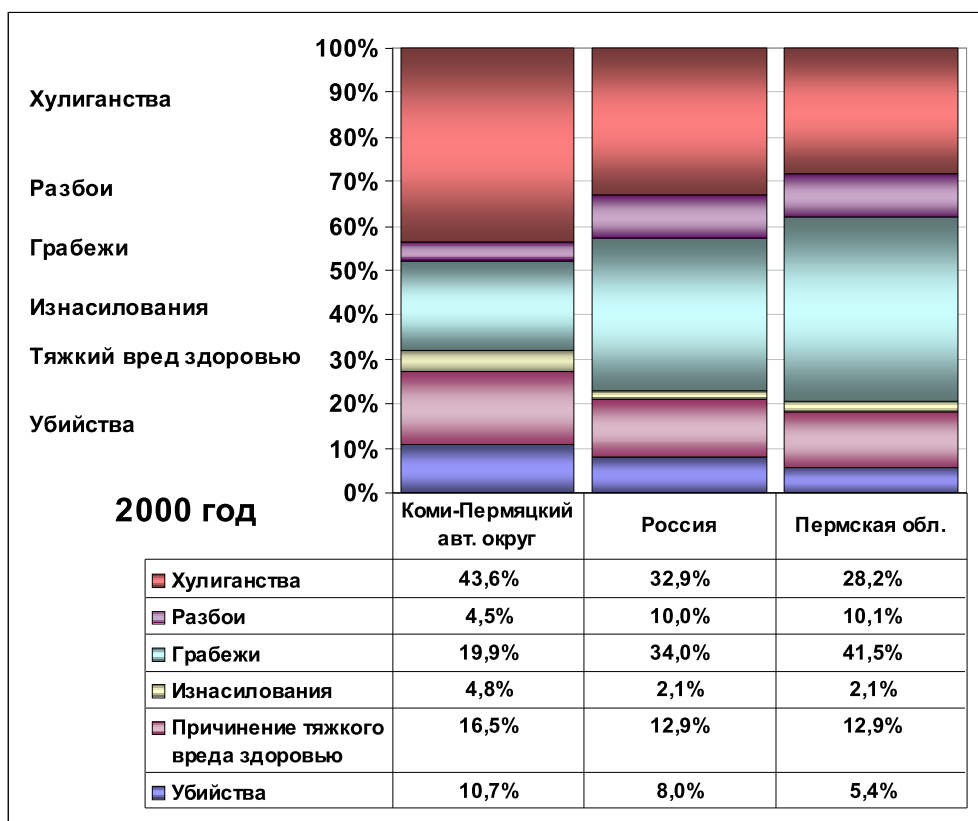

Рис. 16. Структура преступлений, связанных с насилием, в Коми-Пермяцком автономном округе, в России и в Пермской области (1 октября 2000 года).

В Коми-Пермяцком автономном округе доля преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений (17,7%) на 4,7% больше, чем в среднем по России. В Пермской области аналогичная картина. Доля этих преступлений в структуре всех преступлений (17,8%) на 4,8% больше, чем в среднем по России. В Пермской области в структуре преступлений, связанных с насилием, доминирующее значения имеют грабежи – 41,5%. Доли убийств и хулиганств в Пермской области меньше соответствующих показателей России. Остальные показатели такие же, как в среднем по России (см. Рис.16). В Коми-Пермяцком автономном округе наоборот, только доля грабежей и разбоев в структуре преступлений, связанных с насилием, почти вдвое меньше, чем в среднем по России. Остальные показатели превы-

шают и российские, и пермские. Отметим, что данная структура не претерпела значительных изменений по сравнению с 1999 годом.

Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Таймырском автономном округе аналогична динамике по России (см. Рис. 17). Различия проявились только в 1999 – 2000 годах.

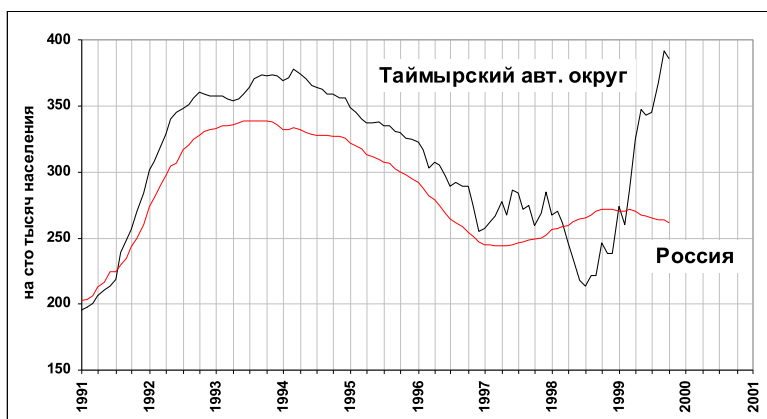

Рис. 17. Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Таймырском автономном округе и в России.

Если сравнить структуру этих преступлений в 1999 и 2000 годах (см. Рис.18), то можно увидеть, что рост уровня преступлений, связанных с насилием в округе в 2000 году произошел из-за увеличения числа зарегистрированных случаев хулиганства. В 1999 году доля хулиганств в структуре преступлений, связанных с насилием в округе была только 21,1% (в России – 32,5%). А в 2000 году – в Таймырском автономном округе 31,2%, в России – 32,9.

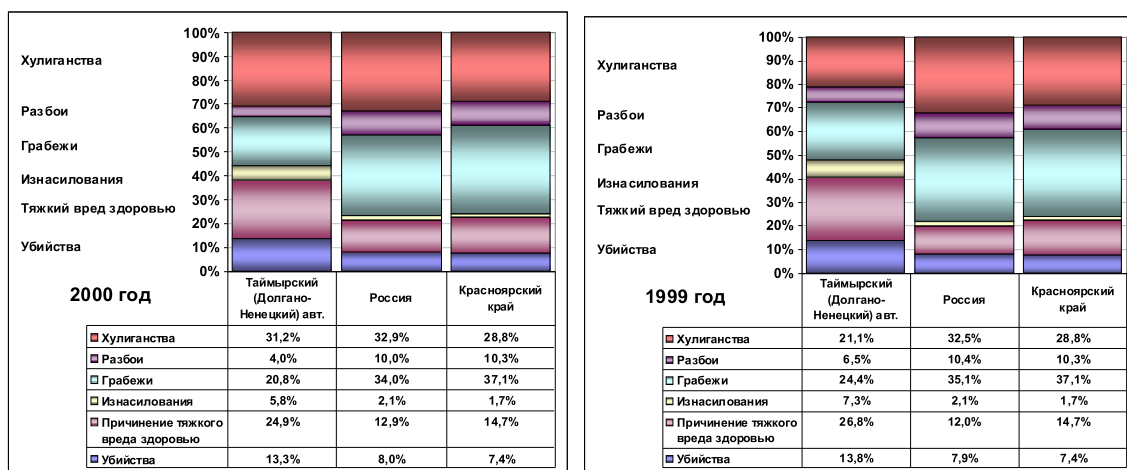

Рис. 18. Структура преступлений, связанных с насилием, в Таймырском автономном округе, в России и в Красноярском крае.

В Красноярском крае только доли таких преступлений, как грабежи и причинение тяжкого вреда здоровью, превышают общероссийские показате-

тели. В Таймырском автономном округе имеют малые значения только доли грабежей и разбоев.

В Курганской области уровень преступлений, связанных с насилием, с декабря 1997 года по декабрь 1999 года вырос от 291 преступления за 12 месяцев на сто тысяч населения до 404 преступлений (см. Рис. 19). Это значение продержалось только первый квартал 2000 года. За два последующих квартала уровень этих преступлений уменьшился до 380 преступлений. Если такое стремительное снижение продолжится, то к концу 2001 года уровень преступлений, связанных с насилием, в Курганской области будет равен 350 преступлениям за 12 месяцев на сто тысяч населения.

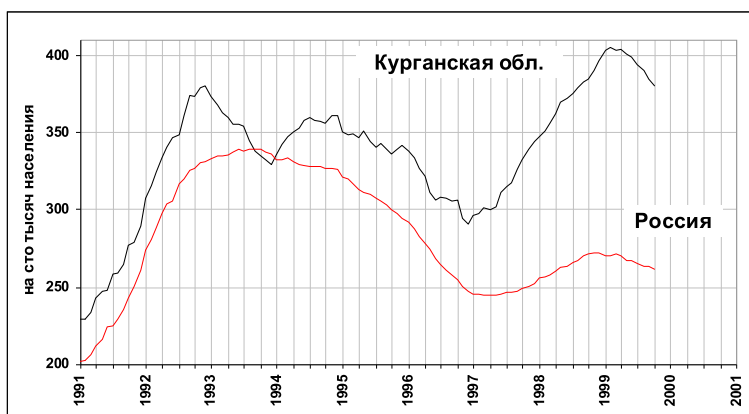

Рис. 19. Динамика уровня преступлений, связанных с насилием, в Курганской области и в России.

Различия в уровнях преступлений, связанных с насилием, в Курганской области и в России постоянно менялись. Однако доля этих преступлений в структуре всех преступлений в области постоянно была меньше, чем в России (см. Рис.20).

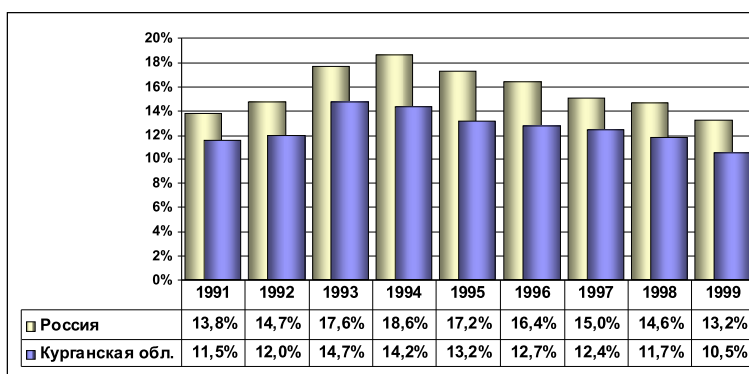

Рис. 20. Динамика доли преступлений, связанных с насилием, в структуре всех преступлений в Курганской области и в России.

Структура преступлений, связанных с насилием, в Курганской области мало отличается от общероссийской (см. Рис.21).

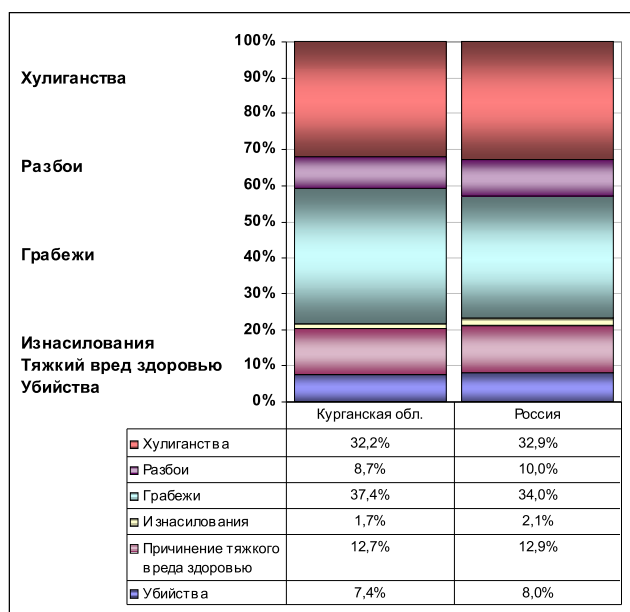

Рис. 21. Структура преступлений, связанных с насилием, в Курганской области и в России (1 октября 2000 года).

В настоящее время в восьмерку регионов с наибольшим уровнем преступлений, связанных с насилием, входят (см. Рис.22): республика Тыва (656 преступлений +10,2%), Пермская область (541 –7,0%), республика Бурятия (491 +3,9%), Коми-Пермяцкий автономный округ (452 –6,0%), Иркутская область (410 –6,3%), Эвенкийский автономный округ (409 –24,8%), Читинская область (403 +0,2%) и Таймырский автономный округ (385 +41,1%).

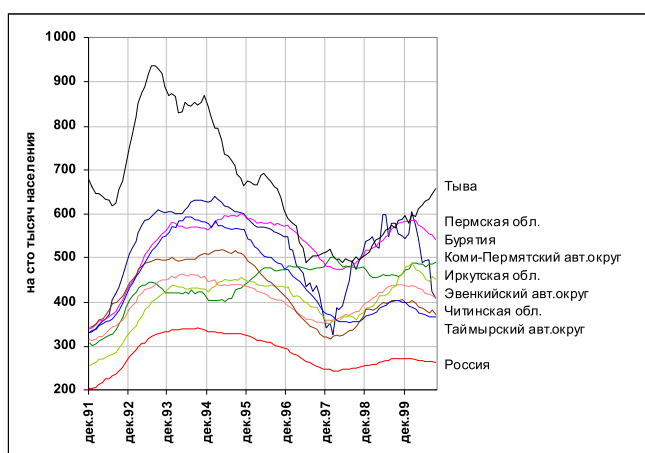

Рис. 22. Динамика уровней преступлений, связанных с насилием, в России и в регионах, с наибольшим их значением (1 октября 2000 года).

В восьмерку регионов с наименьшим уровнем преступлений, связанных с насилием, входят (см. Рис.23): республика Ингушетия (54 преступлений -15,0%), республика Дагестан (87 +3,2%), республика Кабардино-Балкария (120 -5,6%), Пензенская область (120 -4,90%), Рязанская область (132 -8,2%), Липецкая область (136 -4,8%), Белгородская область (144 -4,0%) и республика Карачаево-Черкесская (144 -2,3%).

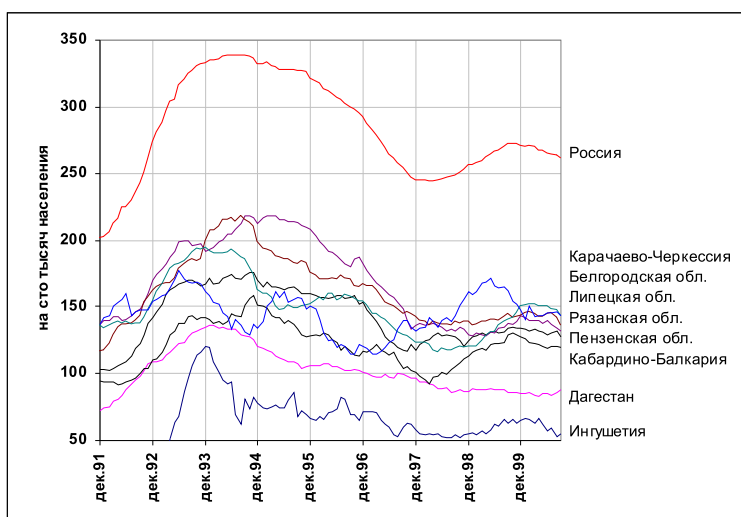

Рис. 23. Динамика уровней преступлений, связанных с насилием, в России и в регионах, с наименьшим их значением (по состоянию на 1 октября 2000 года).

До сентября 1999 года Москва входила в эту восьмерку: в Москве за 12 месяцев регистрировалось 130 преступлений, связанных с насилием, на сто тысяч коренного населения, ниже были только Кабардино-Балкария, Дагестан и Ингушетия.

Динамика преступлений, связанных с насилием, в «индексных» регионах (регионах с наибольшей долей зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, от всех зарегистрированных таких преступлений в России).

По состоянию на 1 октября 2000 года в стране за предшествующие 12 месяцев было зарегистрировано 398,4 тысяч преступлений, связанных с насилием, что на 3,9% меньше, чем по состоянию на 1 октября 1999 года. В семи регионах (см. Таблицу 1) совершено более четверти всех преступлений.

Таблица 1. Регионы с наибольшей долей зарегистрированных за 12 предшествующих месяцев преступлений, связанных с насилием.

ем, от всех зарегистрированных таких преступлений в России по состоянию на 01.10.2000 г.

№	Регионы	01.10.00	Прирост	Доля
1	Свердловская обл.	16865	-10,0%	4,41%
2	Пермская обл.	15169	-5,8%	3,97%
3	г. Санкт-Петербург	14949	-15,6%	3,91%
4	г. Москва	14140	25,5%	3,70%
5	Московская обл.	12992	-4,6%	3,40%
6	Челябинская обл.	12101	-5,9%	3,17%
7	Татарстан	10712	-8,1%	2,80%
	Итого	96928	-4,9%	25,37%
	Россия	382035	-3,9%	100%

В указанных регионах в последние годы стабильно совершается около четверти всех преступлений, связанных с насилием, зарегистрированных в России в целом за то же время.

Поэтому указанные в таблице регионы, на наш взгляд, следует рассматривать как «индексные» регионы. То есть, изучая состояние и динамику преступности в этих регионах, можно судить о складывающейся тенденции с преступностью в стране.

Во всех рассматриваемых регионах, кроме Москвы, в настоящее время наблюдается снижение зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (см. Рис. 24).

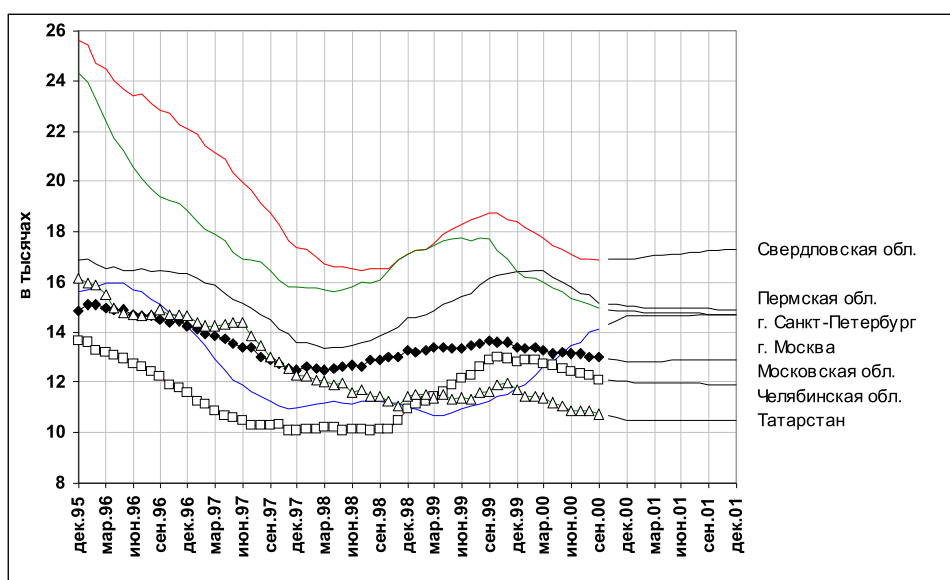

Рис. 24. Динамика и прогноз числа зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, в «индексных» регионах.

Если рассмотреть динамику ежемесячно регистрируемых преступлений, связанных с насилием, в этих регионах, то можно отметить, что за последнее время она стабилизировалась. В Свердловской области в 2000 году в среднем за месяц регистрировалось 1400 преступлений, в Пермской области – 1250 преступлений, в Санкт-Петербурге – 1240 преступлений, в Московской области – 1070 преступлений, в Челябинской области – 1000 преступлений и в Татарстане – 870 преступлений, связанных с насилием.

В 2000 году во всех этих регионах будет снижение числа зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, примерно на 10% (см. Таблицу 2). На 4% - 5% снизятся эти преступления в Московской области. Примерно на 24% по сравнению с 1999 годам в Москве возрастет число зарегистрированных в 2000 году преступлений, связанных с насилием. Следует отметить, что в Москве до января 2000 года (включительно) в среднем ежемесячно регистрировалось около 1000 преступлений, связанных с насилием (см. Рис. 26). А с февраля 2000 года это число скачкообразно возросло до 1220 преступлений, связанных с насилием, за месяц.

Следовательно, во всех крупных регионах положение с данными преступлениями стабилизировалось. Поэтому в 2001 году рост–снижение преступлений, связанных с насилием, в России будет $\pm 1\%$ – $\pm 2\%$ (см. Табл.2).

Таблица 2. Прогноз числа зарегистрированных преступлений, связанных с насилием, в «индексных» регионах и в России.

Регионы	2001		2000		1999	
	Абсолютные значения (тыс.)	Прирост (%)	Абсолютные значения (тыс.)	Прирост (%)	Абсолютные значения (тыс.)	Прирост (%)
Свердловская обл.	17,1	1,2%	16,9	-8,3%	18,4	7,8%
Пермская обл.	14,9	-0,7%	15,0	-8,3%	16,4	12,3%
г. Санкт-Петербург	14,7	-0,7%	14,8	-9,6%	16,4	-4,2%
г. Москва	14,7	0,7%	14,6	24,1%	11,8	6,9%
Московская обл.	12,9	0,8%	12,8	-4,3%	13,4	0,9%
Челябинская обл.	11,9	-0,8%	12,0	-6,4%	12,8	17,1%
Татарстан	10,5	0,0%	10,5	-10,2%	11,7	2,5%
Итого	96,7	0,1%	96,6	-4,2%	100,8	5,7%
Россия	380	0,1%	379	-4,2%	396,0	5,4%

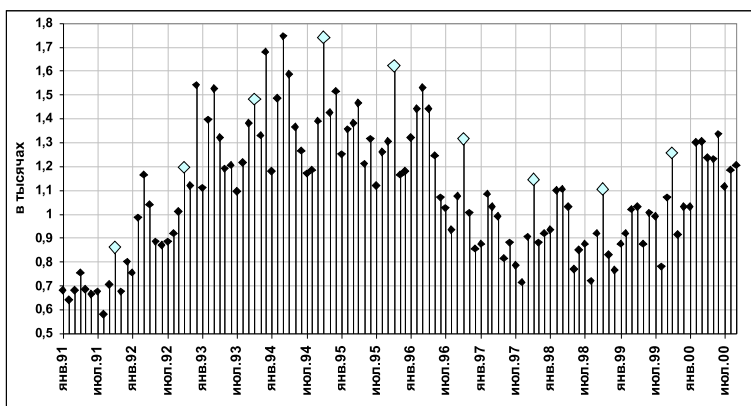

Рис. 25. Динамика числа ежемесячно зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (г. Москва).

Рассматривая динамику числа ежемесячно зарегистрированных преступлений, связанных с насилием в Москве, следует отметить постоянно большое значение этого показателя в октябре.

Рост рассматриваемой группы преступлений, в Москве начался с апреля 1999 года, а в декабре 1999 года резко возросли темпы этого роста (см. Рис.26). Начиная с сентября 2000 года, рост этих преступлений в Москве практически приостановится.

В этой связи интересно рассмотреть структуру преступлений, связанных с насилием, в Москве по состоянию на апрель 1999 года и на сентябрь 2000 года (см. Рис.27).

В структуре преступлений, связанных с насилием, в Москве по состоянию на апрель 1999 года такие преступления, как убийства, разбои и хулиганства превышают соответствующие показатели в структуре преступлений, связанных с насилием, в России. Первые два вида преступлений относятся к трудноскрываемым, а раскрываемость хулиганств близка к 100%.

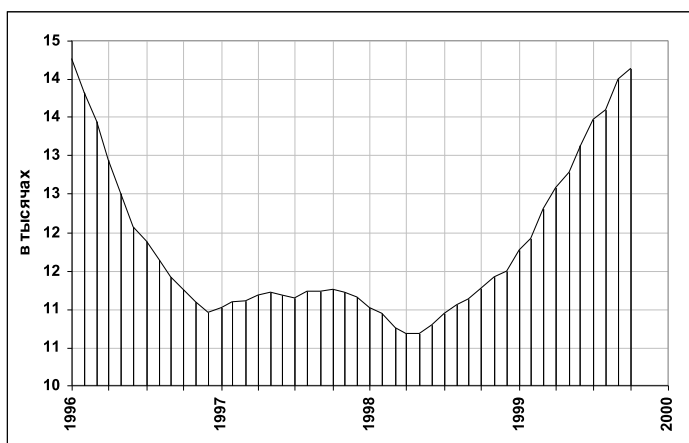

Рис. 26. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с насилием (г. Москва).

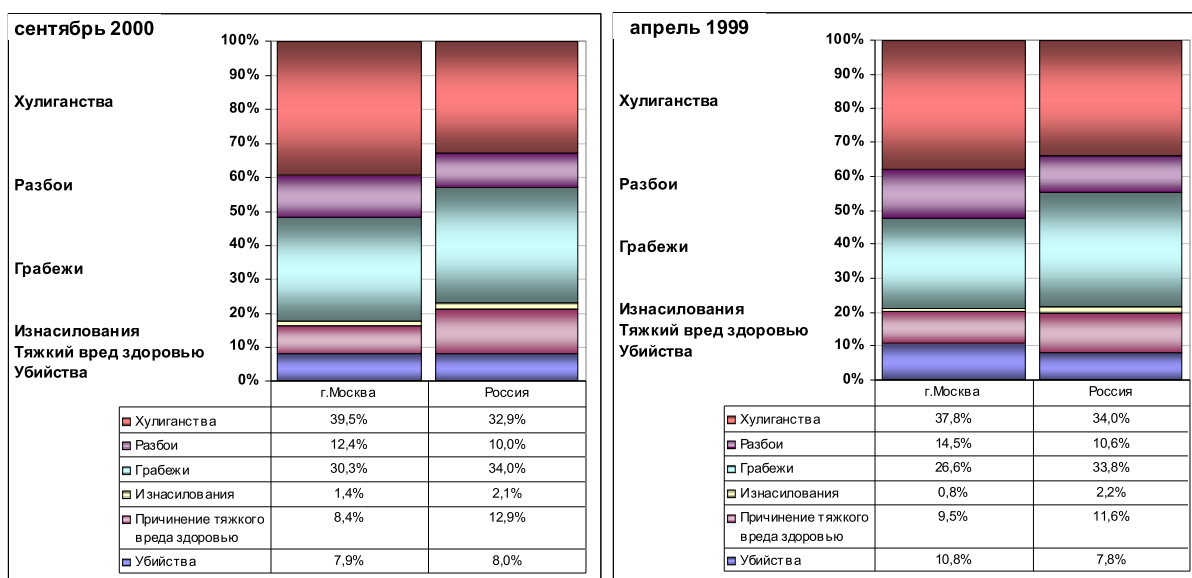

Рис. 27. Структура преступлений, связанных с насилием, в Москве и в России.

В сентябре 2000 года картина изменилась. Доля убийств в структуре преступлений, связанных с насилием, в Москве стала равняться соответствующей доли в России. Однако на каждые 100 убийств в России регистрируется 162 причинений тяжкого вреда здоровью, а в Москве только 106 таких преступлений. На каждые 100 разбоев в России регистрируется 339 грабежей, а в Москве всего 244 грабежа. Это указывает на то, что в Москве в структуре преступлений, связанных с насилием, тяжкие преступления имеют больший вес, чем в России.

А.А. ТОЛКАЧЕНКО

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист РФ.

Военный университет

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С НАРУШЕНИЯМИ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ.

В научной и популярной литературе, в средствах массовой информации и из уст руководителей правоохранительных органов достаточно много

и обоснованно говорится о некотором несовершенстве УК РФ 1996 года и необходимости принятия очередных его дополнений и изменений, в том числе в части, касающейся норм об ответственности военнослужащих за совершение преступлений против военной службы. Внесенные в УК изменения, к сожалению до сих пор не затронули важных военно-уголовных вопросов. Поэтому следовало бы общими усилиями юристов и руководителей всех воинских формирований страны (а не только МО РФ) подготовить предложения по совершенствованию военно-правовых норм УК и добиваться включения их в очередной проект закона об изменениях уголовного законодательства страны.

Так, представляется необходимым войти с ходатайством о внесении изменений в части, касающейся уголовно-правовой борьбы с насилием - с неуставными взаимоотношениями и в целом Раздела XI УК "Преступления против военной службы". При этом возможно учесть следующие соображения:

1. Статья о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности впервые была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. К этому времени в УК имелись: ст. 242 (насильственные действия в отношении начальника; ст. 260 о насильственных действиях начальников в отношении подчиненных (превышение власти и служебных полномочий); ст. 240 (сопротивление и принуждение с насилием); ст. 241 (угроза начальнику насилием); статьи 243 - (оскорбление действием подчиненным начальника и начальником подчиненного.

До Указа от 15 декабря 1983 г. насильственные действия в отношении военнослужащих, не состоящих в отношениях подчиненности, квалифицировались как хулиганство или как преступления против личности.

С признанием этих преступлений воинскими, весьма отрицательно влияющими на обеспечение постоянной боевой готовности армии и флота,

грубо нарушающими воинский порядок, появилась стройная и завершенная система военно-уголовных норм о насильственном нарушении уставных взаимоотношений:

- между подчиненными и начальниками;
- между начальниками и подчиненными;
- между военнослужащими равными по службе и званию и между старшими и младшими.

Они на протяжении многих лет в целом обеспечивали успешную уголовно - правовую борьбу с воинскими насильственными преступлениями.

Новый УК 1996 г. по существу разрушил эту систему военно-уголовных норм, исключив из нее насильственные действия начальников над подчиненными. Дело состоит не в простом переносе (в целях экономии?) части норм из главы о воинских в раздел о должностных преступлениях. Получилось так, что острейшая в глазах общественности и фактически наиболее опасная двубъектная форма насильственных преступлений именно для воинского порядка оказалась выведенной из числа воинских преступлений. Поэтому представляется необходимым восстановление системы военно-уголовных норм о насильственных преступлениях в прежнем виде.

2. Не менее существенной и тоже в отрицательном плане является несогласованность в новом УК санкций статей о воинских насильственных преступлениях с санкциями норм о посягательствах на личность. Статьи 333 (сопротивление и принуждение), 334 (насильственные действия в отношении начальника) и 335 (нарушение уставных правил взаимоотношений) включают в себя физическое насилие вплоть до умышленного причинения тяжкого вреда здоровью военнослужащего в связи с выполнением или во время выполнения им обязанностей военной службы, т.е. исполнения им своего конституционного долга по защите Отечества. Между тем

максимальные санкции указанных двуобъектных составов по ст.333,334 — лишение свободы до 8 лет; по ст. 335 —до 10 лет.

В то же время общеуголовная ст. 111 УК (умышленное причинение вреда здоровью) предусматривает санкции:

- по части первой (без отягчающих обстоятельств) —лишение свободы от 2 до 8 лет;

- по части 2 (в отношении лица или его близких в связи с служебной деятельностью, из хулиганских побуждений и др.) —от 3 до 10 лет;

-по части 3 (группой лиц, в отношении двух или более лиц) — лишение свободы от 5 до 12 лет;

- по части 4 (с неосторожным причинением смерти)- от 5 до 15 лет.

Трудно объяснить такую несогласованность санкций какими-либо соображениями. Налицо явная недооценка охраны жизни и здоровья военнослужащих в связи или при исполнении ими своих воинских обязанностей. и логико-юридическая непроработанность признака наказуемости. Поэтому есть все основания настаивать на следующем: на необходимости внесения изменений в санкции указанных статей УК; до внесения изменений в соответствующие статьи УК РФ применять квалификацию указанных (воинских и общеуголовных) преступлений по совокупности.

3. Существенные критические замечания вызывают и многие другие диспозиции и санкции статей о преступлениях против прохождения военной службы (так или иначе связанных с нарушением уставных взаимоотношений):

а) полная несогласованность санкций ст. 337 (самовольное оставление части -лишение свободы в различных частях -до 3, до 5 лет) и ч.1 ст. 339 (членовредительство, подлог документов -арест до 6 месяцев, содержание в дисциплинарной части -до 1 года);

б) отсутствие указания на добровольную явку в Примечаниях к ст.337,338 УК об ответственности за самовольное оставление части и де-

зертирство значительно снижает профилактическую роль этих норм, имеющих в целом весьма положительное предупредительное значение;

в) необоснованное исключение из диспозиции статьи 350 (нарушение правил вождения и эксплуатации машин) других, кроме человеческих жертв, тяжких последствий. В частности, вывода из строя боевой техники и другого существенного для воинского правопорядка вреда;

г) сужение составов уничтожения и повреждения военного имущества (статьи 346 и 347 в качестве предметов преступления предполагают лишь оружие, боеприпасы и предметы военной техники.) При этом естественно возникает вопрос о возможности применения статей 167 и 168 (умышленное либо неосторожное повреждение чужого имущества) в отношении другого военного имущества;

д) требует скорейшей разработки отложенный в ч. 3 ст. 331 УК вопрос о криминализации воинских правонарушений военного времени и боевой обстановки. В том числе, возможно, об ответственности за воинские преступления, совершаемые в районе внутренних вооруженных конфликтов.

4. Имеются и иные конструктивные предложения по изменению норм УК и УИК РФ, касающихся военнослужащих всех воинских формирований страны, и которые на практике вызывают затруднения:

а) в ст. 50, 51 УК следовало бы яснее указать, что исправительные работы к военнослужащим всех категорий не применяются, а для субъектов, проходящих службу по контракту, заменяются ограничением по военной службе;

б) в ст. 49 УК необходимо отказаться от возможности применения к военнослужащим, проходящим службу по контракту, обязательных работ. Нереальность их применения заключается в том, что они по общему правилу должны отбываться в свободное от основной работы время, в местах,

определяемых органами местного самоуправления и под контролем территориальных уголовно-исполнительных инспекций, что в условиях единого начальия, ненормированного рабочего дня и других особенностей военной службы осуществить практически невозможно. В качестве альтернативы в УИК РФ возможно указать, что обязательные работы, применяемые к военнослужащим, проходящим службу по контракту, исполняются по месту ими военной службы, а не уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства (например, в ст.15 УИК РФ);

в) в УК РФ (в ст.45, 51, 55), а также в санкциях норм главы 33 Особенной части следует полнее отразить возможность назначения наряду с основными мерами (содержанием в дисциплинарной части, ограничением по военной службе) и дополнительных наказаний. В условиях действия ограниченного круга наказаний, назначаемых военнослужащим, представляется возможным расширить сферу применения для них штрафа в качестве как основного, так и дополнительного наказания;

г) практика ставит вопрос о необходимости конкретного указания возможности повторного применения содержания в дисциплинарной воинской части к лицам, которые его уже отбывали и вновь совершили преступление в период нахождения на военной службе. Из содержания ст.55 УК никаких ограничений не усматривается, тогда как в силу ст.58 УК гражданские лица, ранее отбывавшие лишение свободы и вновь осужденные к этому же наказанию, подлежат направлению в исправительные колонии уже не общего, а строгого режима. В качестве компромисса вносится предложение об увеличении в статьях главы 33 Особенной части УК альтернативных санкций, а также о внесении в ст. 55 УК указания о том, что в случае имевшего место в период нахождения на военной службе рецидива преступлений, к такому военнослужащему замена лишения свободы на содержание в дисциплинарной воинской части не применяется вовсе;

д) там же возможно уточнить, что контроль за освобожденными ус-

ловно-досрочно военнослужащими осуществляется в период дальнейшего прохождения ими службы командованием воинских частей (учреждений);

е) статью 5 УИК (действие уголовно-исполнительного законодательства РФ в отношении осужденных военнослужащих) возможно дополнить указанием о том, что Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими (утвержденные приказом МО РФ № 302— г.) свое действие на все воинские формирования Российской Федерации.

ж) в ст. 33 УИК (порядок исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) следует указать, что в отношении осужденных военнослужащих лишение права занимать определенные должности ли заниматься определенной деятельностью может исполняться командованием воинских частей по правилам настоящего Кодекса;

з) кроме того, необходимо пересмотреть как не отвечающие федеральному законодательству некоторые положения общевоинских уставов, в частности Приложение № 14 к Уставу гарнизонной и караульной служб ВС РФ “О гауптвахте”. В соответствии с Законом 1995 г. “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений” для всех воинских формирований также требуется разработка специальных Правил содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений военнослужащих.

Совокупность изложенных предложений уголовно-правового характера в определенной мере способна, как представляется, повысить эффективность борьбы с преступным насилием в воинских формированиях страны.

Ю.Н. Мазаев,

кандидат философских наук

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подготовка и принятие решения на современном уровне управления деятельностью органов внутренних дел предполагает использование субъективной информации. Обширный перечень существующих в настоящее время проблем, касающихся профессиональной морали сотрудника ОВД, культуры общения с гражданами, качественного выполнения своих обязанностей, соблюдения законности, невозможно успешно решать, не прибегая к изучению общественного мнения.

Общественное мнение является одним из наиболее сложных социальных явлений с точки зрения его научного анализа. В научной литературе пока еще не сформулировано общепризнанное определение понятия «общественное мнение» (существует более 30 научных определений этого научного феномена), в котором бы воплощалась его природа, его сущность. Любое из имеющихся сейчас в науке определений общественного мнения отличается присущей ему большей или меньшей полнотой.

Создание теории общественного мнения в нашей стране и ее применение на практике приходится на 60-е годы 20-го столетия, когда появились работы А.Уледова, В.Келле, М.Ковальзона, Б.Грушина.

По идеологическим причинам ряд вопросов изучения общественного мнения (в частности, оценка населением деятельности органов государственной власти и управления, к которым относились органы внутренних дел), носили закрытый характер.

За рубежом общественное мнение и, в частности, о преступности и деятельности органов уголовной юстиции осуществляется с 30-х годов, с начала 70-х годов проводятся специально разработанные опросы населения.

В 80-е годы результаты опросов населения относительно деятельности полиции входят в систему оценки этой деятельности. Считается, что такой критерий, как «степень удовлетворенности граждан» полицией, должен

стать основным. Подобным критерием, по мнению зарубежных специалистов, трудно манипулировать, он позволяет более объективно оценивать действия полицейских органов. Главное здесь, что он помогает осуществлять сравнение социальной эффективности органов полиции с другими службами: школами, медицинскими учреждениями, органами социального обеспечения.

Проведение опросов граждан рассматривается в качестве эффективной формы внутреннего контроля за поведением сотрудников полиции. Они являются элементом механизма обратной связи с населением, которая дает возможность органам полиции лучше понимать его потребности и настроения.

Общественное мнение, возникающее в результате соприкосновения населения с предметом оценки, имеет свои специфические характеристики. Ему свойственны как подвижность, изменчивость, определенная неустойчивость, так и инертность, постоянство, косность, в зависимости от того какие вопросы и объекты оценки находятся в поле его внимания. Но в любом случае его объект должен обладать значимостью для большого числа людей.

Общественное мнение возникает только при наличии у населения определенной информации (даже и не соответствующей действительности), касающейся оцениваемого явления, события, объекта. Оно может выражаться явно, если инициируется обществом, или существует в скрытом виде, если оно не востребовано). Общественное мнение всегда носит неофициальный характер. Содержание его, несмотря на субъективную форму выражения, всегда объективно. В его основе лежат реальные условия жизнедеятельности людей, оно складывается под влиянием объективной действительности и, в конечном итоге, ее отражает. Вместе с тем, существуют факторы искажающие отражение действительности (индивидуальный опыт, содержащий случайности, ошибки, заблуждения в восприятии и истолковании тех или иных событий; недостоверная информация, основанная на слухах,

предвзятости, предрассудках, стереотипах и т.п.; манипулирование, направленное информационно-пропагандистское воздействие). Общественное мнение всегда существует на уровне обыденного сознания, его содержание не составляют научные факты, оно не дает приращение научных знаний и не является решающим фактором, определяющим поведение людей.

Общественное мнение о деятельности ОВД, наряду со всеми перечисленными, имеет свои специфические характеристики, обусловленные содержанием деятельности этих органов.

Во-первых, оценка всех фактов деятельности ОВД происходит через призму нравственного, экономического, политического и т.п. сознания людей.

Во-вторых, истоки общественного мнения о деятельности ОВД - это факты жизни общества в субъективном восприятии индивида. Прямые и опосредованные контакты с милицией, в силу их массовости и значимости для людей, служат основным источником формирования общественного мнения по различным аспектам правоохранительной действительности.

В-третьих, критерием одобрения или неодобрения людьми тех или иных фактов, явлений, действий выступают сложившиеся представления о должном, справедливом, полезном, имеющим практическую пользу.

В-четвертых, различная оценка одного и того же факта различными людьми, применительно к деятельности ОВД, коренится в специфических условиях их общественного бытия.

Таким образом, для адекватного использования результатов изучения общественного мнения необходимо не только компетентное обоснование конкретной практической проблемы, в разрешении которой целесообразно воспользоваться социологической информацией, но и творческое извлечение из подобной информации эффективных практических решений.

Первые трудности на этом пути, как показывает опыт ряда социологических исследований, связаны с самим понятием «общественное мнение».

ние», которое зачастую ошибочно подменяется понятием «мнение граждан по частному вопросу оперативно-служебной деятельности ОВД».

Общественное мнение о деятельности ОВД – это совокупность взглядов, суждений, оценок, распространенных в обществе по социально значимым для большинства населения проблемам (например, может существовать общественное мнение о деятельности ГИБДД). С другой стороны, можно говорить и об общественном мнении населения Приморского края о деятельности ОВД по обеспечению общественного порядка.

В первом случае речь идет о том, как население высказывается по одной из важных составляющих деятельности ОВД. Во втором случае свое мнение о социально-значимой проблеме высказывает население большого региона.

Зачастую, в деятельности ОВД внимание обращается на изучение мнения населения по какому-либо конкретному вопросу работы отдельно взятого органа внутренних дел (например, при оценке служебной деятельности ППС или службы участковых инспекторов центрального района УВД Омской области). В данном случае изучаемый вопрос носит частный (проблемный) характер, затрагивающий отношение к милиции относительно небольшой части граждан.

Очевидно, что и по задачам и по способам анализа можно говорить о двух направлениях в изучении мнения населения. Первое направление – изучение общественного мнения о деятельности ОВД, применяется в масштабном плане для решения стратегических задач оценки этой деятельности в целом. В задачи второго направления входит использование результатов «локализованного» общественного мнения для расширения возможностей решения частных вопросов деятельности ОВД. И в том и в другом случае стержневым понятием являются термины «общественное мнение», «результаты общественного мнения», что обуславливает необходимость их более подробного рассмотрения в качестве предмета исследования.

В наиболее «чистом» виде общественное мнение представляет собой словесное выражение тех или иных позиций людей. И в то же время - это социально-психологическое явление, объединяющее широкий круг оценочных суждений на уровне обыденного сознания и формирующееся на основе доступной информации.

В сфере общественного мнения о деятельности органов внутренних дел предметом изучения могут быть как отдельные элементы этой деятельности, так и их системная совокупность. Успешное использование результатов изучения общественного мнения предваряется необходимостью постановки следующих вопросов:

- что хотелось бы узнать о той или иной проблеме (количественная и качественная формализация «интереса»);

- каков характер предполагаемого источника получения знания по интересующей проблеме;

- адекватны ли будут полученные результаты изучения общественного мнения реальной действительности?

Что касается первого вопроса, то на сегодняшний день в ведомственных, равно как и в независимых исследованиях общественного мнения, относительно деятельности ОВД, четко не очерчен предмет изучения – общественно-значимые вопросы, которые приобрели на индивидуальное значение. Проводимые исследования можно обозначить как изучение не общественного мнения, а, скорее всего, совокупности разрозненных социальных позиций, либо индивидуальных мнений граждан. Об этом свидетельствует тот факт, что около 60% опрашиваемого населения в равной мере высказывает противоположные суждения, а около 30% респондентов вообще не в состоянии дать какую-либо оценку деятельности милиции. Это, скорее всего, на наш взгляд, связано с тем, что изучаются или достаточно общие, или в высшей степени частные вопросы, которые не представляют общественно-значимого интереса, не смотря на то, что сама дея-

тельность милиции вызывает неослабевающее со временем внимание общества.

Результаты исследований ВНИИ МВД России в данном направлении показывают, что на сегодняшний день вопросами, к сожалению, негативного характера, вокруг которых могло однозначно сформироваться общественное мнение, являются:

- жестокость, грубость в действиях сотрудников милиции, необоснованное применение силы;
- коррупция в органах внутренних дел;
- политизированность, ангажированность милиции различными политическими структурами;
- проблемы социального обслуживания и социального партнерства.

В то же время наблюдается невостребованность общественной оценки этих проблем со стороны властных структур, что влечет за собой частичную дискредитацию контрольной функции общественного мнения.

Второй вопрос связан с характером источника знания населения о деятельности милиции. Исследования показывают, что, несмотря на существенное значение личного опыта граждан в оценке деятельности милиции, он все же не является решающим в формировании общественного мнения. Парадоксально, но населению проще оценить деятельность милиции в целом, основываясь на информации СМИ, нежели деятельность отдельных служб и подразделений, мнение о которых, в первую очередь, складывается в результате непосредственного контакта с ней. В этой связи показательно, что оценку деятельности конкретных подразделений и служб ОВД затрудняются дать до 50% опрашиваемого населения. Таким образом, очевидно, что в ходе исследования мнения граждан о деятельности милиции ими оценивается не результат взаимодействия с сотрудниками милиции, а некий стереотип. Другими словами, человек не склонен к обобщению своего индивидуального опыта (если только не общается регулярно с органами внутренних дел), а обращается к нему избирательно. Так, оценки деятель-

ности ОВД, основанные на личном опыте, в подавляющем большинстве случаев не связаны с оценками, основанными на стереотипе мышления.

Роль СМИ в данном случае заключается в концептуализации индивидуальных эмоциональных оценок граждан, в которых они ищут подтверждения разрозненным фактам из личного опыта, облакая его в вербальную форму.

Таким образом, исходя из имеющихся исследовательских данных, есть основания говорить о том, что источник суждений о милиции не имеет определенной структуры.

Что же на самом деле подлежит оценке: эмоциональные реакции взаимодействия населения с сотрудниками милиции; результат стереотипного мышления людей; результат информационно-аналитических усилий индивида по переработке информации, либо механически передаваемая оценка? Очевидно, это некий конгломерат опыта, знаний, ощущений и умозаключений.

Третий вопрос связан с реальностью предмета изучения, а именно, с тем, насколько получаемая социологическая информация адекватна как поставленным задачам, так и объективной действительности. В данном случае речь идет о степени наполнения отдельных показателей оценки деятельности милиции конкретным эмпирическим знанием.

В настоящее время наиболее распространенными показателями, отражающими отношение населения к деятельности ОВД, являются:

- доверие милиции как органу государственной власти (социальному институту);
- защищенность населения от преступных посягательств;
- удовлетворенность результатами взаимодействия (обращения, контакта) граждан с сотрудниками милиции;
- одобрение (неодобрение) деятельности милиции, как в целом, так и отдельных служб и подразделений.

В целом вышеприведенные показатели очерчивают некую предметную область взаимодействия населения и органов внутренних дел. Вместе с тем, более пристальное рассмотрение каждого из них в отдельности, заставляет серьезно задуматься над их познавательной и практической ценностью.

В частности, в каком смысле можно (нужно) интерпретировать показатель **«доверия милиции»**: непонятно его эмпирическое наполнение – нет четкой предметной области; неясен характер реакции респондента (ее деструктивная или конструктивная направленность). И главное, можно ли говорить в данном случае об однозначном соответствии шкалы «доверия - недоверия» шкале «позитивного – негативного» отношения населения к милиции.

В содержании показателя **защищенности от преступных посягательств** может отражаться как индивидуальная потребность в защите со стороны ОВД, так и воздействие доминирующих в обществе настроений.

Показатель **удовлетворенности** выражает субъективное эмоциональное отношение к результатам взаимодействия с органами внутренних дел. При этом социально-позитивные взаимодействия могут вызывать у людей как естественную позитивную реакцию (удовлетворенность), так и противоестественную реакцию, продуцируя чувство неудовлетворенности.

Показатель **одобрения - неодобрения деятельности милиции**, как в целом, так и отдельных ее служб и подразделений, в сущности своей не может выступать индикатором оценки конкретных элементов деятельности ОВД в силу того, что представляет собой выходные параметры «черного ящика». Получая «на выходе» оценку одобрения (неодобрения), нет возможности судить, кто и что являлось предметом оценки «на входе», и каков сам механизм ее формирования.

Как можно видеть, рассмотренные коллизии требуют глубокого детального осмысления предмета изучения и очень осторожной интерпретации полученных результатов, не говоря уже о возможности их практиче-

ского применения. Хотя подчас в интерпретации результатов изучения общественного мнения допускаются серьезные ошибки, было бы неверным сведение всего рассмотренного выше лишь к методическому несовершенству процесса изучения общественного мнения. Понимание проблемы, видимо, состоит в необходимости ответа на более сложный вопрос: оправдана ли вообще попытка ценностной интерпретации общественного мнения о милиции с позиции статичности знания о тех или иных сторонах исследуемого предмета. Совокупность высказываемых мнений по разным основаниям нельзя привести к одному знаменателю, не имея нормативно заданных значений этого показателя. В противном случае возникает соблазн произвольной и предвзятой трактовки результатов изучения общественного мнения.

Другой вопрос – возможен ли в принципе этот социальный норматив в оценке деятельности милиции в обществе, основанном на конфликтной модели развития социальных процессов. Таким образом, в исследовании совокупности мнений людей по каким-либо вопросам, относящимся к деятельности ОВД, предмет исследования мы искусственно моделируем применительно к решаемой исследовательской задаче. В результате же измерения получаем некое совокупное знание о состоянии исследуемого объекта.

Анализ зависимостей различных показателей оценок населением деятельности милиции и внешней среды, в которой эти оценки формируются, показывает неодинаковое влияние ее на содержание и устойчивость этих оценок. Устойчивость оценок и отношений людей к деятельности милиции (что является непременным условием практического использования показателя) зависит не только от общих и частных интересов социальных субъектов и методических приемов регистрации показателей общественного мнения. Большую роль здесь играет культурно-исторический фон, на котором эти оценки формируются. Например, при анализе ценностных ориентаций населения, выявлено, что исторический период, в котором человек

формировался как личность важнее традиционных социально-демографических характеристик – пола, возраста, профессии, дохода в определении комфортности социального взаимодействия. Однажды сформировавшись и усвоив определенные ценности и стандарты социального поведения, группы населения, активно социализирующиеся в разные периоды становления общества, обнаруживают устойчивую невосприимчивость к колебаниям социальных ориентиров, вне зависимости от позитивного или негативного вектора их изменения, т.е. обнаруживают устойчивые типы социально-культурных матриц. В этой связи, изучить мнение населения о деятельности милиции – это определить доминирующие в обществе типы социально-культурных матриц и основные их образующие факторы. Очевидно, что ячейками этих матриц выступают:

- социальная и коммуникативная активность людей;
- ценности и стандарты социального поведения;
- склонность к рациональному или эмоциональному поведению.

Вместе с тем нельзя ограничивать ячейки этих матриц каким-то стандартным набором, вероятней всего - это динамично развивающаяся структура. Отсюда вполне понятно, что пенсионеры и молодые предприниматели – это противоположные типы социально-культурных матриц. Один тип характеризуется доминированием таких факторов формирования общественного мнения как жесткая система ценностей и стандартов, эмпиричность и эмоциональность в основании суждений. Другой тип - рациональностью и прагматизмом, гибкостью отношения к социальным нормам поведения. Не случайно, в этой связи, социально активная молодежь, с высоким социальным статусом и размытой системой ценностей более критично и в то же время избирательно оценивает милицию, чем люди старшего поколения с ограниченной социально-коммуникативной активностью, но с более устойчивой системой социальных стандартов.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что предмет общественного мнения, применительно к оценке населе-

нием деятельности милиции – это социально-культурные матрицы восприятия милиции, где каждая составляющая оценки занимает определенное место.

Б. Г. Камаев,

кандидат философских наук

**ГРАЖДАНЕ О МИЛИЦИИ И ПРОБЛЕМАХ ЕЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(особенности социологического мониторинга)**

Для обеспечения эффективного функционирования системы МВД и совершенствования правоохранительной деятельности немаловажную роль, в современных условиях, играет изучение общественного мнения и учет его результатов в практике обеспечения правопорядка. Вместе с тем изучение общественного мнения предполагает наличие определенной концепции, механизма постоянного наблюдения (мониторинга) с возможностью оценок и прогноза динамики процессов, отражающих специфику деятельности органов внутренних дел.

В связи с этим в системе МВД была разработана Программа изучения общественного мнения на 1989 - 1995 гг., призванная обеспечить исследование различных тенденций и противоречий процесса функционирования органов внутренних дел с учетом общественно-политических, экономических и социальных преобразований. Реализацию этой программы с 1992 года осуществляет ВНИИ МВД РФ.

В ходе исследований решаются задачи, связанные с выявлением отношения различных групп населения и работников органов внутренних дел к состоянию криминогенной обстановки, эффективности правоохранительной деятельности и взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями граждан с целью охраны правопорядка.

Объектом исследования являются различные социальные общности. Используемые методы: массовые опросы населения, опросы сотрудников органов внутренних дел МВД, УВД, ГУВД, УВДТ и т.п.

Общественное мнение представляет собой такое состояние массового сознания, в котором в скрытой или явной форме проявляется отношение различных групп и слоев населения к проблемам, событиям и фактам действительности. В тоже время, в поле зрения общественного мнения попадают лишь те проблемы, события, факты, которые вызывают общественный интерес.

Применительно к деятельности органов внутренних дел, процесс изучения общественного мнения предполагает рассмотрение следующих предметных областей:

- общественные потребности и интересы различных социальных групп, слоев, организаций в охране общественного порядка и их взгляды на правоохранительную деятельность;
- информированность различных социальных групп и слоев общества в отношении деятельности ОВД, событий общественной жизни, имеющих отношение к охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности, в т.ч. правительственных инициатив и нормативных актов МВД РФ;
- понимание населением указанных проблем и событий, управленческих решений и инициатив в сфере правоохранительной деятельности;
- взгляды на возможные пути решения конкретных проблем;
- готовность и возможность населения участвовать в охране общественного порядка.

Исследования, проводимые ВНИИ МВД РФ с 1992г. в 29 регионах России, дают возможность последовательного рассмотрения стадий формирования отношения населения к деятельности ОВД и служат основой выработки практических рекомендаций. Это достигается с помощью опросов населения по анкетам, содержание которых состоит из нескольких

смысловых блоков. Деление получаемой информации на смысловые блоки позволяет выяснить:

Во-первых, какое место в целом в структуре факторов социального дискомфорта занимают опасения, связанные с криминогенной ситуацией, и какая часть общества отводит им доминирующую роль; какая доля населения испытывает тревогу за безопасность от преступных посягательств и, в частности, каких преступлений опасаются более всего.

Во-вторых, насколько оправданы ожидания виктимизации; какая часть респондентов пострадала от преступлений, от каких видов; какая доля пострадавших не обращалась за помощью в правоохранительные органы и по каким причинам.

В-третьих, как население исследуемых регионов оценивает деятельность местных органов внутренних дел и в какой степени полагается на их способность обеспечить общественный порядок и личную безопасность граждан; что, в большей мере является основой представлений населения о деятельности ОВД: сведения, полученные непосредственно из личного опыта или опосредованно - через СМИ, из бесед, слухов и т.п.?

В-четвертых, насколько и какая доля граждан осознает проблемы функционирования системы МВД: какие факты, по их мнению, снижают авторитет милиции; какие меры, в первую очередь, могут способствовать укреплению общественного порядка; в какой степени и в какой форме, готово население оказывать помощь работникам милиции в обеспечении общественной безопасности.

И, наконец, в-пятых, как и какая доля населения на местах, реагирует на сложившуюся криминогенную ситуацию и возможность проявлений различных форм социальных конфликтов: какие способы и средства предполагаются гражданами для обеспечения своей безопасности и отстаивания интересов.

Результаты анализа получаемой информации могут служить основой для принятия руководителями органов внутренних дел и практическими

работниками научно-обоснованных решений, направленных на совершенствование правоохранительной деятельности. В частности, анализ данных первого блока позволяет принимать профилактические меры, направленные в первую очередь на предупреждение преступлений, вызывающих наибольшие опасения населения;

Анализ второго блока предоставляет возможность более точно определять долю латентной преступности и ее основные виды, учитывая недостатки в работе с обращениями и заявлениями граждан принимать меры к их устранению;

Анализ третьего блока помогает оценивать результативность деятельности органов правопорядка с учетом оценок граждан; Анализ четвертого - выделять приоритетные направления улучшения деятельности органов внутренних дел и их подразделений с учетом факторов, снижающих авторитет милиции; принимая во внимание пожелания и предложения граждан совершенствовать формы взаимодействия с общественностью;

Анализ пятого - учитывая степень готовности населения к защите своих интересов и его ориентации на способы и средства осуществления такой защиты, принимать профилактические меры.

Для иллюстрации реализуемого подхода к изучению общественного мнения о деятельности ОВД приведем некоторые данные исследований, проводимых ВНИИ МВД России с 1992г. по настоящее время.

Социальное самочувствие населения. Безопасность от преступных посягательств.

Результаты исследований показывают, что в структуре характеристик социально-психологического дискомфорта опасения, связанные с криминальной ситуацией занимают не последнее место. По степени значимости они стоят в одном ряду с опасениями "стать безработным", "потерять семью" или "заболеть неизлечимой болезнью", и вызывают беспокойство у каждого третьего респондента.

Остается значительной и доля населения, опять же не менее трети, испытывающая сильную тревогу за безопасность от преступных посягательств. В среднем, значения показателей такой тревоги населения весьма устойчивы и в течение анализируемого периода практически не меняются. Однако наблюдаются существенные региональные отклонения. Так, уровень "криминогенной тревоги" выше в тех регионах, где, как правило, сложная криминогенная обстановка. Более того, в регионах со сложной криминогенной обстановкой в последние два года наблюдается устойчивая тенденция роста доли населения, для которой опасность виктимизации в иерархии факторов, определяющих социальную напряженность, выходила на первое место.

Согласно исследованиям последних пяти лет, среди различных видов преступных посягательств можно выделить 4 вида, от которых большинство населения (более 50%) не чувствует себя в безопасности, это: квартирные кражи; нападения хулиганов; разбойные нападения; убийства и причинение телесных повреждений.

Источники формирования общественного мнения

Официальное признание неблагополучной криминогенной обстановки в стране, обвальное количество информации о кровавых преступлениях буквально потрясли сознание людей. Безмятежная уверенность в том, что "разгул преступности", "волна насилия и жестокости" явление явно не отечественного происхождения, сменилась озабоченностью, тревогой и страхом. Стрессовое состояние массовой психики активно репродуцируется также посредством "информационной преступности", то есть уже не самим явлением преступности, а сведениями о нем. Несомненно, что "информационная преступность" (наряду с реальной преступностью) в немалой степени влияет на фиксацию в сознании людей любой информации о криминализации общества.

Косвенным подтверждением этому является:

- во-первых, несовпадение уровня зарегистрированных преступлений и результатов опросов граждан о чувстве их безопасности и защищенности от преступных посягательств;

во-вторых, по данным исследований, только у трети населения в основе представлений о деятельности милиции и состоянии правопорядка лежит непосредственно личный опыт, у остальных же представления складываются в основном опосредованно - из бесед, информации СМИ и других источников.

Степень защищенности и уровень латентной преступности

По результатам опросов, удельный вес респондентов, пострадавших от преступлений, каждые полгода составляет в среднем от 23% до 28% и является достаточно устойчивым в динамике на протяжении пяти лет. Вместе с тем зафиксировано, что в среднем, каждый второй из потерпевших не обращается за помощью в правоохранительные органы, причем доля таких людей за последние два года возросла. Отказ от "услуг" органов правопорядка характерен для большинства регионов России.

Таким образом, согласно данным, от каких-либо преступных посягательств страдает каждые полгода практически каждый четвертый житель России и, как минимум, половина пострадавших вообще не обращается в правоохранительные органы, что можно интерпретировать как индикатор уровня латентной преступности.

Причины необращения

Причины необращения потерпевших в ОВД различны. Принимая во внимание то, что определенная часть опрошенных затрудняется мотивировать свой отказ от помощи милиции, все же большинство (в среднем от 49 до 54%) не верит в то, что помощь будет оказана. При абсолютном приоритете "неверия" в милицию, в структуре мотиваций обращения в ОВД заметны тенденции к изменению. Например, возрастает доля людей, для которых главными становятся причины субъективного характера: "огласка", "неудобства судебной тяжбы", и другие подобные опасения. По-

видимому, недоверие к милиции, отсутствие уверенности в возможность получить помощь приводит к тому, что начинает доминировать инстинкт самозащиты пострадавшего: "все равно не помогут, а навредить могут".

Оценки деятельности ОВД

Очевидно, что ощущение незащищенности людей от преступных посягательств формирует у населения критическое отношение к деятельности органов внутренних дел. В среднем негативную оценку деятельности ОВД дают сегодня 28% опрошенных. В ряде регионов доля населения, отрицательно оценивающая деятельность органов правопорядка, достигает 50%.

Сопоставление показателей опасений, связанных с криминогенной обстановкой, и оценок населением деятельности ОВД дают основание судить о том, что на протяжении ряда лет негативные реакции населения на деятельность милиции находятся в прямой зависимости от субъективной оценки гражданами своей безопасности. При этом, опосредующим звеном в этой цепи выступает показатель надежды людей на защиту ОВД. Другими словами, оценка деятельности ОВД выше тогда, когда в обществе выше показатель надежды на защиту от преступных посягательств.

Факторы, способствующие снижению авторитета милиции

Проблема негативного отношения населения к органам правопорядка кроется в расхождении социальных ожиданий первых по отношению к реальным действиям вторых (эта теоретическая посылка находит убедительное подтверждение в ходе мониторинга).

Иерархия факторов, влияющих на снижение авторитета милиции, и, как следствие, на негативную оценку ее деятельности, в целом на протяжении пяти лет остается неизменной. Основные нарекания в ее адрес - "низкий профессионализм, некомпетентность", "равнодушие и низкая культура общения с населением". Примечательно, что и мнение сотрудников милиции по данному вопросу совпадает в основном с мнением населения. Однако парадокс в том, что признавая некий общественный идеал работника ОВД и выделяя соответствующие недостатки, население и, в особенности

органы правопорядка, выступающие в качестве социальных субъектов, как бы на этом и останавливаются, не предпринимая шагов для социального партнерства.

Для достижения социальной эффективности своей деятельности работники милиции в качестве основных мер предлагают, в первую очередь, - "совершенствование социально-правовой базы и материальных условий", оставляя далеко позади (на 5-7 местах) проблемы профессиональной подготовки и совершенствования стиля работы, т.е. критериев, концентрирующих требования общества. Однако, ни высокая зарплата, ни техническая оснащенность не является гарантией профессионализма и нравственного исполнения служебного долга. Вместе с тем граждане, называя первоочередные меры укрепления общественного порядка и повышения эффективности правоохранительной деятельности и признавая одновременно исключительную важность последней, допускают возможным "платить за нее высокую цену", но за деятельность, отвечающую их интересам и, регулирующую в основном социальными, а не ведомственными нормами.

В то же время, несмотря на критическое отношение и зачастую отрицательную оценку деятельности ОВД, население готово в той или иной форме оказывать содействие милиции. Практически каждый второй респондент проявляет потенциальную активность в этом вопросе. Граждане готовы работать в сфере правопорядка на общественных началах, стать внештатными сотрудниками милиции, могли бы поддержать ее денежными средствами.

Подобная активность наблюдается в значительном числе регионов России. Вместе с тем, если настроения населения на взаимодействие с милицией можно охарактеризовать в целом, как внушающие надежду, то, в свою очередь, ориентация милиции в этом вопросе выглядит слабее. Как показывают проведенные исследования, контакт между населением и милицией практически отсутствует. В среднем, только 10% работников милиции отмечают регулярное взаимодействие с общественными организа-

циями, а более 60% опрошенных - вообще такой формы работы не практикуют. Такое положение дел, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку, по своему общественному предназначению милиция - одна из немногих государственных структур, которая 24 часа в сутки находится в центре социальной жизни и в постоянном контакте с населением.

Ориентация граждан на формы, способы и средства обеспечения безопасности и отстаивания своих интересов

Социальная напряженность, вызванная страхом перед ростом преступности, предполагает готовность населения определенным образом реагировать на состояние психологического дискомфорта.

Можно утверждать, что граждане, не находящие достаточной защиты у государства и, в частности у правоохранительных органов, вынуждены принимать для своей защиты собственные меры.

Подтверждением этому служит то, что респондентов, ориентированных на приобретение средств самозащиты (будь то газовый пистолет, баллончик, огнестрельное или холодное оружие), подавляющее большинство. Причем каждый десятый респондент уже имеет таковые, а каждый четвертый - желает приобрести именно огнестрельное оружие. Лишь десятая часть опрошенных не желает иметь никаких средств самозащиты.

Подобная ситуация не должна оставаться без внимания. Ведь в случае возникновения социальных конфликтов (что не исключает четвертая часть респондентов) имеющиеся у граждан средства самозащиты могут быть обращены ими друг против друга.

На сегодняшний день наиболее вероятными формами проявления социальных конфликтов респонденты считают митинги, демонстрации, забастовки. Вместе с тем, если все же возникнет ситуация, угрожающая жизни, здоровью или благополучию, многие в основном предпочитают мирные способы разрешения проблемных ситуаций, надеясь при этом на апелляцию к государственным структурам и переезд в более благоприятный район.

Однако немалая часть респондентов настроена более воинственно и не исключает участия в акциях протеста или применения крайних мер, вплоть до вооруженных выступлений. До второй половины 1996 года доля респондентов, настроенных на крайние меры, по данным опросов, составляла пятую часть.

Такая полярность общественных настроений объясняется, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами: во-первых, социально-демографическими характеристиками населения, опосредующими социальную активность; во-вторых, социально-экономическим положением различных категорий населения и особенностью социально-политических процессов, протекающих в различных регионах страны; в третьих, менталитетом россиян, склонных к крайностям в своем социальном поведении.

Несмотря на то, что данные исследований не фиксируют явных закономерностей в ориентациях населения на формы обеспечения своей безопасности, важно заметить, что потенциал агрессивности в массовом сознании достаточно высок и стабилен.

Анализ изложенного позволяет сделать некоторые выводы:

1. Во всех исследуемых регионах к сотрудникам ОВД респондентами предъявляются высокие требования, причем компетентность, профессионализм и культура общения работников милиции с населением выступают главными критериями оценки.

2. В большинстве своем граждане не видят в лице сотрудников ОВД своих защитников. Чувство страха, неуверенности и тревога за свою безопасность укрепилась в общественном сознании достаточно сильно. Однако, ради укрепления общественного порядка, часть населения готова на содействие с милицией.

3. Отсутствие гарантированной безопасности со стороны ОВД от преступных проявлений вынуждают население искать альтернативные способы защиты. Значительная часть граждан ориентирована на приобретение средств самозащиты, в том числе и огнестрельного оружия.

4. При разрешении наиболее острых социальных проблем респонденты предпочитают, с одной стороны, мирные методы (обращение в госучреждения, миграция в безопасные районы страны и т.п.), а с другой стороны все более явно обнаруживается тенденция к насильственным методам разрешения конфликтов, вплоть до вооруженных выступлений. Таким образом, ориентация на насилие в настоящее время выступает как неотъемлемый элемент общественного сознания.

В заключении хотелось бы отметить следующее:

Социологические исследования, проводимые ВНИИ МВД России с 1992 года, позволяют научному коллективу, в рамках решения поставленных задач, определять направления и пути совершенствования используемого научного аппарата, уточнять механизмы внедрения результатов исследований в практику. Опыт исследовательской работы показал необходимость и важность осуществляемого социологического мониторинга общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.

В содержательном плане, уже сегодня есть основание сформулировать некоторые социальные закономерности, а именно:

а) криминальный фактор является основным деструктивным элементом социальной жизни, с явным вектором его усиления. Население России находится в состоянии привыкания к жизни в постоянной криминальной опасности;

б) дезорганизация социальной жизни в свою очередь способствует замедлению положительной динамики социальных процессов;

в) население и правоохранительные органы не интегрированы в единую социосистему и в значительной степени находятся в состоянии конфронтации.

Конечно же, надо иметь в виду, что все выводы, приведенные выше, носят обобщенный характер и позволяют судить о проблемах в виде общих рассуждений. Вместе с тем, осуществляемый подход не исключает возможность более конкретного и детального анализа (иллюстрация такого

анализа в статье не предусмотрена). На основе данных, получаемых в ходе исследований, имеется возможность выделения и рассмотрения определенных проблем в разрезе региона на уровне профессиональных, социальных, возрастных и т.п. групп, то есть имеется возможность различных сравнений, сопоставлений, сопряжений оценок населения по различным основаниям в зависимости от поставленных задач исследования.

И, последнее. Сложность социальных процессов, на фоне которых рассматриваются проблемы взаимоотношений милиции и населения, а также положения новой концепции правоохранительной деятельности актуализируют задачу перехода к разработке алгоритмов социальных технологий и получения знаний прогностического характера, что, в свою очередь, предполагает уточнение подхода к систематическому изучению общественного мнения.

С.И. Винокуров,

кандидат юридических наук;

О.В. Яковлев,

кандидат социологических наук

УРОВНИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД.

Значимость результатов изучения мнения населения о деятельности ОВД заключается не столько в выявлении суждений и определении количественных оценок, сколько в том, что общественное мнение во многом предопределяет практические действия и поступки людей. Поэтому очень важно определить специфические формы такого использования в системе управления ОВД.

Применительно собственно к понятию «общественное мнение» можно выделить две основные цели использования результатов его изучения в деятельности органов внутренних дел. **Первая** заключается в том, чтобы на основе его анализа содействовать укреплению прогрессивных, т.е. соответствующих интересам общества взглядов, идей, настроений и ослаблению представлений искаженных. **Вторая цель** – сверять результаты своей деятельности с динамикой общественного мнения, чтобы иметь возможность полнее оценить ее социальные последствия. В общем виде направленность использования результатов изучения общественного мнения о деятельности ОВД здесь определяется его функциями: контрольной, информативной и директивной. С учетом этого рассмотрим и конкретные его формы на различных уровнях.

Общезональный уровень.

Общественное мнение, как мера доверия со стороны населения должно использоваться, прежде всего, для организации **социального контроля** над деятельностью ОВД. Оно позволяет исключить обособленность ОВД от общества, выделить проблемы, которые необходимо решать не только с позиции ведомства, но и с учетом потребностей развития общества. Опыт показывает, что когда правоохранительные структуры выходят из под контроля социальных институтов (к таковым в полной мере можно отнести и общественное мнение), то появляется угроза их использования в качестве инструмента подавления личности и демократических свобод.

Результаты изучения общественного мнения на общезональном уровне могут использоваться в следующих направлениях:

- информирование населения о состоянии преступности, правовая пропаганда;
- повышение авторитета ОВД среди населения, создание положительного имиджа милиции;
- формирование и модификация концепции развития органов внутренних дел;

- разработка социальных стратегий взаимоотношения ОВД с населением;

- подготовка проектов законодательных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных структур, в том числе органов внутренних дел.

Информативная функция общественного мнения заключается в информационной поддержке процесса подготовки управленческих решений в самой системе ОВД. При этом результаты изучения мнения населения носят консультативный характер, который проявляется в потребности оценки конкретных сторон служебной деятельности ОВД.

Здесь можно выделить два больших направления использования общественного мнения: **внешнее**, связанное с выработкой мер по борьбе с преступностью, профилактикой правонарушений и **внутреннее**, связанное с совершенствованием тех или иных сторон деятельности ОВД.

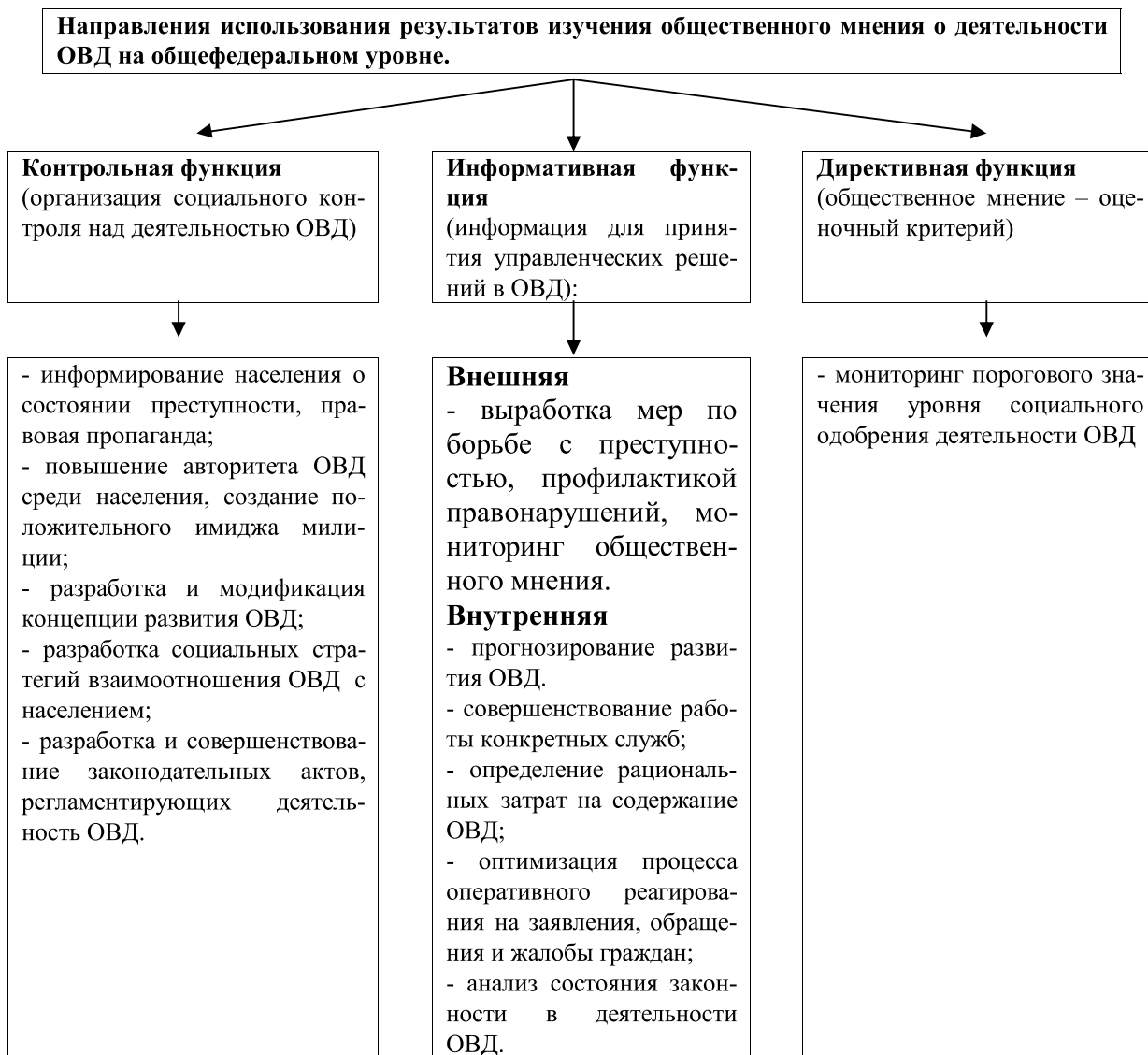
Мнение граждан различных регионов, изучаемое на основе социологического мониторинга, позволяет выявить их обеспокоенность состоянием криминальной обстановки. Результаты этих исследований могут быть использованы для выработки стратегии борьбы с преступностью.

В этом отношении заслуживает внимания составление информационно-аналитических карт регионов Российской Федерации, где наряду с другими криминологическими показателями могут анализироваться показатели общественного мнения: чувство криминогенной опасности, защищенности от преступных посягательств, латентности преступлений и др.

Для того чтобы общественное мнение функционировало в механизме управления ОВД и использовалось для совершенствования работы его структур, необходимо включить его в систему обратной связи, определить возможные модели и варианты функционирования. На общенациональном уровне эти модели могут быть сведены к следующему:

- прогнозирование развития ОВД (отдельных структур);
- совершенствование работы конкретных служб;

- определение рациональных затрат на содержание ОВД;
- оптимизация процесса оперативного реагирования на заявления, обращения и жалобы граждан;
- анализ состояния законности в деятельности ОВД.

Так, например, порядка 40% ежегодно опрашиваемых сотрудников ОВД приходилось попадать в ситуации, когда руководство ставило их в условия, вынуждающие идти на нарушение законности. Очевидно, эти результаты изучения общественного мнения, свидетельствующие о существующей негативной тенденции, должны использоваться на уровне центрального аппарата МВД при разработке мер, категорически исключающих любую возможность привлечения личного состава к деятельности, не регламентируемой нормативными документами.

Результаты изучения общественного мнения о деятельности ОВД можно использовать и при реализации его **директивной функции**, включающей в себя определенные предписания в частности, при оценке работы. В этом случае общественное мнение может выступать в качестве важного оценочного критерия, пороговым значением которого может стать социальное одобрение деятельности ОВД.

Региональный и местный уровень

Эффективность использования результатов изучения общественного мнения в деле совершенствования правоохранительной деятельности ОВД в немалой степени обусловлена внедрением его результатов в конкретные технологии управления.

Наибольшую ценность реализация управленческой функции с учетом использования результатов изучения мнения населения имеет место на региональном и местном уровне. Руководители МВД, ГУВД, УВД, ОВД должны не только механически организовывать опросы населения на обслуживаемой территории. Важно сопоставлять их итоги с аналогичными показателями соседних регионов, выявлять причины расхождения в оценках деятельности подчиненных служб и подразделений и как следствие, находить более эффективные формы и методы устранения недостатков.

Непосредственным истоком обращения к изучению мнения населения о деятельности ОВД на региональном и местном уровне в первую очередь являются различные моменты практической работы, связанной с обнаружением, решением или предвидением нежелательного явления. Так, например, наиболее распространенная задача с использованием изучения мнения населения может вытекать из потребности органа (службы) или руководителя лица в проверке отдельных элементов служебной деятельности. Важно знать, совпадает ли цель и результат деятельности и удовлетворительна ли в данном случае применяемая система средств, например, в обеспечении общественного порядка в микрорайоне города конкретным отделением милиции. Таким образом, предназначением результатов изуче-

ния мнения населения является конкретизированная диагностика пригодности используемых средств и поиск (замена) непригодных или неэффективных ее элементов.

В связи с этим, необходимо обозначить несколько особенностей в использовании результатов изучения мнения населения на этом уровне:

- рассмотрению подлежит конкретный вопрос или проблемная ситуация;

- в качестве носителя информации используются субъекты (население), непосредственно включенные в проблемную ситуацию;

- изучение мнения населения реализуется при помощи специфических методик, позволяющих регистрировать и, главное, интерпретировать **единичные эмпирические факты;**

- принимаемые по результатам изучения общественного мнения решения должны быть адекватны управленческим ресурсам конкретного органа внутренних дел.

Вышеуказанные особенности определяют специфические направления, формы и методы в использовании результатов изучения мнения населения.

К примеру, изучение общественного мнения о деятельности ОВД Российской Федерации за 1999 год показало следующее.

Значительная доля опрошенных граждан (48%) была недовольна мерами, принятыми по поводу своего обращения в органы внутренних дел. Более половины пострадавшего от преступлений населения не обращалось в ОВД, потому что не верят в действенную помощь. Свыше 40% опрошенных граждан наблюдали в действиях сотрудников органов внутренних дел нарушения прав граждан, что выражалось главным образом в проявлении грубости, бестактности и жестокости.

Таким образом, организация **социального контроля** над деятельностью ОВД на региональном и местном уровне, в первую очередь, состоит в обеспечении оперативного реагирования на жалобы, заявления населе-

ния, поступающие в местные ОВД, а также в проведении тщательной проверки информации о непринятии мер по обращениям граждан в дежурные части с заявлениями о совершенных преступлениях (правонарушениях).

Очевидно, что на основании вышеприведенных результатов и в соответствии с реализацией функции социального контроля может быть принят комплекс организационно-управленческих решений. В общих чертах эти решения могут быть сведены к следующему:

- осуществление мер по конкретизации претензий к конкретным службам и сотрудникам;
- изучение мнения потерпевших и обращающихся в ОВД с целью выявления причин недовольства и претензий к сотрудникам милиции;
- изучение, анализ и критическое обобщение отказных и иных материалов, заведенных по обращениям граждан;
- принятие мер по организации дополнительного контроля за деятельностью дежурных частей, участковых инспекторов, подразделений ГИБДД, паспортно-визовых служб и др.;
- проверка учетно-регистрационной дисциплины в подразделениях;
- проведение контрольных проверок служб, отдельных подразделений и сотрудников ОВД.

Результаты изучения мнения населения необходимо использовать в сравнительном анализе объективных и субъективных показателей с целью выявления латентной составляющей преступности, что позволяет на более качественном уровне оценить реальную картину состояния оперативной обстановки. В отношении отдельных видов преступлений, которые, на основе мониторинга мнения населения, получили наиболее сильный резонанс, необходимы жесткие, своевременные и действенные меры органов внутренних дел, направленные на предупреждение негативной реакции на «бездействие милиции» со стороны населения.

В отношении реализации **информативной функции** для принятия управленческих решений в аналитических подразделениях региональных и

местных ОВД особенно актуально использование информации, получаемой на основе социологических опросов, проводимых как ведомственными силами, так и сторонними независимыми социологическими организациями.

Значительным потенциалом в реализации обратной связи органов внутренних дел с населением обладают такие «срезы» мнения населения, как телефонные эспресс-опросы, «прямые линии», телефоны доверия. Также большое значение имеют такие «наработанные» формы работы с населением как встречи с гражданами на предприятиях, организациях, учреждениях, на общественных мероприятиях, с преподавателями и студентами учебных заведений различного уровня.

Особую ценность результаты изучения мнения населения представляют при подготовке аргументированных выступлений руководителей региональных и местных ОВД в печати, электронных СМИ («прямой эфир»), а также при создании информационных программ антикриминальной направленности, способных наряду с информированием населения о деятельности милиции также содействовать формированию в общественном мнении позитивного портрета современного милиционера.

Развитие информационных технологий в виде ИНТЕРНЕТ, позволяет органам внутренних дел активно использовать его возможности в актуализации мнения населения путем создания «страниц УВД» на серверах региональных и местных администраций, содержащих основные сведения о деятельности милиции, телефоны для обращения граждан.

С точки зрения реализации **директивной функции** на региональном и местном уровне использование результатов изучения мнения населения носит в основном корректирующий характер. На основе знания мнения граждан относительно тех или иных сторон деятельности ОВД ее можно рассматривать с различных точек зрения, что способствует ее более адекватной оценке. Следствием такой оценки должно стать наиболее целесообразное и оптимальное распределение людских и материальных ресурсов ОВД, своевременное планирование специальных операций и мероприятий по локализации тех или иных негативных явлений противоправного характера.

В данном случае одной из форм оценки деятельности ОВД могла бы стать разработка рейтинговых таблиц по различным службам и подразделениям, учитывающим помимо объективных показателей служебной деятельности и мнение населения. В дополнение к сказанному, реализация директивной функции общественного мнения в решении организационных и кадровых проблем на уровне региональных и местных ОВД предполагает проведение комплекса мероприятий воспитательной и кадровой работы, направленной на искоренение недостатков:

- систематические инструктажи и профессиональная подготовка личного состава в плане корректного взаимодействия с населением;
- использование мер дисциплинарного характера к сотрудникам, нарушающим нормы служебной этики;
- освобождение от сотрудников, дискредитирующих органы внутренних дел;
- строгий отбор поступающих на службу по морально-психологическим качествам.

В заключение необходимо отметить, что объективная необходимость в использовании результатов изучения мнения населения о деятельности ОВД не вызывает сомнения. В ряде регионов в этом направлении накоплен определенный положительный опыт. Вместе с тем, проблема действенного и эффективного использования общественного мнения в практике управления органами внутренних дел сложна, многогранна и противоречива. Это требует постоянного, пристального внимания и дальнейшего изучения данной проблемы научными сотрудниками ВНИИ в тесном взаимодействии с практическими работниками всех звеньев системы МВД России.

- анализ жалоб и заявлений, поступающих в правоохранительные органы и СМИ;
- изучение мнения потерпевших и обращавшихся в ОВД с целью выявления причин недовольства и претензий к сотрудникам милиции;
- проверка информации о принятых мерах по обращениям граждан в дежурные части с заявлениями о совершении преступлений;
- конкретизация претензий к конкретным службам и сотрудникам;
- изучение, анализ и критическое обобщение отказных и иных материалов, заведенных по обращениям граждан;
- организация стационарных постов милиции;
- оперативное реагирование «по горячим следам» на сообщения о преступлениях и иных противоправных действиях.
- изучение латентной составляющей преступности;
- принятие мер по организации дополнительного контроля за деятельностью дежурных частей, участковых инспекторов, подразделений ГИБДД, паспортно-визовых служб;
- систематическая проверка учетно-регистрационной дисциплины в подразделениях;
- проведение контрольных проверок служб, отдельных подразделений и сотрудников ОВД.

- работа с населением, общественными, политическими и религиозными организациями;
- работа со СМИ (PR- технологии);
- новые информационные технологии (ИНТЕРНЕТ);

- внесение корректив в практическую деятельность служб и подразделений (распределение ресурсов);
- оценка оперативной обстановки с различных точек зрения;
- разработка рейтинговых таблиц оценки подразделений и служб с учетом показателя общественного мнения;
- осуществление планирования спец.операций и спец.мероприятий;
- დავით ბაბიანი ბაბიანი*
- систематические инструктажи и профессиональная подготовка личного состава на предмет корректного взаимодействия с населением;
- использование мер дисциплинарного характера к сотрудникам, нарушающим нормы служебной этики;
- освобождение от сотрудников, дискредитирующих органы внутренних дел;
- строгий отбор поступающих на службу по морально-психологическим критериям.

Мельник Е.А.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Эффективная реализация задач, стоящих перед органами внутренних дел, напрямую зависит от благоприятной социально-психологической атмосферы, формирующейся в обществе вокруг их деятельности, от той поддержки, которую население готово оказать и оказывает ОВД в сфере правопорядка.

Значимую роль в формировании положительного имиджа милиции играет общественное мнение. Поэтому в данный момент на первый план выходят идея социального партнерства и задача дальнейшего совершенствования системы внешних связей органов внутренних дел. Развитие последней связано с максимально возможным расширением взаимодействий ОВД с различными общественными объединениями граждан.

Расширение демократических процессов в обществе в последнее десятилетие способствовало повышению социальной активности, нацеленной на реализацию декларируемых прав, законных интересов граждан. Этот процесс осуществляется, прежде всего, через создание различного рода общественных объединений.

Необходимо отметить, что резко усилившаяся поляризация и имущественное расслоение населения значительно углубили процесс социальной дифференциации. Создалась ситуация, когда главным регулятором социального поведения становятся нормы и ценности не общесоциального, а группового характера. Их основными носителями и распространителями являются общественные объединения.

Среди основных видов деятельности общественных объединений, закрепленных в законодательстве, особое место принадлежит информационной составляющей. В соответствии с Законом об общественных объединениях, последние могут свободно распространять информацию о своей деятельности, учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность. Таким образом, в пропагандистском арсенале общественных объединений имеются идеологические инструменты и социально-психологические механизмы воздействия на широкие слои населения. Учитывая особенности массового сознания, можно утверждать, что если информация о деятельности ОВД будет распространяться авторитетными общественными объединениями и будет рассчитана на конкретные слои населения, то, как правило, будет восприниматься с высоким уровнем доверительности.

Анализ результатов экспертных опросов показал, что влияние общественных объединений, оказываемое на отношение населения к правоохранительным органам, является заметным фактором формирования общественного мнения о деятельности милиции¹. Значительное число экспертов из числа сотрудников органов внутренних дел (73%) признают, что общественные объединения располагают большими возможностями существенно влиять на формирование мнения населения о деятельности органов внутренних дел. При оценке нынешней направленности влияния объединений на общественное мнение о деятельности органов внутренних дел эксперты отмечают, что это влияние носит больше позитивный, чем негативный характер (коэффициент влияния +0,3 %)². Разброс мнений экспертов можно объяснить, с одной стороны, особенностями индивидуальной практики и личного восприятия опрошенными сотрудниками ОВД проблемы взаимоотношений милиции с общественными объединениями. С другой - спецификой и характером влияния этих объединений на общественное мнение в конкретном регионе. Последнее утверждение наглядно иллюстрирует сравнительный анализ направленности влияния общественных объединений и информации о деятельности общественных объединений, оказывающих негативное влияние на общественное мнение. Несмотря на то, что большая часть опрошенных отметила позитивную направленность влияния объединений на мнение населения, почти четверть экспертов ОВД дает ответ, что такие объединения имеются.

¹ Статья базируется на результатах серии экспертных опросов, проведенных автором среди различных категорий сотрудников органов внутренних дел, в том числе: руководителей отделов информации и общественных связей, руководителей информационно-аналитических подразделений, руководителей кадровых служб МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации. По специально разработанным опросникам было проинтервьюировано более 150 сотрудников органов внутренних дел. Кроме того, в качестве экспертов было опрошено 25 чел. - представителей различных общественных объединений (КПРФ, ЛДПР, "Яблоко", Аграрная партия). В качестве эмпирического материала для анализа использовались результаты массовых опросов населения, отчетная документация УРОС МВД России, а также информация, полученная в ходе личных бесед с сотрудниками данного Управления.

² Коэффициент влияния общественных объединений на формирование общественного мнения варьирует от -1 (отрицательное) до +1 (положительное) влияние и характеризует разность положительных и отрицательных оценок, данных экспертами.

Вместе с тем, опрос экспертов - представителей общественных объединений показал, что невысокая оценка деятельности ОВД, отражаемая в общественном мнении, признается ими как адекватное отражение результатов работы милиции. Таким образом, с одной стороны, в общественных объединениях аккумулируется отрицательный потенциал негативного отношения к ОВД, который может быть реализован в деятельности общественных объединений в любой удобный для них момент. С другой стороны, неудовлетворенность деятельностью ОВД со стороны общественных объединений еще не означает распространение этой оценки среди населения. Более того, результаты исследований показали, что общественные объединения не считают само целенаправленное воздействие на общественное мнение определяющим фактором его негативного содержания.

Наряду с этим, анализируя механизм формирования негативного отношения к ОВД, эксперты в подавляющем большинстве признают тот факт, что в обществе существуют некие силы, заинтересованные в формировании негативного общественного мнения о работе милиции. То, что представители различных по идеологической и функциональной направленности общественных объединений единодушны в этом мнении, заставляет задуматься: какие же это силы?

Анализ факторов, оказывающих решающее влияние на общественное мнение о деятельности милиции, выявил, что в оценках экспертов, как из числа сотрудников ОВД, так и функционеров общественных объединений, механизм отрицательного отношения к милиции связан с тенденциозностью СМИ, делающих определенные акценты в освещении правоохранительной проблематики. Принимая во внимание финансовую и другую зависимость большинства средств массовой информации от своих учредителей и спонсоров, можно предполагать, где находятся источники негативизма.

Резюмируя изложенное, можно заключить: общественные объединения, обладая определенным весом и осознавая степень своего влияния на население в плане формирования общественного мнения о деятельности

ОВД, не заинтересованы в поддержании и пропаганде негативного образа милиции. Наоборот, они готовы бороться с тенденциозностью в оценке ее деятельности, откуда бы она не возникала.

Естественно, общественные объединения в своей борьбе за власть заинтересованы в поддержании имиджа милиции, но лишь в определенных пределах. Не случайно, решающим фактором формирования общественного мнения о деятельности ОВД ими признаются непосредственные контакты населения и сотрудников милиции. Другими словами, общественные объединения не будут предпринимать какие-либо действия по целенаправленному формированию общественного мнения, если эти действия будут идти вразрез с мнением их сторонников.

Если целесообразность взаимодействия ОВД с общественными объединениями в деле формирования позитивного общественного мнения о милиции с обеих сторон не вызывает сомнений, то проблема повышения эффективности этого взаимодействия имеет свои специфические моменты. С точки зрения органов внутренних дел, слабость позиций общественных объединений в формировании положительного имиджа милиции состоит в том, что они не имеют массовой базы социальной поддержки, их влияние на население дискретно и неустойчиво. По результатам социологических опросов ни одно из действующих общественных объединений и организаций сегодня не пользуется значительным доверием населения. Отсюда, апелляция к общественным движениям, не пользующимся доверием широких масс населения, может отрицательно влиять на оценку деятельности милиции.

С точки зрения общественных объединений - ОВД - зависимый социальный институт, обслуживающий, главным образом, интересы государства и узкого круга класса имущих. Общественные объединения, поскольку они выражают интересы общества, не могут игнорировать того факта, что в массовом сознании деятельность ОВД не ассоциируется с защитой прав и законных интересов каждого гражданина в равной мере. Вывод же таков:

безраздельно поддерживать милицию - значит потерять и без того низкое доверие граждан. Коллизия отношений налицо. Вместе с тем, представляется, что она имеет свое обоснованное разрешение.

При рассмотрении данной проблемы следует выделять два основных вида общественных объединений: объединения политической направленности, основной целью существования которых является участие в управлении делами общества и государства, и объединения, созданные для реализации и защиты тех или иных интересов разных групп населения (профессиональные, религиозные, женские, молодежные и пр.).

Результаты проведенных опросов показывают, что наибольшим влиянием среди населения пользуются политические объединения и религиозные организации, которые соответственно обладают и большими возможностями влиять на процесс формирования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. Этой точки зрения придерживаются в отношении политических партий около 80% экспертов; 70% - в отношении религиозных организаций. Менее значительную роль в этом процессе играют в данный момент профессиональные объединения граждан, молодежные, женские организации, культурно-просветительские и творческие союзы.

Так, например, на положительное влияние профсоюзных организаций на формирование позитивного отношения населения к деятельности милиции указали лишь 25% экспертов из ОВД, женских - 17%, молодежных - 13%, творческих и культурно-просветительских около 10%.

В то же время значительная часть сотрудников ОВД признает, что указанные выше объединения граждан располагают большими потенциальными возможностями положительного влияния на отношение населения к деятельности милиции. Это касается профсоюзных объединений (36% экспертов), женских (30%), молодежных (35%), религиозных (46%).

По мнению экспертов, потенциальные возможности общественных объединений влиять на мнение населения в большей степени обусловлены

возможностями агитационно-пропагандистского характера (60% экспертов) и той ролью, которую они играют в общественно-политической жизни конкретного региона (40%). Несколько противоречиво эксперты оценили роль авторитета лидеров и активистов политических партий и организаций в формировании общественного мнения о деятельности ОВД. Если опрошенные из числа сотрудников ОВД практически отрицают их влияние (только 23% признают значимым данный фактор), то активисты общественных объединений в подавляющем большинстве (80%) считают, что “публичная позиция лидера общественного объединения может оказать очень большое влияние на оценку общественным мнением деятельности милиции”.

Анализ практики деятельности общественных объединений граждан свидетельствует, что в целом они не осуществляют непосредственного целенаправленного воздействия на население по формированию общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. Исключение составляют лишь те объединения, деятельность которых непосредственно связана со сферой правопорядка (например, казачьи объединения), и ситуации, при которых эти объединения входят в непосредственный контакт с органами внутренних дел. В этом случае можно говорить лишь “о пересечении” интересов общественных объединений и правоохранительных органов и о косвенном влиянии первых на общественное мнение.

Однако воздействовать на этот процесс с целью усиления влияния общественных объединений на формирование позитивного общественного мнения о деятельности милиции возможно и для этого имеются необходимые условия, на что указывает большинство экспертов как из числа сотрудников ОВД, так и числа активистов общественных объединений.

Так, на вопрос “Считаете ли Вы возможным в настоящее время регулировать влияние, оказываемое общественными объединениями на мнение населения о работе милиции?”, 73% опрошенных сотрудников ОВД ответили утвердительно. Необходимость и возможность усиления влияния об-

публичных объединений на формирование позитивного отношения населения к деятельности милиции признает большинство опрошенных представителей политических партий и объединений. Характерным (67% экспертов) является следующее их заключение: “Общество, в том числе общественные объединения, в интересах защиты прав граждан должны поддерживать авторитет милиции, но при условии, если сама милиция будет активно действовать в интересах граждан”.

Таким образом, повышение роли общественных объединений в процессе формирования мнения населения о деятельности органов внутренних дел во многом будет зависеть от активности и инициативы самих органов правопорядка, построения партнерских отношений с различными группами граждан. Суть данной проблемы состоит в том, что очень многие сотрудники ОВД не проявляют готовности к сотрудничеству с общественными объединениями, пользующимися авторитетом у населения, в целях формирования позитивного общественного мнения.

Милиция же только ожидает активных действий в этом направлении со стороны общественных объединений (67,5% опрошенных сотрудников ОВД считают, что данный фактор положительно повлияет на общественное мнение о милиции).

На вопрос “Возникали ли в Вашей практике ситуации, когда Вы обращались к возможностям общественных объединений в целях воздействия на общественное мнение?”, - 72,5% опрошенных сотрудников ОВД ответили отрицательно. В то же время 2/3 экспертов признают, что постоянные встречи с руководителями и активом общественных объединений, взаимная информация и выработка совместных мероприятий являются наиболее результативными формами взаимодействия милиции с общественными объединениями в формировании позитивного отношения населения к милиции. Среди других форм взаимодействия ОВД с общественными объединениями с целью формирования позитивного общественного мнения о

деятельности милиции, эксперты назвали следующие (по степени их значимости) формы:

- отчеты сотрудников и, прежде всего, руководителей МВД и горрай-органов внутренних дел перед населением на собраниях, сходах и т. д.;

- совместное проведение различных мероприятий по защите прав и интересов граждан;

- привлечение активистов партий и общественных объединений для участия в работе “круглых столов”, конференций, посвященных укреплению правопорядка;

- приглашение представителей общественных объединений на отчетные совещания в территориальных органах внутренних дел.

В плане определения перспективных форм совершенствования системы внешних связей ОВД, в том числе взаимодействия милиции с общественными объединениями, в деле формирования позитивного общественного мнения эксперты выделили следующие направления:

- разработку совместных долгосрочных программ сотрудничества по решению наиболее актуальных проблем, затрагивающих интересы граждан в сфере правопорядка;

- разработку совместных специальных планов, четко нацеленных на профилактику конкретных видов правонарушений;

- создание при администрациях районов, городов, регионов общественных советов с участием представителей ОВД и общественных объединений для решения актуальных проблем жизнедеятельности людей;

- проведение периодических исследований степени влияния, оказываемого общественными объединениями на мнение населения о деятельности милиции;

- установление постоянных рабочих контактов руководителей ОВД с руководителями и активистами общественных объединений граждан для консультаций и выработки совместных решений по конкретным проблемам.

В плане повышения эффективности связей органов внутренних дел с общественностью представители политических партий, например, КПРФ, особое внимание обратили на необходимость строгого соблюдения органами внутренних дел действующего законодательства об общественных организациях, установления постоянной практики взаимного обмена информацией и координации действий по работе с широкими слоями населения.

А.Л.Антоньев

НАИБОЛЕЕ ТИПИЧНЫЕ И ЗНАЧИМЫЕ ОШИБКИ, ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Данная статья подготовлена на основе изучения и анализа результатов опросов (статистические таблицы, dbf-файлы, анкеты) общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, проводимых в соответствии с Приказом МВД России от 04.06.1997 № 337. В течение срока действия этого приказа под руководством штабных подразделений дважды проводились социологические опросы во всех субъектах Российской Федерации и один раз региональными отделами ВНИИ и образовательными учреждениями МВД России - выборочное исследование в 23 типичных регионах Российской Федерации. Исследованный массив превысил 60 тысяч анкет. Кроме того, авторы, выезжая в служебные командировки, проводили методологические семинары с организаторами опросов и анкетерами, в ходе которых также поступала информация о недочетах и ошибках при проведении опросов населения.

Целью статьи является дальнейшее повышение качества и достоверности получаемой информации об отношении населения Российской Федерации к деятельности органов внутренних дел.

За рамки рассмотрения намеренно выведены т.н. “случайные ошибки” (описки респондентов, технические огрехи операторов вычислительных центров, например двойной набор одной и той же анкеты и т.п.).

В целом типичные ошибки, допускаемые при изучении общественного мнения, могут быть сведены к трем группам:

- ошибки, допускаемые на подготовительном этапе при расчете выборочной совокупности;

- ошибки, допускаемые непосредственно при проведении массовых опросов населения.

- ошибки, допускаемые на стадии обработки результатов на местах и передачи полученных информационных массивов по установленной форме и в установленные сроки в ГИЦ и ВНИИ МВД России.

Ошибки, допускаемые на подготовительном этапе изучения общественного мнения

Неправильный расчет выборочной совокупности.

Качество проведенного исследования и собранной информации во многом зависит от правильно рассчитанной и реализованной выборки. В большинстве же регионов определение доли категорий респондентов строится неверно. Изначально расчет ведется не от общего количества жителей региона старше 16 лет или общего числа подлежащих опросу, а, например, отдельно от жителей города, жителей села или каких-то иных категорий.

Ошибки, допускаемые непосредственно при проведении массовых опросов населения.

Форма одежды анкетера.

Как правило, опросы проводятся сотрудниками милиции. При этом достаточно распространено, когда лицо, проводящее анкетирование появляется перед аудиторией или отдельными гражданами (опрос по месту жительства) одетым в форменную одежду, что является недопустимым, поскольку в таком случае респонденты видят в анкетере не независимого,

нейтрального собеседника, а представителя власти, что негативно сказывается на искренности ответов опрашиваемых.

Непроведение анкетерами инструктажа перед проведением опроса.

Несмотря на то, что в преамбуле анкеты кратко изложены цели опроса и правила заполнения анкеты неременной обязанностью анкетера является еще раз подробно остановиться на особенностях ее заполнения, обратить внимание аудитории на наличие в анкете вопросов, подлежащих заполнению всеми участниками опроса, и вопросов, которые заполняются лишь частью респондентов. Невыполнение этого правила приводит к тому, что устойчиво существует группа респондентов, которые на вопрос о том подвергались ли они лично преступным посягательствам, отвечают отрицательно, а в дальнейшем заполняют вопросы об обращении в ОВД, удовлетворении принятыми мерами и т.д. В результате нарушается внутренняя логическая непротиворечивость анкеты, что порождает ошибки при переводе информации на электронные носители и обсчете анкетного массива.

Непроведение анкетерами проверки качества заполнения анкет непосредственно после их заполнения респондентами

При принятии анкеты от респондента анкетер обязан проверить полноту заполнения анкеты. Нередки случаи, когда анкеты сдаются заполненными наполовину или даже меньше, но включаются в общий массив наравне с полноценными анкетами, что приводит в дальнейшем к ошибкам при обсчете.

Несоблюдение составленных квот выборочной совокупности

Зачастую после проведения опросов выявляется несоответствие намеченной выборочной совокупности с полученными количественными показателями по той или иной группе опрошенного населения. При этом не производится так называемый “ремонт выборки”, т.е. приведение в соответствие с необходимыми пропорциями численности социальных групп путем выбраковки (при переборе) или дополнительного опроса (при недоборе).

Нарушение принципа “случайности” отбора респондентов.

Нередко лица, назначенные на проведение опросов идут по наиболее легкому пути поиска респондентов. Ими опрашиваются не те категории и конкретные лица, которые намечены сформированной выборкой, а те, которые наиболее “удобны” анкетеру в силу, например, географической близости (опрашиваются соседи) или контактной близости (опрашиваются родные и знакомые, а также наиболее коммуникабельные слои населения, например, женщины или лица с высшим образованием). В результате может происходить смещение выборки как по демографическим, так и по социально-экономическим показателям.

Иные.

На практике опрос пенсионеров, как правило, поручается участковым инспекторам, которые, обходя квартиры, опрашивают пожилых людей, не принимая во внимание, что значительная их часть, являясь гражданами пенсионного возраста, тем не менее, продолжают трудовую деятельность. Как следствие такой респондент, отвечая на 21-й вопрос анкеты “Род занятий”, указывает несколько позиций, например: пенсионер и рабочий, пенсионер и работник аппарата управления и т.д. Это приводит как к нарушениям выборочной совокупности, так и к ошибкам при последующей компьютерной обработке анкет.

Нарушение правила постоянного личного контакта с аудиторией.

Характерно как для аудиторного, так и для индивидуального опроса. Состоит в том, что анкетер в целях экономии личного времени оставляет респондентам анкеты и забирает их через некоторое время (иногда даже на следующий день). В результате нельзя исключить то, что анкеты будут полностью или частично заполнены не теми лицами, которых необходимо опросить, а теми, у кого на момент проведения опроса было свободное время. В результате нарушается выборочная совокупность.

Ошибки, допускаемые на местах на стадии обработки и передачи информационных массивов

Приказом МВД России от 04.06.1997г №337 (п.п 2.3 и 6.2) и Методикой переноса данных на электронные носители информации от 27.08.97г

№1/12745 определены алгоритм обработки данных на местах и передача полученных информационных массивов по установленной форме и в установленные сроки в ГИЦ и ВНИИ МВД России.

Несоблюдение установленной формы отчетности

Анализ присылаемой информации о результатах изучения общественного мнения позволяет судить о том, что некоторые МВД, ГУВД, УВД при обработке и передаче данных путают или сознательно подменяют установленную форму структуры выборки, по сути являющейся планом проведения опросов, разделом 4 273 формы стат. отчетности, предполагающим отражение результатов уже проведенных опросов в части количества и состава опрошенных респондентов. Зачастую, установленная к отсылке в ГИЦ и ВНИИ МВД России информация о проведенных исследованиях в виде Формы отчетности №273, файлов базы данных (DBF файлы) и структуры выборки (TXT или DOC файлы) некоторыми МВД, ГУВД, УВД присылается частично. Так из 79 регионов представивших в ГИЦ МВД России Форму отчетности №273, не представили во ВНИИ МВД России: файл базы данных (DBF) - Еврейская автономная область, а структуры выборки (TXT или DOC файлы) МВД, ГУВД, УВД 20-ти субъектов Российской Федерации, т.е. лишь три четверти регионов прислала полную информацию.

Нарушение установленного срока передачи данных.

Около 10% МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации либо вообще не отсылают информацию, либо отсылают ее не соблюдая регламентные сроки, т. е. с опозданием.

В.А. Ребрий,

кандидат философских наук

Академия управления МВД России

**ВЛИЯНИЕ ВИДА ИСТОЧНИКА НА ИНФОРМИРОВАННОСТЬ
МОСКВИЧЕЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ И НА ИХ ОЦЕНКУ
ЭТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Оценка населением деятельности местного органа внутренних дел (ОВД) в целом и его отдельных служб и подразделений служит мерилom уровня социального одобрения такой деятельности, по определению направленной на удовлетворение одной из важнейших жизненных потребностей населения — сохранности жизни, здоровья и имущества. С учетом такой оценки в отношении настоящего и недавнего прошлого осуществляется планирование деятельности ОВД на будущее. Оценка, в зависимости от исследовательских и практических требований, может представляться и единственным параметром (качественным — типа “удовлетворительная” — “неудовлетворительная” или количественным — с определенным диапазоном значений), и целой многоуровневой и многоаспектной системой. Однако в любом случае оценка является отражением действия как объективных факторов, так и субъективных. Общественная оценка деятельности ОВД складывается из оценок отдельных граждан, а эти последние оценки в немалой степени зависят от того, из каких источников черпает гражданин информацию относительно милиции и выполнения ею своих функций и обязанностей. Целесообразно, однако, рассмотреть также вопрос об информационном воздействии на граждан (а через них и на общественную оценку деятельности ОВД) уже не просто конкретных источников информации, а в целом отдельных видов таких источников. При всех истинных и мнимых противоречиях в позициях по затрагиваемой проблематике различных конкретных источников одного вида можно, тем не менее, говорить об общей направленности воздействия телевидения, прессы, общения со знакомыми и т.д. Именно подобное результирующее воздействие отдельных видов информационных источников на информированность населения по вопросам деятельности милиции и на его оценку этой деятельно-

сти и явилось предметом проведенного эмпирического исследования, описываются в данной статье.

Сведения, относящиеся к источникам информирования населения г. Москвы о деятельности городской милиции, и оценка (“удовлетворительная-неудовлетворительная”) такой деятельности населением города в целом и по отдельным направлениям регулярно собирались и анализировались в течение ряда прошедших лет в рамках социологического мониторинга. Данные исследования проводились Академией управления МВД России при участии Отдела информации и связей с общественностью ГУВД г. Москвы по методике автора и под его руководством. Анализируемые здесь данные собраны в ходе анкетного опроса в конце 1996г., проводившегося по шести административным округам г. Москвы, в котором приняли участие 514 ее жителей. Респондентская выборка включала по полу: мужчин — 56%, соответственно женщин — 44%; по возрасту молодых (до 35 лет включительно) — 49%, лиц старшего возраста — 51%; лиц со средним и незаконченным средним образованием — 56%, лиц с высшим образованием — 44%. (Примечание: для краткости в таблице будет говориться лишь о лицах со средним образованием, хотя в эту же категорию включаются и лица с незаконченным средним образованием).

Итак, при проведении исследования предметом изучения источниковой базы выступает не какой-то конкретный источник информации (например, журнал “За рулем”, телепередача “Дорожный патруль” и т.д.), а вид источников (“Газеты, журналы”, “Телевидение” и т.д.). Так, упомянутый вид “Газеты, журналы” включает в себя все регулярно выходящие периодические печатные издания: независимые и ведомственные, серьезные и бульварные, уделяющие внимание “милицейским” проблемам и полностью их игнорирующие и т.д.

Как показали исследования автора за ряд предшествовавших лет, в г. Москве по охвату населения (масштабу аудитории) ведущее место занимает группа видов источника, включающая средства массовой информации (СМИ), т.е. телевидение, радио и газеты, а также личный опыт жителя города, его непосредственные наблюдения. За этой группой информационных лидеров (но уже со значительным отрывом) следует группа, объединяющая различные виды личных вербальных контактов (бесед) - с родственниками и знакомыми, с работниками милиции, с незнакомыми, случайно встретившимися людьми (попутчиками, в очереди и т.п.). Внутри первой группы — информационных “китов”, в свою очередь, выявляются едиличные лидеры, который со временем меняются местами с другими представителями той же группы. Так, с 1993 по 1995 годы сохранялось примерное равенство позиций названных видов при несколько опережающем положении СМИ, но в 1996 году в бесспорные лидеры выдвинулся личный опыт, непосредственные наблюдения. (Это, возможно, отразило рост скептицизма москвичей в отношении СМИ, ради сенсаций нередко грешащих против истины). Данные 1996 г. о долях **охвата** населения отдельными видами источника информации о милиции в целом и в разрезах, обусловленных факторами пола, возраста и образования, а также оценкой населением деятельности милиции, сведены в таблицу (Табл. 1), а также приведены на графике (Рис. 1).

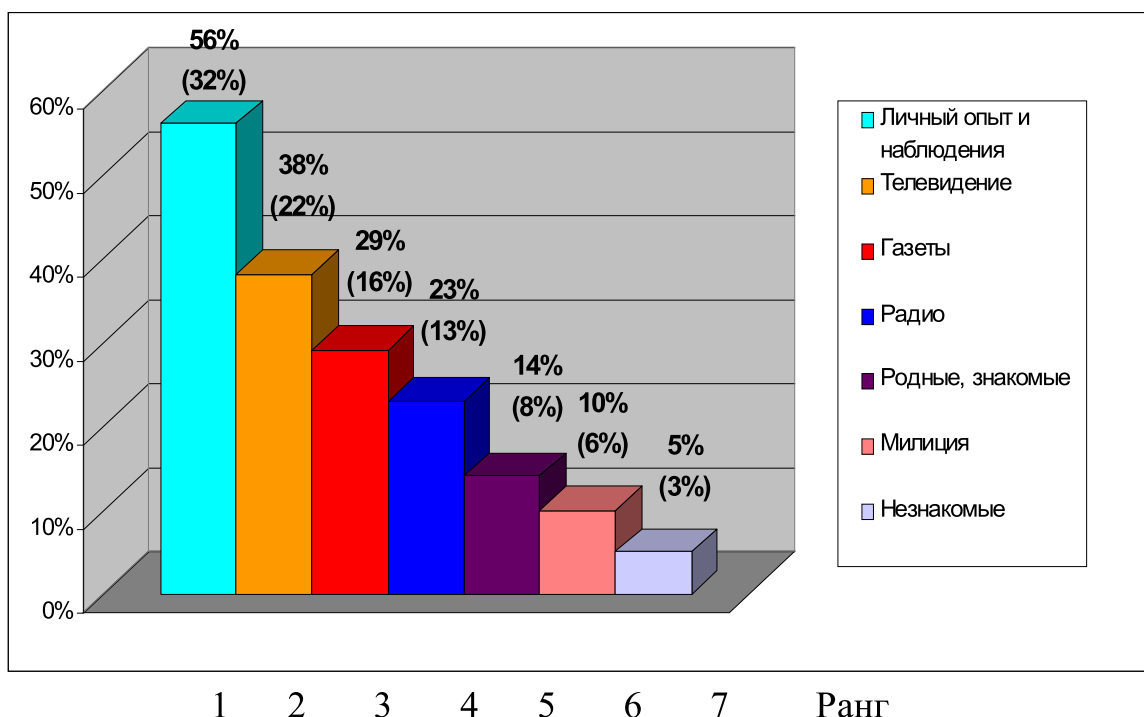

Рис. 1. Ранжирование источников информирования о деятельности московской милиции по степени их значимости для населения г. Москвы. Верхнее число — доля охвата населения видом источника; нижнее (в скобках) — удельный информационный вклад вида.

Таблица 1 (начало)

Степень охвата населения г. Москвы основными видами источников информации о милиции города, % (октябрь 1996 г.)

А)

Источник информации населения г. Москвы о городской милиции (вид)	В целом	Пол		Возраст		Образование		Оценка деятельности милиции		
		Муж.	Жен.	Молод.	Старш.	Средн.	Высш.	Положит.	Отрицат.	Затрудн.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Личные наблюдения	56	64	45	51	60	51	62	54	62	54
2. Телевидение	38	33	45	35	41	37	39	26	41	53
3. Газеты	29	24	34	25	32	23	36	27	32	31
4. Радио	23	20	27	19	27	21	25	21	16	33
5. Родные и знакомые	14	13	16	14	14	13	16	14	12	15
6. Сотрудники милиции	10	12	9	11	11	10	11	14	10	7
7. Случайные собеседники	5	5	5	5	5	5	5	5	3	7
Среднее количество видов на 1 респондента	1,75	1,70	1,81	1,61	1,61	1,95	1,60	1,60	1,77	2,00

Б)

Продолжение Табл.1

Источник информации населения	Пол - Возраст				Пол - Образование				Возраст - Образование			
	Мужской		Женский		Мужской		Женский		Молодой		Старший	
	молод.	старш.	молод.	старш.	средн.	высш.	средн.	высш.	средн.	высш.	средн.	высш.

г. Моск- вы о город- ской милиции (вид)	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1. Личные наблюдения	57	70	45	45	55	73	46	43	59	42	43	81
2. Телевидение	30	35	40	49	35	30	39	54	29	42	45	36
3. Газеты	21	27	30	39	17	31	28	45	24	28	22	45
4. Радио	20	21	18	36	21	20	22	35	16	24	27	27
5. Родные и знакомые	13	13	15	17	8	17	15	17	13	15	13	17
6. Сотрудники милиции	10	13	12	6	10	14	10	7	13	9	7	13
7. Случайные собеседники	4	5	7	4	4	5	6	5	6	5	4	5
Среднее количество видов на 1 респондента	1,55	1,85	1,68	1,95	1,51	1,90	1,66	2,06	1,58	1,64	1,61	2,24

Нормируя данные об охвате населения отдельными видами информационных источников (т.е. приведением их общей суммы к 100%) были определены и **удельные информационные вклады** каждого из видов источников в “информационный банк” населения г. Москвы. Поскольку пропорции между значениями, характеризующими виды источника информации, нормировка оставляет неизменными, она не влияет и форму графика. Очевидно, что, если речь вести только об одном, **главном** для респондента, виде источника информации, величина вклада в точности совпадает с величиной доли охвата.

Интересен и практически важен вопрос о тесноте взаимной связи между видами источника о деятельности местной милиции, к которым обращаются москвичи, и их оценкой такой деятельности, также выявленной в ходе их опроса. Знание силу подобной связи позволило бы заблаговременно учитывать эту связь при планировании оптимального информационно-пропагандистского воздействия с целью формирования у населения положительного образа милиции. Разумеется, речь здесь не сводится к детерминистическому подходу с его неоправданным упрощением ситуации, когда позиция конкретной личности объяснялась бы не иначе, как воздействием соответствующего вида источника (например, прессы). Ведь и сам

выбор горожанином источников информации в немалой степени диктуется уже имеющимися у него интересами, симпатиями и антипатиями. Однако верно и то, что, став подписчиком определенной газеты в силу смутных симпатий к ее позиции, тот же горожанин по мере регулярного чтения газеты свыкается с ней, проникается ее оценками, в том числе и в отношении деятельности милиции. Просматривая “свою” газету, постоянный читатель при этом зачастую невольно отключает в себе “внутреннего цензора”, принимая многое из сообщаемого газетой на веру. В результате некритически воспринятые таким читателем газетные оценки уже осознаются им как собственные (явление суггестии). Из сказанного видно, что, вообще говоря, имеет место именно взаимодействие между субъектом и отдельным изданием или даже в целом видом СМИ. Однако, в реальности, если судить хотя бы по такому важному виду источника, как телевидение, обратная связь с аудиторией на сегодня весьма слаба. Поэтому достаточно обоснованным при моделировании будет рассмотрение такой связи как однонаправленного воздействия (по типу “аргумент-функция”). Здесь, однако, для нас представляет интерес не индивидуальная связь оценки респондента и его вида источника информации, а статистическая связь определенной (положительной, отрицательной или нейтральной) оценки деятельности милиции, данной частью населения, с соответствующими видами источников информации, которыми эта часть пользуется, формируя свои представления о такой деятельности. Выявив с помощью статистического анализа такого рода зависимости, можно затем их учитывать при выработке научно обоснованного подхода к формированию положительного образа милиции.

Поскольку в анкете предлагалось отметить лишь **основные** виды используемых источников информации, респонденты указывали, как правило, один-два, иногда три источника и лишь в редких случаях — большее их число. Отсюда следует, что и за оценкой респондента стоит, как правило, не один лишь из видов источника информации, а два-три вида (хотя по

степени влияния на формирование мнения респондента они могут сильно различаться). Поэтому одна и та же оценка в графах 8-10 Таблицы 1 может обнаруживать связи сразу с двумя-тремя видами, представленными в строках той же таблицы. Поэтому, наряду с рассматриваемой, далее строится и анализируется и другая таблица, более определенно связывающая оценку о милиции, даваемую респондентами, с видами источника информации о ней.

Специфика социально-демографических групп населения в отношении степени их охвата конкретными видами источников информации о милиции г. Москвы отмечена в Таблице 1 путем подчеркивания контрастирующих значений парных категорий. Так, например, для такого вида, как личный опыт, наблюдается существенное различие между мужчинами с одной стороны, среди которых двое из троих ссылаются на этот вид, и женщинами — с другой, среди которых этот вид в числе основных только для 45%, т.е. менее, чем в половине случаев. Аналогичным образом могут быть сопоставлены и другие отмеченные пары категорий, образованных на основе отдельных социально-демографических факторов либо их сочетания, существенно увеличивающим различия между парными категориями. Эффект контраста от сочетания факторов не аддитивный (слагающийся из эффектов сочетаемых факторов, взятых по отдельности), а мультипликативный (умножающий), существенно превосходящий сумму таких частных эффектов. Так, например, в отношении упомянутого вида “Личный опыт” можно отметить внутри категории лиц старшего возраста резкий контраст между входящими в нее парными категориями по образованию: менее, чем для половины (42%) лиц без высшего образования личный опыт оказывается в числе основных видов источников информации, в то время как подавляющее большинство (81%) лиц с высшим образованием рассматривают этот вид как главный для себя, что, видимо, отражает статусные притязания этой последней категории (“жить своим умом”, полагаться в оцен-

ках, прежде всего, на собственные наблюдения).

Непосредственный статистический анализ данных Таблицы 1 позволяет установить для совокупности опрошенных в целом и для каждой, отдельной их категории свое среднее количество видов основных источников информации о городской милиции, к которым обращается соответствующая категория или совокупность респондентов в целом. Такое среднее число видов источников условимся именовать коэффициентом **источниковой кратности**, или просто источниковой кратностью. Среднее значение источниковой кратности для населения г. Москвы, судя по данному исследованию, равно 1,75, т.е. средний москвич обращается чаще к двум видам источника информации о деятельности милиции своего города, хотя порой и ограничивается лишь одним из них. Для учитываемых здесь таких факторов (а это пол, возраст и образование жителей г. Москвы), как взятых в отдельности, так и в парных их сочетаниях, в таблице приведены соответствующие источниковые кратности, которые различны для различных категорий респондентов, определяемых указанными факторами. Данная таблица показывает, как источниковая кратность, т.е. среднее число указываемых в анкете видов источников информации о деятельности милиции г.Москвы, связано с указанными факторами. **Число видов источников информации о милиции больше у таких категорий населения: по полу** — у женщин (1,8 против 1,7 у мужчин), **по возрасту** — у старшего возраста (1,9 против 1,6 у молодых), **по образованию** — у лиц с высшим образованием (1,95 против 1,60 без такового). Для **парных сочетаний** названных факторов (в согласии с приведенными данными по отдельно рассмотренным факторам) наименьшее значение по числу видов источников — у мужчин со средним образованием (1,51), а наибольшее — у лиц старшего возраста с высшим образованием (2,24). Для тройных сочетаний факторов результатом естественным образом следует из предыдущего: полюс наименьшего числа видов источника информации (наименьшей источниковой кратности) при-

ходится на такую социально-демографическую категорию как молодые мужчины со средним образованием, а полюс наибольшего числа таких видов — на категорию женщин старшего возраста с высшим образованием.

В Таблице 1 представлены и иные категории респондентов — по тому, какую оценку деятельности милиции г. Москвы они дали. Так, если в среднем на москвича приходится 1,77 видов источников, то на жителя города, положительно оценивающего деятельность милиции, существенно меньше общего среднего — 1,6, на отрицательно оценивающего — 1,75 (т.е. практически на уровне общего среднего), а затруднившегося с оценкой — ровно 2 вида источника, что уже заметно превышает средний уровень. Такое превышение представляет собой определенный парадокс, нуждающийся в истолковании. В самом деле, ведь речь идет о респондентах, которые обращаются к наибольшему числу видов источников информации о милиции и которые уже в силу этого и должны, казалось бы, иметь наиболее определенное мнение по данному вопросу, но именно они и затрудняются с оценкой. Здесь, видимо, отражается то обстоятельство, что в категории “затруднившихся” содержится немало людей достаточно информированных, знакомых с альтернативными мнениями по обсуждаемому вопросу, однако так и не сделавших решающий выбор в пользу какого-то одного из них.

На основе данных Таблицы 1, после исключения источниковой кратности (точнее, приведения ее к единице путем пропорционального “сжатия” данных по каждому фактору в соответствии с кратностью для этого фактора), строится модель зависимости оценки милиции, даваемой жителем города, только от одного вида источника, **главного** для этого жителя (Табл. 2). Подобная модель представляет собой, по сути дела, эмпирическое двумерное статистическое распределение респондентов по видам источника и по значениям оценки ими деятельности милиции. Данные Таблицы 2, в которой все источниковые кратности для социально-

демографических факторов приведены к единице, отражают уже “чистый эффект” влияния соответствующего вида источника на оценку той части населения, которая рассматривает этот вид для себя как главный. На основе подобной модели уже имеется возможность получить точное и полное представление о связи положительной, отрицательной или нейтральной оценки, с одной стороны, и каждым из видов источника информации, с другой.

Стоит сказать несколько о практическом использовании Таблицы 2 в качестве модели связи. Прежде всего, отметим, что значения данных, приведенные в правой графе таблицы (“Всего”), по сути дела, те же, что и на гистограмме (Рис. 1), только на графике они даны с округлением. Другими словами, в этой таблице представлены удельные информационные вклады отдельных видов источника, причем совпадающих с относительной долей охвата населения этим видом. Такое совпадение обусловлено тем, что респондент в данном случае связывается моделью только с одним-единственным видом информирующих его источников — главным для него. Так, например, в расчете на каждую тысячу жителей г. Москвы приходится: 318 лиц, главный вид источника информации для которых — их собственный опыт (на графике — 32%); 62 лица, для которых главный вид — беседы с сотрудниками милиции (6% на графике) и т.д. Далее та же таблица показывает, сколько в среднем москвичей с общим для них определенным главным видом источника информации о милиции (это число, принимаемое в данном случае за 100%) дают положительную (соответственно — отрицательную, нейтральную) оценку деятельности милиции. Так, из тех 318 человек, кто полагается в подобной оценке прежде всего на собственный опыт и личные наблюдения, дают положительную оценку 45%, отрицательную — 25%, затрудняются с ответом — 30%. Здесь же приведены и абсолютные численности названных категорий респондентов, это, соответственно, 145, 84 и 92 человека.

На основе данных Таблицы 2 возможно проследить и обратную рассмотренной связь: для каждой части населения, определенным образом оценившей деятельность милиции, можно выяснить и численности каждой из долей лиц, использующих соответствующий вид источника информации. Так, например, среди тех 240 человек, кто негативно оценил деятельность милиции, 84 человека (35%) в оценке основываются прежде всего на личном опыте, 56 (23,2%) — на передачах телевидения и т.д. (При желании в таблицу можно поместить и эти процентные данные.)

Таблица 2.

Зависимость оценок, данных москвичами деятельности московской милиции, от главного для них вида источника информации о милиции

Вид источника информации жителя Москвы о деятельности московской милиции	Абсолютные и относительные доли жителей, считающих указанный вид источника для себя главным, а также давших следующую оценку милиции: (в расчете на 1000 лиц):							
	Положит.		Отрицат.		Затрудн.		ВСЕГО	
	Кол. лиц	%	Кол. лиц	%	Кол. лиц	%	Кол. лиц	%
1. Личные наблюдения и опыт	142	45	84	25	92	30	318	100
2. Передачи телевидения	68	32	56	26	90	42	214	100
3. Газеты	70	42	44	26	52	32	166	100
4. Передачи радио	54	41	22	17	56	42	132	100
5. Родные и знакомые	38	48	16	20	26	32	80	100
6. Сотрудники милиции	36	58	14	23	12	19	62	100
7. Случайные собеседники	12	43	4	14	12	43	28	100
В целом (все виды ист.)	420	42	240	24	340	34	1000	100

В завершении следует отметить, что, наряду с представленной здесь моделью, относящейся ко всему населению города (Табл. 2), аналогичные модели могут быть рассмотрены и для отдельных групп и слоев населения. Так, например, могут быть представлены модели-таблицы отдельно для социально-демографических категорий: для мужчин и для женщин, для молодых и для лиц старшего возраста, т.д. Кроме того, можно построить модели-таблицы, полностью аналогичные всем названным выше и также

основанным на оценке деятельности милиции, но уже не в целом, а только отдельных, интересующих направлений такой деятельности. (Анкетой предусмотрено учет таких частных оценок.) В итоге подобные модели позволяют отразить воздействие видов источника информации и на оценки отдельных сторон деятельности милиции, причем исходящие как от населения в целом, так и от составляющих его отдельных социально-демографических групп и слоев.

А.С. Михлин,

Заслуженный деятель науки России,

доктор юридических наук, профессор

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1. Принципиальные подходы к анализу гендерных проблем в уголовно-исполнительном законодательстве

Проблема гендерного равновесия, как известно, является междисциплинарной проблемой и поэтому может быть предметом различных наук. Однако, в каждой отрасли науки, а тем более в каждой отрасли правовой науки гендерная проблематика имеет свои аспекты и особенности, которые могут иметь принципиальный характер.

Такие особенности есть и в уголовно-исполнительном законодательстве. Как общее правило, в уголовно-исполнительном законодательстве, конечно, должно соблюдаться гендерное равновесие, то есть порядок и условия отбывания всех видов наказаний мужчинами и женщинами должны быть идентичными.

Это, разумеется, подразумевает предоставление осужденным женщинам всех тех социальных льгот, которые имеют женщины, не отбывающие наказания. Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 98 УИК осужденные

женщины обеспечиваются пособиями по беременности и родам на общих основаниях. Такая норма на первый взгляд может показаться излишней, поскольку осужденная женщина остается гражданкой Российской Федерации и не должна быть лишена подобного рода пособий. Однако до введения в действие Уголовно-исполнительного кодекса осужденные не получали ни пенсий, ни социальных пособий. Поэтому рассматриваемая норма не может быть признана излишней.

Можно указать также, что уголовно-исполнительный закон вслед за пенсионным и трудовым законодательством сохранил пониженный возраст трудоспособности женщин, которые в 55 лет признаются нетрудоспособными по возрасту. Поэтому они привлекаются к труду только с их согласия (ч. 2 ст. 103 УИК), пользуются удлиненным отпуском (ч. 5 ст. 104), не могут вопреки их воле привлекаться к бесплатным работам по благоустройству территории учреждения (ст. 106), имеют право на увеличенный до 50% гарантированный минимум заработной платы (ч. 3 ст. 107), привлекаются к профессиональной подготовке только по их желанию (ч. 2 ст. 108), могут быть направлены по их просьбе после освобождения в дома престарелых (ч. 3 ст. 80).

Сохраняя за осужденными женщинами права, предоставленные всем женщинам, закон предусматривает ряд норм, которые отражают определенные привилегии, предоставленные им по сравнению с осужденными мужчинами. В частности, предусмотрены некоторые дополнительные права и привилегии женщин, связанные с физиологическими и социальными различиями лиц того и другого пола. Это касается прежде всего такой важнейшей физиологической функции как рождение ребенка. Следует иметь в виду, что эта физиологическая функция тесно связана с социальной - с уходом за ребенком, его вскармливанием и воспитанием.

В уголовно-исполнительном законодательстве имеются также привилегии, предусмотренные для женщин по чисто гуманным соображениям.

Сравнивая условия отбывания наказания мужчин и женщин, необходимо отметить, что различные привилегии предоставляются по разным основаниям.

подавляющее большинство привилегий, мы относим их к **первой группе**, связаны с такой важной функцией женщины как **рождение и воспитание детей**. Здесь необходимо назвать отсрочку отбывания наказания беременной женщине и женщине, имеющей малолетних детей, неприменение к этим категориям женщин таких наказаний как обязательные работы и ограничение свободы, которые связаны с обязательным привлечением к труду.

К этой же группе относятся неприменение наказания в виде ареста, запрещение содержать беременных женщин и женщин, имеющих детей в доме ребенка в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа, а также на строгом режиме в тюрьме. В указанных случаях для осужденных установлены столь суровые условия, что содержание там беременной женщины и ребенка неизбежно скажется на состоянии их здоровья.

Заботой о здоровье беременной женщины и ребенка объясняется содержание женщин с детьми в улучшенных бытовых условиях в колонии (ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹), разрешение покупать продукты питания и предметы первой необходимости в магазине колонии на большую сумму (ст.88), получать большее количество посылок и передач (ст. 90), привлечение этих лиц к работе без оплаты труда по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий только по их желанию (ст. 106), а также сопровождение, при необходимости, сотрудниками исправительного учреждения освобождаемых беременных женщин и женщин с малолетними детьми при их следовании домой (ст. 181).

¹ Далее - УИК

Отдельно следует указать на право женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительных колоний, выезжать для их устройства у родственников или в детских домах (ст. 97). Здесь налицо мера, направленная как на обеспечение условий для устройства ребенка, так и для психологического комфорта матери, которая уверена в том, что ее ребенок устроен ею и находится в надлежащих условиях.

Вторая группа привилегий не связана с особым положением женщины как матери или будущей матери. Перечень этих привилегий значительно более скромный. Он включает, во-первых, увеличенную норму жилой площади в расчете на одного осужденного - 3 кв. м. для женщин вместо 2 кв. м. для мужчин (ст.99), во-вторых, право осужденной женщины, имеющей вне колонии несовершеннолетних детей-инвалидов на выезд для встречи с ними один раз в год. В-третьих, срок пребывания в помещении камерного типа для женщин ограничен тремя месяцами, в отличие от мужчин, которые могут водворяться в это помещение на срок до шести месяцев. Водворение женщин в единое помещение камерного типа вообще не предусмотрено. Кроме того, закон предусматривает для женщин, осужденных к лишению свободы, иную систему исправительных учреждений, включающую только два вида исправительных колоний для осужденных женщин - общего и строгого режимов (не считая колоний-поселений) и один вид воспитательных колоний для несовершеннолетних женского пола - только общего режима. Эта система создает более льготные условия для содержания женщин.

Первая из названных привилегий связана как с гуманными причинами, так и с наличием технических возможностей для такого размещения с учетом реальной загрузки исправительных колоний, предназначенных для содержания осужденных женщин. Остальные также основываются на гуманных соображениях, и, кроме того на презумпции, что женщина потенциально менее опасна для общества.

Как видим, большинство привилегий осужденных женщин связано с их важнейшей социальной функцией - рождением и воспитанием детей. Сохранение их не только целесообразно, но и необходимо.

После этих предварительных соображений перейдем к анализу конкретных различий в условиях отбывания наказания осужденных мужчин и женщин.

2. Порядок и условия содержания женщин в исправительных учреждениях разных видов. Сравнительные показатели судимости женщин и мужчин

Уголовно-исполнительное законодательство имеет своим предметом исполнение и отбывание наказания. По данным статистики, в 1999 году всеми судами Российской Федерации было осуждено 1 079008 чел., в том числе 144 247 женщин, что составляет 11,8% от всех осужденных. По видам наказания осужденные распределяются следующим образом:

Таблица 1.

Распределение осужденных по видам наказаний¹

Пол осужд.	Всего	Смерт. казнь + пож.л/с	Лишен. своб. всего	в т.ч. до 1 г.	в т.ч. св. 1 г. до 5 л.	в т.ч. св. 5 л. до 10 л.	в т.ч. св. 10 лет	Штраф	Условное осужден.	Друг. меры
Муж.	1079008	94	363302	27348	256323	67630	12001	42645	569542	103423
%	88,2	0,01	33,7	2,5	23,8	6,3	1,1	4,0	52,7	9,6
Жен.	144247	--	25496	2078	18225	4781	412	22493	83125	13133
%	11,8	--	17,7	1,4	12,7	3,3	0,3	15,6	56,9	9,8

Из приведенных данных видно, что суды назначают женщинам значительно более мягкие наказания, чем мужчинам. Так, если лишение свободы

¹ Таблица 1 составлена на основе данных статистической формы 10/1 Министерства юстиции Российской Федерации за 1998 г.

назначалось 33,7% всех осужденных мужчин, то у женщин этот показатель почти в два раза меньше (17,7%). Зато все другие меры назначаются женщинам относительно чаще, чем мужчинам. Особенно велика разница у осужденных к штрафу (почти в 4 раза); достаточно велика она и у осужденных условно (на 4,2%).

Для анализа контингента отбывающих наказание в виде лишения свободы представляют интерес данные о распределении осужденных по видам лишения свободы. Это тем более важно для гендерной экспертизы уголовно-исполнительного законодательства, ибо система исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания осужденными мужчинами и женщинами имеет существенные отличия. Приведем соответствующие данные.

Таблица 2.

Распределение осужденных к лишению свободы по видам режима исправительных учреждений¹ (в %)

Пол	Колонии-поселения	ИК общего режима	ИК строгого режима	ИК особого режима	Тюрьма	ВК общего режима	ВК усиленного режима	Итого
Мужской	3,5	47,4	40,0	3,2	0,5	5,3	0,1	100,0
Женский	2,8	87,5	4,8	--	Единс луч.	4,9	--	100,0

В соответствии со ст. 74 УИК установлена **система уголовно-исполнительных учреждений**, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными-женщинами, отличная от системы учреждений, предназначенных для отбывания этого наказания мужчинами. Эти отличия характеризуются как видами учреждений, так и их количеством. Из 731 колонии для содержания женщин предназначено 33. Однако, наличие всего лишь 33 женских колоний ставит женщин в значительно худшее положение с точки зрения места отбывания наказания. Поскольку

¹ Таблица составлена по материалам специальной переписи осужденных 1999 г.

далеко не в каждом регионе имеются женские колонии - осужденных женщин приходится этапировать к месту отбывания наказания часто на довольно длительные расстояния. Это обстоятельство предусмотрено ст. 73 УИК. Как же обстоит дело фактически? По данным переписи, в пределах субъекта Федерации по месту жительства отбывали наказание 81,2% мужчин и 49,4% женщин. Еще 2,3% мужчин и 3,5% женщин содержались по месту их осуждения. Но 12,8% мужчин и 43,6% женщин отбывали наказание не по месту жительства и не по месту осуждения (остальные не имели постоянного места жительства). Таким образом, мы видим, что женщины оторваны от места их жительства в 3,4 раза чаще, чем мужчины. Это имеет целый ряд негативных последствий. Осложняются их свидания с членами семьи. Полностью исключаются возможности контакта с трудовыми коллективами, в которых они работали до осуждения. Создаются трудности и для социальной адаптации после освобождения.

В связи с отсутствием исправительных колоний особого режима и воспитательных колоний усиленного режима закон предоставляет возможность женщинам отбывать наказание в лучших условиях, чем мужчинам. Но все ли эти льготы фактически получают женщины? Проведенная перепись осужденных позволила ответить на этот вопрос.

Ст. 104 УИК гарантирует осужденным право на оплачиваемый отпуск: для отбывающих наказание в воспитательных колониях - 18 рабочих дней, для всех остальных - 12. При определенных условиях некоторым категориям время отпуска может быть увеличено на 6 дней. Ст. 97 УИК устанавливает категории осужденных, которым разрешается выезжать на время отпуска из колонии. Фактически использовали это право чуть более одного процента осужденных. Большинство осужденных не имело право на отпуск (68,2% мужчин и 58,3% женщин). Многим отпуск не полагался, так как они не проработали времени, дающего право на отпуск. Из числа имевших право на выезд определенная часть не имела денег для выезда (1,9% мужчин и 2,5% женщин), другие не получили разрешения из-за отрицательной

характеристики (4,3% мужчин и 0,7% женщин), остальные предпочли провести отпуск в колонии (многим из-за отсутствия родственников просто некуда было ехать).

Нельзя не отметить, что ситуация существенно ухудшилась по сравнению с предыдущей переписью 1994 г. , когда 6% женщин и 3% мужчин выезжали в отпуск.

Ст. 97 УИК предоставляет осужденным и право на краткосрочный выезд из исправительного учреждения в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье). Такие исключительные обстоятельства были лишь у 4,9% мужчин и 2,6% женщин. Из их числа выезжали 12,2% мужчин и 19,2% женщин. Остальные не выезжали из-за отсутствия денег (2,4% мужчин и 7,7% женщин) и по другим причинам. 4,7% мужчин и 3,8% женщин не получили разрешения из-за плохой характеристики.

Определенная часть осужденных получала денежные переводы либо отправляла деньги семье. Получали переводы 10,6% мужчин и 11,3% женщин. Как видим, отличия не существенны. Интересны данные об отправлении переводов. Хотя общее количество осужденных, помогавших семьям, незначительно - женщины делали это чаще (2,2%), чем мужчины (1,6%). Правда, и зарабатывают они несколько лучше мужчин, поскольку не получающих заработка среди них меньше (39,1% против 89,8% у мужчин). После всех удержаний у женщин оставалось 43,4 руб., у мужчин - 31,6 руб. Если же считать только работающих - мужчины получали в среднем 81,4 руб., а женщины - 136,4 руб.

Примерно такой же вывод можно сделать из анализа данных о наличии у осужденных денег на лицевом счету. 60,8% мужчин и 46,9% женщин вообще не имеют денег на лицевых счетах. А из тех, кто имеет - 33,4% муж-

чин и 46,4% женщин имеют до 200 руб. Больше 200 руб. имеют менее 6% мужчин и 11,3% женщин.

Таким образом мы видим, что материальное положение женщин в колониях лучше, чем мужчин. Объясняется это в первую очередь обеспеченностью работой большего процента осужденных среди женщин. Так, среди мужчин обеспечены работой постоянно 41,3%, непостоянно - 10,6%; среди женщин - соответственно - 56,2 и 13,6%. Кроме того, среди мужчин больше нетрудоспособных - 15,5%, а среди женщин - 10%. Лучшая обеспеченность работой женщин, в свою очередь, объясняется отраслевой принадлежностью производства. Женщины в большинстве своем (49,6%) заняты швейным производством, которое в меньшей мере испытывает на себе кризисные явления.

Приведем данные о характеристике осужденных мужчин и женщин во время отбывания наказания. За последний год отбывания наказания поощрялись 37,7% женщин и 32,9% мужчин. В это же время 31,5% женщин и 37,9% мужчин имели взыскания. По мнению администрации исправительных учреждений добросовестно относятся к труду 55,9% женщин и только 41,6% мужчин. Отказываются работать 6% мужчин и лишь 1,1% женщин. Характеристика отношения к труду, исчисленная в условных баллах, выглядит так: у женщин - 4 балла, у мужчин - 3,6 балла. В целом положительную характеристику получили 39,6% женщин и 34,6% мужчин; среди женщин 1,8% характеризуются как злостные нарушители, среди мужчин таких 4,4%. Средняя оценка в баллах у женщин - 3,6 балла, у мужчин - 3,4 балла.

Приведенные данные показывают, что во время отбывания наказания осужденные женщины характеризуются лучше мужчин практически по всем показателям.

3. Порядок и условия содержания беременных женщин и женщин, имеющих детей в доме ребенка.

Необходимо прежде всего отметить, что закон содержит ограничения по применению отдельных наказаний к беременным женщинам и женщинам, имеющих малолетних детей, каковыми считаются дети до 8 лет. Эти ограничения вызваны разными причинами.

Ст. 49 и 53 УК запрещают назначать беременным женщинам и женщинам, имеющих малолетних детей, обязательные работы и ограничение свободы. Это ограничение объясняется тем, что обязательные работы и ограничение свободы связаны с привлечением к труду, что неизбежно оторвет женщину от заботы о ребенке и воспитания его. В настоящее время эти наказания еще не введены в действие, но после того, как они начнут применяться это может поставить суд в затруднительное положение. Появление ребенка в семье всегда связано с дополнительными расходами, что само по себе затруднительно для семей со средним достатком. Поэтому назначение беременной женщине или женщине, имеющей ребенка, вместо названных наказаний, штрафа вряд ли можно считать выходом из положения.

Нельзя в подобной ситуации назначать и исправительные работы. Хотя Уголовный кодекс и не предусматривает ограничений, ч. 5 ст.42 УИК содержит норму, свидетельствующую о невозможности отбывания наказания в виде исправительных работ беременной женщиной. В случае наступления беременности осужденной в период отбывания наказания уголовно-исполнительной инспекции предписывается направить в суд представление об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам. Отсрочка, как известно, предоставляется до достижения ребенком восьмилетнего возраста.

В таких условиях у суда только две возможности - либо назначить наказание условно, либо направить женщину для отбывания наказания в виде лишения свободы. Очевидно, что второй вариант вряд ли можно признать приемлемым, не говоря уже о том, что отсрочка отбывания наказания распространяется и на осужденных к этому наказанию.

Ст. 54 УК содержит запрещение применять к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей до восьмилетнего возраста, и такое наказание как арест. Здесь причина другая, тем более, что отбывающие наказание в виде ареста не имеют права работать. Здесь дело в том, что для отбывающих это наказание установлены столь суровые условия, что помещение в них беременной женщины, кормящей матери, а тем более ребенка, неизбежно отрицательно скажется на их здоровье. Поэтому к данным категориям осужденных арест не применяется.

По этой же причине запрещено содержать беременных женщин и женщин, имеющих детей в доме ребенка, в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа в исправительных колониях, а также на строгом режиме в тюрьме.

Как известно, осужденные мужчины водворяются в помещения камерного типа на срок до 6 месяцев, осужденные женщины - на срок до трех месяцев.

Часть 5 ст. 88 УИК разрешает беременным женщинам и кормящим матерям приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, в пределах полутора минимальных размеров оплаты труда с учетом надбавок, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Эта норма принята в связи с тем, что у беременных женщин и кормящих матерей может не быть заработанных денег. Кроме того, установленная кодексом норма существенно повышена, и она не зависит ни от вида режима колонии, ни от вида условий отбывания наказания, в которых содержится осужденная.

Часть 5 ст. 99 УИК предусматривает норму о содержании беременных женщин и кормящих матерей в улучшенных жилищно-бытовых условиях в колонии. На практике такие возможности изыскиваются в зависимости от местных возможностей. Так, в помещениях, где проживают беременные женщины, как правило, устанавливаются одноярусные кровати, для них подбираются более светлые, сухие и просторные помещения, их стараются

размещать в маломестных теплых комнатах. Между тем, было бы целесообразно конкретизировать это правило в законе. В этой же статье предусмотрено, что беременным женщинам и кормящим матерям устанавливаются повышенные нормы питания, которое предоставляется бесплатно.

4. Содержание детей осужденных женщин в домах ребенка при колонии.

Хотя в действующем законодательстве установлена возможность отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, этот институт распространяется не на всех осужденных женщин, и проблема содержания их детей сохраняет свою актуальность.

Из 33 имеющихся колоний для содержания женщин в 10 организованы дома ребенка. Беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей, направляются для отбывания наказания именно в эти колонии, независимо от вида режима, назначенного судом.

Ст. 100 УИК Российской Федерации сохранила порядок содержания детей в доме ребенка при колонии до трех лет с оставлением их до освобождения матери, если ей к этому времени осталось отбывать не более одного года. Более того, в ст. 100 УИК появилась очень важная норма о праве матери общаться со своими детьми в свободное от работы время без ограничения.

Нельзя не отметить еще одной важной новеллы УИК 1997 г. Она касается совместного проживания матерей с детьми. Норма эта была введена в ст.100 УИК, но в весьма осторожной редакции: «может быть разрешено совместное проживание с детьми». Это означает, что приведенное правило сформулировано не как субъективное право осужденной, а как законный интерес¹, реализация которого зависит от усмотрения администрации. Можно согласиться с тем, что такое право следует предоставлять не всем

¹ См. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М. 1992. С. 86.

осужденным, а лишь тем, кто характеризуется заботой о своем ребенке, а это, к сожалению, характерно далеко не для всех отбывающих наказание. Конечно, нельзя предоставлять такого права осужденным, больным туберкулезом, венерическими заболеваниями, страдающим психическими заболеваниями, не исключающими вменяемости. Поэтому в принципе проживать с детьми могут не все матери. Но вместе с тем, такая формулировка имеет и недостатки. Создание условий для совместного проживания требует известных усилий, некоторых, хотя и небольших капиталовложений. Поэтому начальники колоний не торопятся создавать такие условия.

Еще один важный вопрос связан с получением осужденными женщинами пособий на детей. Выплата таких пособий не вызывает сомнений, но следует подумать об ограничении права женщин на расходование полученных денег. Ребенок в доме ребенка находится на полном иждивении государства, а некоторые матери тратят пособия на покупку сигарет, косметики. Видимо, было бы правильнее учитывать эти деньги отдельно и разрешить тратить их именно на нужды ребенка либо зачислять на лицевой счет матери в специальный фонд, который выдается при освобождении.

С содержанием ребенка в доме ребенка связано еще одно важное право, которое предоставлено осужденной женщине. Речь идет о ее праве выезжать для устройства ребенка у родственников или в детских домах, когда ребенку исполняется три года, а мать должна отбывать еще наказание в течение срока, большего, чем один год (ст. 97). Представляется, что приведенная норма имеет важное значение не только для обеспечения устройства ребенка, но и для дальнейшего перевоспитания матери. Нам представляется, что эта мера направлена не только на обеспечение условий для устройства ребенка. Она имеет важное значение для психологического комфорта матери, которая уверена в том, что ее ребенок устроен ею и находится в надлежащих условиях. Это может снять тревожность и депрессию матери, которая передает ребенка для его устройства, но не принимает в этом участия сама.

5. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 8 лет.

Отсрочка отбывания наказания введена в российское законодательство в 1992 г. Хотя этот институт сравнительно новый, он успел себя хорошо зарекомендовать в практике деятельности исправительных учреждений. Смысл данного института в том, чтобы создать более благоприятные условия для рождения и воспитания ребенка.

Сущность отсрочки отбывания наказания заключается в том, что осужденная женщина - беременная или имеющая ребенка в возрасте до восьми лет, - может быть освобождена от отбывания наказания и направлена домой с момента, когда по закону ей предоставляется отпуск по беременности и родам до достижения ребенком восьмилетнего возраста.

Данный институт распространяется на осужденных, в отношении которых приговор вступил в законную силу. Для предоставления отсрочки не имеет значения, находится ли ребенок с матерью в доме ребенка при колонии или у родственников либо в детском доме, есть ли у ребенка отец или другие родственники, способные обеспечить за ним уход.

Отсрочка не может быть предоставлена женщине, если она лишена родительских прав на данного ребенка, а также женщине, осужденной на срок свыше 5 лет лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление против личности. Отрицательное решение вопроса законодатель, таким образом, связывает одновременно с несколькими показателями уголовно-правовой характеристики - категория совершенного преступления (тяжкое или особо тяжкое), срок назначенного наказания (свыше 5 лет лишения свободы) и объект преступления (личность человека).

Поскольку отсрочка предоставляется в первую очередь, исходя из интересов ребенка, должны быть проверены условия, в которых женщина с ребенком будет жить после освобождения. Это значит, что родственники осужденной должны дать письменное согласие на совместное проживание с ней и ребенком. Самостоятельное проживание женщины возможно, если

жилая площадь принадлежит ей на праве собственности (например, дом в деревне, приватизированная квартира). Нужно выяснить также, какие источники дохода имеются у женщины и сможет ли она содержать себя и ребенка.

Решая вопрос о направлении в суд представления об отсрочке, администрация исправительного учреждения должна быть уверена, что осужденная использует отсрочку на благо ребенка, и не совершит нового преступления. Об этом можно судить, в частности, по поведению осужденной во время отбывания наказания, по ее отношению к ребенку (если он находится в доме ребенка при исправительной колонии). Исходя из этого, следует прийти к выводу, что отсрочка не может предоставляться злостным нарушительницам установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с пунктом "б" ст. 4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729, контроль за поведением осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, которым судом отсрочено отбывание наказания, осуществляют уголовно-исполнительные инспекции.

По прибытии к месту жительства женщина обязана в трехдневный срок встать на учет в уголовно-исполнительную инспекцию. Инспекция в течение трех суток направляет в исправительную колонию подтверждение о прибытии осужденной. При неприбытии женщины в течение двух недель с момента освобождения уголовно-исполнительная инспекция осуществляет первоначальные розыскные мероприятия. Если эти мероприятия не привели к установлению места пребывания осужденной - объявляется ее розыск.

Во время срока отсрочки контроль за поведением женщины, проявлением ею заботы о ребенке осуществляет уголовно-исполнительная инспекция и участковый инспектор милиции. Закон предусматривает возможность применения санкций к осужденной, если она уклоняется от вос-

питания ребенка или ухода за ним либо допускает нарушения общественного порядка. В этом случае ей объявляется предупреждение.

Если после объявления предупреждения женщина продолжает уклоняться от воспитания ребенка, ухода за ним либо вновь допускает нарушение общественного порядка, а также в случае, если она отказалась от ребенка, - уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства направляет в суд представление об отмене отсрочки отбывания наказания. Такое же представление вносится, если осужденная самовольно покинула место жительства и скрылась. При установлении этих фактов суд может направить осужденную для отбывания наказания, назначенного приговором суда.

По достижении ребенком восьмилетнего возраста уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление, в котором характеризует осужденную с точки зрения ее поведения по месту жительства, отношения к труду, если она работала, проявления заботы о ребенке. Суд оценивает эти обстоятельства, а также характер совершенного преступления, отбытый и неотбытый срок, характеристику во время отбывания наказания и выносит определение о досрочном освобождении осужденной от наказания, замене наказания более мягким видом наказания либо о возвращении осужденной в исправительное учреждение для отбывания наказания, назначенного приговором суда.

При возобновлении отбывания наказания суд вправе полностью или частично зачесть время отсрочки отбывания наказания в срок наказания либо отказать в этом. При совершении в период отсрочки нового преступления наказание назначается по правилам совокупности приговоров.

Выводы и предложения

Проведенный анализ показал, что в основе своего действующее уголовно-исполнительное законодательство отвечает принципу гендерного равновесия и не требует кардинальных изменений. Вместе с тем, установлено, что целый ряд норм предоставляет женщинам преимущества и при-

вилегии, большинство которых связано с беременностью женщины, рождением и воспитанием детей. Представляется, что эти преимущества обоснованны и необходимы.

Наряду с этим у осужденных женщин имеются некоторые преимущества, которые не связаны с беременностью и рождением ребенка. Некоторые из них (отбывание наказания в менее суровых условиях) объясняются меньшей общественной опасностью женщин и отсутствием необходимости содержать тех из них, кто совершил преступление при особо опасном рецидиве в условиях особого режима, а тех, кто виновен в преступлении, совершенном при рецидиве и опасном рецидиве, - в колониях строгого режима. По тем же причинам можно признать обоснованным и неприменение к осужденным женщинам взысканий в виде водворения в помещение камерного типа на срок более 3 месяцев или водворение в единое помещение камерного типа.

Вместе с тем, хотелось бы предложить внести некоторые изменения в законодательство:

1. Разрешить отсрочку отбывания наказания мужчинам, осужденным за преступления небольшой и средней тяжести, если они имеют детей в возрасте до 8 лет, у которых нет матери. Если оба родителя отбывают наказание в виде лишения свободы, отсрочка предоставляется одному из них по решению суда.

2. Разрешить осужденным мужчинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, один краткосрочный выезд в год для свидания с ними на срок до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно.

3. Организовать при женских колониях общего режима изолированные участки для содержания женщин, осужденных к лишению свободы в колониях строгого режима, а также участки для содержания лиц женского пола, которым к моменту вынесения приговора не исполнилось 18 лет. Ус-

тановить, что эти лица содержатся на условиях режима, определенного им приговором суда.

4. Не предоставлять отсрочки отбывания наказания осужденным, не прошедшим курса принудительного лечения от алкоголизма и наркомании, лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, а также не прошедшим обязательного полного курса лечения открытой формы туберкулеза, венерического заболевания, токсикомании и ВИЧ-инфицированным.

5. Разрешить осужденным, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, забирать своих детей через один - два месяца после освобождения из исправительного учреждения, чтобы использовать это время для трудового и бытового устройства.

6. Предусмотреть в законе отдельное содержание в отдельных отрядах беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных колониях.

7. Предусмотреть, что беременные женщины и женщины, имеющие детей в домах ребенка при исправительных колониях, проживают в улучшенных условиях: в маломестных комнатах до 10 человек при норме жилой площади не менее 4 кв. м. на человека.

8. Установить, что осужденные женщины, получающие государственные пособия на детей, могут расходовать эти средства только на приобретение в магазине колонии продуктов питания или детских вещей. Неизрасходованные суммы зачисляются на лицевой счет осужденных и выдаются при освобождении.

Г.Г. Заиграев,
доктор социологических наук,
профессор

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ

НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ АЛКОГОЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ

Суть общественного мнения заключается в возможности гласного, публичного высказывания населения по злободневным проблемам и во влиянии этой позиции на управленческую деятельность. Содержание и степень влияния общественного мнения во многом определяется, с одной стороны актуальностью, общественной значимостью объекта воздействия, т.е. от того, насколько реальные жизненные процессы, подлежащие оценке населением, затрагивают насущные интересы и потребности людей, с другой - социально-политической ориентацией и установками субъекта управления, его готовностью использовать общественное мнение в своей деятельности.

Общественное мнение оказывается тем более эффективным, чем больше оно дает конструктивные советы относительно способов разрешения тех или иных проблем и тем самым побуждает управленческие органы корректировать свою деятельности.

Указанная зависимость объекта воздействия и субъекта управления особенно отчетливо просматриваются при изучении такого социального явления как массовая алкоголизация населения, характера влияния на ее масштабы и динамику государственной алкогольной политики. Среди управленческих органов, призванных воздействовать на процесс алкоголизации населения с целью минимизации ее негативных последствий заметное место занимают органы внутренних дел, чьей непосредственной функцией является предупреждение и пресечение разного рода противоправных действий на почве злоупотребления алкоголем, а также в сфере производства и реализации алкогольной продукции.

Принятие управленческих решений, призванных обеспечить успешную реализацию названной функции ОВД, предполагает наличие не только возможно полной статистической информации, характеризующей состояние и динамику алкогольной ситуации, но и достаточно достоверной со-

циологической информации, позволяющей ответить на вопросы о причинах распространения пьянства, в т.ч. среди различных социальных групп и слоев населения, возможных путях и средствах позитивного воздействия на ситуацию, а также об отношении населения к предпринимаемым мерам по борьбе с пьянством.

Настоятельная необходимость более активного использования общественного мнения в управленческой деятельности по решению проблемы пьянства и связанных с ним правонарушений обусловлена двумя, на наш взгляд, очень важными моментами.

Первый, это значительно возросшая озабоченность общественности нынешней алкогольной ситуаций, что связано с необычно резким ее обострением за 90-е годы. При социально допустимом по оценкам экспертов Всемирной организации Здравоохранения уровне потребления в 8 литров абсолютного алкоголя на душу населения (превышение которого уже несет в себе тяжелые последствия, в т.ч. и необратимые генетические изменения) в России душевое потребление в 1999 году достигло почти 13 л.а.а. (в 1984г. - 10,3 л.а.а.). Столь высокий уровень алкоголепотребления в сочетании с крайне неблагоприятной структурой потребляемых напитков (доля крепких напитков ныне составляет 82% против 49% в 1984 г.), а также очень низким их качеством (по проверкам контрольных органов в 1997-1998 гг от 40 до 60% реализуемой водки по своему качеству не отвечала требованиям ГОСТа или была фальсифицированной) вызвал к жизни намного более тяжкие, чем в цивилизованных странах последствия алкоголизации населения и повышенную интенсивность их проявлений. Только по причине алкогольных отравлений за 1993-1999 гг. в стране погибло 283 тыс. человек. По вине лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения за этот период было убито около 160 тыс. чел. Свыше 70 тысяч умерло от заболеваний алкоголизмом.

Итого за 7 лет только по причинам, в основе которых ведущую роль играет злоупотребление алкоголем, страна потеряла 513 тыс. человек.

При этом, что особенно важно, наиболее высокие показатели смертности наблюдаются среди трудоспособного населения. Если в целом среди населения смертность возросла в 1,5 раза, то среди людей трудоспособного населения – в 1,8 раза. Преждевременная смертность поражает в основном мужчин – среди них она в 5 раз выше, чем среди женщин.

Второй момент. Среди причин многих неудач и провалов ранее осуществленных крупномасштабных акций по уменьшению пьянства в стране помимо неблагоприятных объективных условий важное место занимают ошибки и просчеты государственной алкогольной политики, вызванные прежде всего, ее слабым научно-информационным обоснованием. Алкогольная политика нашего государства на всех, наиболее значимых этапах борьбы с пьянством (1958, 1972, 1985гг.) строилась, как правило:

а) при игнорировании фактора отношения населения к алкоголю. Дело в том, что в массовом сознании потребление алкогольных напитков выступает как социальная норма, как социально приемлемое, хотя во многих случаях и иллюзорное средство удовлетворения многих потребностей людей, как неотъемлемая часть бытовой культуры и образа жизни. И не считаться с этим нельзя.

б) без учета мнения населения относительно возможных мер по уменьшению размеров пьянства и его негативных последствий. Более того, на всех этих этапах государственные органы, используя всевозможные средства пропаганды и агитации, формировали вокруг потребления алкоголя общественное мнение, по своему содержанию не отвечающему действительным интересам борьбы с пьянством, ценностным ориентациям и установкам основной массы населения. В результате широкие слои населения вместо поддержки государственной алкогольной политики, как правило, оказывались в рядах ее оппонентов, открыто или внутренне противодействуя осуществляемым антиалкогольным усилиям. В итоге, нарушалось одно из основных условий эффективности мер по деалкоголизации населения – сознательная их поддержка широкой общественностью.

Ныне алкогольная политика государства вступила в новый этап заметной ее активизации. В связи с принятием Указа Президента РФ и Постановления Федерального правительства “Об усилении государственного регулирования в сфере производства и оборота спирта и алкогольной продукции” от 6 октября 1998 г. в стране развернулась достаточно широкая кампания борьбы с нелегальным производством спиртных напитков, по наведению порядка на алкогольном рынке.

Каково отношение населения к намеченной Федеральным правительством программы практических действий по искоренению нелегального алкогольного бизнеса? Как общественное мнение оценивает ход реализации этой программы и какую в связи с этим дает оценку деятельности правоохранительных органов?

Что предлагает население, чтобы придать развернувшимся антиалкогольным усилиям более эффективный характер и что по его мнению может вызвать реальные позитивные изменения в нынешней алкогольной ситуации в целом?

С целью получить ответы на перечисленные и ряд других вопросов, в феврале 1999 года в 7 регионах страны нами было проведено изучение общественного мнения. Всего было опрошено около 1,5 тыс. человек, представляющих различные слои населения. Также был проведен опрос 150 экспертов из числа сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, налоговой полиции и налоговой инспекции, руководящих работников финансовых органов, торговли и ликеро-водочных заводов. Кроме того, были изучены опубликованные в областных газетах материалы, освещающие ход выполнения указанных правительственных решений.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет судить о том, что проводимая ныне алкогольная политика государства и по ее направленности, и по содержанию осуществляемых антиалкогольных мероприятий вызывает к ней довольно критическое отношение населения, и что эта политика нуждается в значительной ее корректировке. О чем идет

речь? Прежде всего, о том, что население высказывает серьезную озабоченность не только наполнением алкогольного рынка некачественной, фальсифицированной водкой, в основном нелегального производства (на это указало 75,0% опрошенных респондентов) и борьба с чем является главным содержанием нынешней алкогольной политики. Столь же большую озабоченность вызывает и ряд других аспектов алкогольной ситуации. Так, почти 2/3 опрошенных высказывает тревогу в связи с тем, что ныне массовое приобщение к потреблению алкоголя происходит в более раннем возрасте, что чревато более серьезными последствиями. Весьма значительная часть опрошенных (свыше 40%) указала на отсутствие разумных ограничений в доступности спиртных напитков, а также высказала недовольство тем, что в структуре потребляемых алкогольных напитков мизерную долю (около 6%) составляют качественные виноградные вина.

В ходе данного исследования были выявлены и некоторые другие особенности в характеристике нынешней алкогольной ситуации в России, которые нельзя не учитывать при формировании государственной алкогольной политики.

Речь идет, прежде всего, об отношении государственных органов, в том числе и правоохранительных, различных социальных институтов и организаций к самой проблеме пьянства.

Две трети экспертов (а это люди, функционально постоянно сталкивающиеся с проявлением проблемы), а также каждый третий опрошенный житель отметил то, что в современном Российском обществе вокруг потребления алкоголя сформировалось морально-психологическая атмосфера, в которой преобладают равнодушие и терпимость к проявлениям пьянства, и практически не пресекается постоянная реклама алкоголя в средствах массовой информации. То есть, сложилась атмосфера, выступающая существенным фактором алкоголизации населения. Весьма интересным в плане определения основных направлений государственной политики представляется мнение опрошенных о распространенности самогонварения в стра-

не.

Выяснилось, что в среднем 20% респондентов (среди жителей села - 37,7%, поселков городского типа - 43%) отметили массовый характер самогонварения в районах их проживания; кроме того, 30% опрошенных (а среди сельских жителей - 36,7%) указали на то, что самогонварение хотя и не имеет широкого распространения, но за последнее время явно наблюдается заметный его рост. То есть, в среднем каждый 2-ой опрошенный, а среди сельских жителей каждые трое из четырех отмечают либо наличие массового самогонварения, либо наблюдаемую ныне тенденцию его роста. Кстати, мнение опрошенных нами респондентов о состоянии самогонварения подтверждается результатами других исследований. Так, проведенным в феврале прошлого года сотрудниками УВД Омской области изучением общественного мнения в двух районах (Абатском и Ишимском), установлено, что из двух тысяч опрошенных 62% отметили, что они сами занимаются изготовлением алкогольных напитков в домашних условиях.

Аналогичные показатели распространенности самогонварения среди сельского населения выявлены и в двух районах Орловской и Липецкой областей.

По мнению опрошенных нами экспертов от 60 до 70% сельских жителей этих районов либо сами изготавливают самогон, либо покупают его у знакомых.

Таким образом, результаты общественных опросов позволяют судить о том, что в развернувшейся работе по наведению порядка в сфере производства и оборота спирта и алкогольной продукции, в деятельности правоохранительных органов помимо борьбы с нелегальным алкогольным бизнесом явно вырисовывается еще одно направление - борьба с самогонварением с целью сбыта. Отметим при этом, что эта борьба невероятно затруднена в связи с тем, что официально разрешенное изготовление спиртного в домашних условиях для личного пользования создает благоприятную почву для его реализации на стороне.

Высказанная выше озабоченность общественного мнения сложившейся в 90-е годы алкогольной ситуацией во многом обусловила в целом позитивное отношение большинства населения к решению Федерального правительства установить жесткий государственный в сфере производства и оборота спирта и алкогольной продукции. Многие из опрошенных считают, что только таким путем можно навести порядок на алкогольном рынке. В то же время почти треть респондентов высказала сомнения относительно эффективности таких административных мер. Свою позицию они объясняют тем, что без одновременного использования других, и, прежде всего, экономических мер, любые жесткие меры не дадут ожидаемого эффекта.

Кроме того, и среди тех, кто высказал положительное отношение к намерениям правительства покончить с нелегальным производством и оборотом водочной продукции, больше половины не верят в возможность их успешной реализации в жизнь. Среди причин, по которым государство не сможет достаточно эффективно противодействовать незаконному производству и обороту алкоголя, опрошенные жители и эксперты в качестве наиболее важных называют:

- довольно распространенную коррумпированность органов исполнительной власти;
- несовершенство нормативно-законодательной базы, не позволяющей привлечь всех правонарушителей в этой сфере к строгой уголовной ответственности;
- отсутствие четкого и слаженного механизма реализации принимаемых законов и правительственных решений.

На наш взгляд, скептическое отношение общественного мнения к возможностям практической реализации намеченной программы действий по наведению порядка на алкогольном рынке, вполне адекватно отражает реальное положение дел. Например, за 1995-1997 гг. по вопросам, касающимся различных аспектов сферы производства и оборота спирта и водоч-

ной продукции, было принято 4 Федеральных закона, 5 указов президента РФ и свыше 50 постановлений федерального правительства. Однако сколько-нибудь заметных позитивных изменений на алкогольном рынке за этот период не произошло. К октябрю 1998 г. 2/3 всех реализуемых населению ликеро-водочных изделий по-прежнему составляла продукция нелегального производства.

Многие из высказавших свое отрицательное отношение к предпринимаемым жестким мерам правительства считают, что подобные меры приведут лишь к значительному росту цен на спиртное, что, в свою очередь поставит легальных производителей спиртного в еще менее выгодные условия по сравнению с “теневым” производством, и тем самым заметно расширит экономические предпосылки нелегального алкогольного бизнеса.

В плане недопущения подобной ситуации подавляющее большинство опрошенных экспертов придерживалось следующего мнения: для усиления позиций легальных производителей, а также в целях обеспечения поддержки алкогольной политики населением целесообразно пойти на определенное снижение акцизов на производимую алкогольную продукцию, что позволит сохранить существующие цены на крепкие спиртные напитки.

Результаты реального практического претворения в жизнь взятого правительством курса на упорядочение положения дел в сфере производства и оборота спирта и алкогольной продукции во многом подтвердили обоснованностью приведенных выше оценок общественного мнения.

Развитие алкогольной ситуации за 1999 год и первую половину 2000 года показывает, что в алкогольной ситуации сколько-нибудь заметных позитивных изменений за этот период не произошло. Вначале скоординированными и жесткими мерами различных силовых ведомств удалось существенно изменить ситуацию на алкогольном рынке, уменьшить здесь долю нелегальной продукции с 60-65% до 30%. О масштабах административных

усилий, предпринятых в этом направлении, можно судить хотя бы по следующим данным: только за 1999 год правоохранными органами было выявлено 608 тыс. фактов правонарушений в сфере производства и реализации алкогольной продукции, обнаружена и пресечена деятельность 4 тысяч 910 подпольных цехов и кустарных производств и возбуждено свыше 9 тысяч уголовных дел.

Однако завоеванные на алкогольном рынке позиции правительству закрепить не удалось.

В государственной алкогольной политике вновь возобладали фискальные интересы. В стремлении увеличить денежные поступления в бюджет от реализации водочной продукции правительство повышает акциз на водку во 2-ой половине 1999 года на 20%, а с 1 января 2000 г. еще на 40%. Непомерно высокие ставки акцизов привели к значительному росту цен на спиртные напитки, а вместе с этим к созданию более благоприятных условий для теневого нелегального бизнеса, удельный вес которого на алкогольном рынке вновь стал расти и достиг ныне 40%. Соответственно стали расти и размеры негативных последствий алкоголепотребления. Например, отравления алкоголем за 1 полугодие 2000 г. выросло на 45% и т.д. Другим серьезным недостатком алкогольной политики является то, что она по своему содержанию практически не касается других, более важных аспектов проблемы, не направлена на восстановление ранее действовавшей социальной системы профилактики и борьбы с пьянством и алкоголизмом. Как показал повторный социологический опрос, проведенный летом 2000 г. в тех же 7 регионах страны, для большинства населения проблема пьянства остается одной из самых острых социальных проблем. Более того, по мнению почти половины опрошенных пьянство за последние 1,5-2 года получило еще большее распространение.

В целом же ряде регионов страны алкогольная ситуация заметно ухудшилась, значительно расширилась нелегальная продажа спиртных на-

питков. Так, показатели роста случайных отравлений алкоголем в Курской области в 1,5 раза превосходили средние по России показатели, в Бурятии – в 5,8 раза, в Тамбовской области – в 6 раз, в Архангельской – в 6,5 раза, в Республике Марий-Эл – в 7,4 раза, в Вологодской – в 20 раз.

Как и год назад, в нынешней алкогольной обстановке людей больше всего тревожит:

- наполнение рынка фальсифицированной водкой;
- высокая смертность людей по причинам, связанным с потреблением алкоголя;
- раннее приобщение к алкоголю подростков;
- рост числа больных и нравственно-деградированных на почве алкоголизма.

Таким образом, масштабы и тенденции алкоголизации населения России, серьезная тревога общественного мнения ее разрушительным действием на физическое, нравственное здоровье и судьбы нации диктуют настоятельную необходимость радикальных изменений в политике государства по решению столь сложной социальной проблемы.

Интересы ограждения общества от губительного влияния на различные сферы его жизнедеятельности сложившейся в стране крайне неблагоприятной алкогольной обстановки в частности, требуют разработки и превращения в жизнь Федерального Закона, в котором были бы четко определены цели и содержание государственной алкогольной политики, пути и средства реализации этих целей, закона, ориентирующего федеральные органы исполнительной власти и субъектов Российской Федерации на обеспечение уменьшения размеров алкоголизации населения до уровня, устраняющего угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и защиту прав человека, общества и государства от вреда, ущерба и угроз, создаваемых алкоголизацией населения. Этот закон во избежание ранее до-

пускаемых ошибок в подходах к решению данной социальной проблемы должен:

- сформулировать основные принципы федеральной алкогольной политики, главным из которых должна стать приоритетность решения ее социальных задач;

- придать социальную ориентированность государственной политике в сфере производства и оборота алкогольной продукции;

- предусмотреть организацию развернутой системы антиалкогольного воспитания молодежи, обеспечения охраны здоровья граждан от употребления алкоголя и социальную реабилитацию больных алкоголизмом.

- предусмотреть создание правовой основы, необходимой для организационного, финансового и научно-информационного обеспечения государственной алкогольной политики и повышения на этой основе ее эффективности.

С.В. Тернова,

кандидат психологических наук;

Е.А. Мельник

О ПРОГНОЗЕ РАЗВИТИЯ КАДРОВОЙ СИТУАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДО 2005г

В основу прогноза положен анализ долгосрочных тенденций, определяющих как прогностический фон кадровых изменений в органах внутренних дел, так и стратегические перспективы самих этих изменений.

В условиях внутренней нестабильности в России принципиальным и адекватным представляется отнесение всех научных предвидений в сфере названной проблематики к эшелону долгосрочного планирования (а не среднесрочного, что чаще всего имеется в виду общественными науками

применительно к периоду в 5-10 лет). Практически это означает качественную оценку и отказ от количественно-качественной: мы считаем некорректным прогнозирование большинства числовых значений, отказываемся от прагматических социологических технологий и жестких, формализованных методов, более уместных при проверке гипотез и эффективности управленческих решений. Поскольку гибкие методы сбора данных весьма результативны именно в деле выявления социальных проблем мы отдали предпочтение именно им. Выводы настоящего исследования учитывают данные публикаций, в т.ч. вневедомственных; традиционные статистические параметры кадровой ситуации в органах внутренних дел, характеризующие период с 1990г., а также многолетние (1992-1999 гг.) результаты изучения общественного мнения специалистами ВНИИ МВД России.

Поскольку, по данным исследований, коррупция в органах внутренних дел является в настоящее время одной из острых кадровых проблем, фактологической базой прогноза явились результаты анонимного опроса 59 экспертов, 39 из которых являются руководителями крупных коммерческих структур (банковских, охранных, торговых); 20 - ведущими специалистами. Все они являются непосредственными реализаторами контактов этих структур с органами внутренних дел (41 чел. - в прошлом сами сотрудники силовых ведомств, в т.ч. - 35 - бывшие сотрудники органов внутренних дел со стажем свыше 20 лет). В ходе экспертного опроса ставились следующие вопросы: ретроспективный и перспективный анализ коррупционного поведения в органах внутренних дел, его носители и механизмы. На основании совокупности оценки данных (в основу была положена количественная оценка экспертами названных показателей) давалось экспертное заключение.

Прогностический сценарий на ближайшие годы, который представляется наиболее вероятным с учетом всех привлеченных данных, в основных количественных и качественных аспектах таков.

Количество замещенных должностей будет тяготеть к увеличению.

Стабилизация этого показателя, наметившаяся с 1994 г. (особенно среди личного состава милиции), будет нарушена вследствие неблагоприятных процессов на Российском рынке труда, и в первую очередь - безработицы. В ряде регионов речь будет идти уже не о некомплекте, а о конкуренции претендентов на службу. В частности, повысится число лиц, принятых в милицию (этот показатель после резких колебаний 1991-1995 гг. стал более или менее постоянным). Органы внутренних дел окажутся в ситуации выбора, который во многом определит кадровую ситуацию в последующие годы, в том числе такие важнейшие ее показатели, как возраст сотрудников, их образовательный ценз, профессионализм, морально-нравственные устои, соблюдение ими законности.

Главным вектором развития ситуации можно считать более интенсивный, чем в предыдущие годы, приток в органы внутренних дел сотрудников старшего возраста по сравнению с нынешними новобранцами. Так, если за последние 4 года число сотрудников милиции в возрасте до 30 лет остается примерно одинаковым, в обозримой перспективе оно несколько снизится и число сотрудников в возрасте старше 30 лет - возрастет. Намечавшееся же уменьшение числа сотрудников со стажем службы до одного года не только приостановится, но и на какое-то время примет положительное значение. Это произойдет в основном за счет более активного прихода на службу новых сотрудников. При этом они будут из числа ранее нетипичных для МВД социальных категорий.

Первая из них (не по количеству, но по значимости для ведомственной кадровой стратегии) - бывшие военнослужащие, в значительной своей части - выпускники высших военных образовательных учреждений. Сокращение российской армии приведет к тому, что эти лица, ранее не имевшие ни малейшего намерения влиться в ряды МВД, тем не менее вынуждены будут это сделать, ибо силовое ведомство с его вакансиями окажется для них и более привлекательным, и более доступным, нежели коммерция с ее специфическим нравственно-деловым укладом и резко пошат-

нувшимися возможностями трудоустройства или промышленность и сельское хозяйство с их гражданскими устоями и нескорой отдачей. Соответственно эта часть личного состава окажется очень устойчивой (практически все бывшие офицеры, которые придут в МВД до 2001г., останутся служить и в 2005г.). Эти сотрудники внесут в органы многие положительные установки: дисциплинированность, исполнительность, трудолюбие, отчасти и образованность (а значит, через довольно короткий промежуток времени они станут носителями профессионального мастерства). В то же время указанная категория личного состава потребует внимания в том смысле, что проявит склонность к некоторым видам нарушения законности, особенно же - рукоприкладству, в которое практически трансформируются у них негативные традиции нынешней российской казармы с ее дедовщиной и пространностью методов физического принуждения.

Вторая категория вновь поступающих на службу - лица с разносторонним негативным жизненным опытом (близкие к установленному для этих случаев верхнему возрастному пределу). Эти люди в типичном случае попробовали все: и службу в армии, и работу на государственных предприятиях, и коммерческие начинания и т.д. Служба в МВД в условиях кризиса окажется для них последним шансом избежать люмпенизации. Формально являясь подходящими кандидатами на службу (молодыми, здоровыми, законопослушными, имеющими жизненный опыт, а возможно и образование), эти люди способны внести в органы настроение "выживания любой ценой". Они исключительно проницаемы для установок мздоимства, укрывательства и прочих нарушений. Хотя во многих случаях они, с учетом конкуренции, будут получать отказы в приеме на службу, все же для органов внутренних дел окажется ощутимым последствием прихода части из них, и в основном оно будет негативным. Именно за счет этой категории сотрудников в период до 2005г. (но не ближайший) может произойти некоторое увеличение числа уволенных со службы, которое начиная с 1994г. и до нынешнего времени является относительно постоянным. Наиболее при-

емлемые по своим нравственным и деловым качествам сотрудники этой категории при возможности найти источник более высокого дохода, а также при невозможности извлекать из своей службы незаконные доходы будут уходить из органов, поскольку не имеют внутренних установок на правоохранительную деятельность. Иные же со временем будут увольняться: чаще всего по истечении срока контракта, реже - по отрицательным мотивам (поскольку эти лица искушены и осторожны). Можно ожидать, что за счет них не произойдет возрастания показателя уволенных по отрицательным мотивам, который в последние 4 года снижается образом особенно впечатляющим на фоне роста абсолютного числа сотрудников.

Что касается молодежи (вчерашних школьников, студентов и - пока еще - солдат), то они не только сегодня являются, но и во всем прогнозируемом периоде будут являться наиболее предпочтительным кадровым резервом органов внутренних дел. В общем же главными факторами, способными в ближайшие годы осложнить успешность деятельности этих сотрудников, будут следующие:

- невысокий уровень образованности (поскольку часть молодых людей придет на службу либо без дипломов, либо с дипломами полученными на коммерческой основе; уровень же такой платной подготовки низок по сравнению с традициями российского образования);

- низкая общая культура, особенно заметная у представителей молодого поколения, выросшего в условиях, когда, с одной стороны, государство довело финансирование культуры до критических пределов, а с другой стороны, большинство граждан были поставлены в условия выживания, отнюдь не способствующие повышению культурного уровня. Можно поэтому прогнозировать, что в ближайшие годы уровень культуры сотрудников останется столь же низким, в основном за счет молодежи, хотя при этом он будет не ниже такового у их цивилизованных ровесников.

Вместе с тем в целом следует ожидать повышения профессионализма сотрудников органов внутренних дел, что будет обусловлено в основном

двумя факторами: снижением текучести кадров из-за широко распространенной безработицы и ростом внутриведомственных конкурентных начал, обусловленных плотностью штатного заполнения.

В прогностическом плане представляет интерес и **половой аспект кадровой ситуации**. Как известно, число женщин-сотрудниц органов внутренних дел в последние годы возросло (в абсолютном значении), особенно в категории начальствующего состава. В публикациях последних лет можно встретить указания на возрастание роли женщин в системе МВД в ближайшие годы. Однако анализируя все имеющиеся в нашем распоряжении данные, можно утверждать, что этот прогноз не будет соответствовать действительности. Со времен циркуляра НКВД от 1937г., предписывавшего довести долю женщин-сотрудниц до 11%, это число остается стабильным и останется таковым в обозримой перспективе, поскольку существуют объективные ограничения пригодности женщин к службе (по крайней мере, в России с ее социальными условиями, криминогенной обстановкой и общественным менталитетом). Тенденции здесь совершенно иные, и они связаны, в первую очередь, с механизмом вхождения женщин в ведомственную среду. Если в настоящее время, согласно результатам опроса, проведенного ВНИИ МВД России в 1996г., как минимум половина аттестованных женщин приходит на службу по протекции родственников и знакомых, в перспективе, с учетом безработицы вообще и девальвации женского труда в частности, такой процент еще более возрастет. Однако в целом на качестве труда женщин это не скажется, поскольку если сейчас, согласно социологическим данным, для женской части кадрового корпуса нередко характерен меркантилизм в сочетании с профессиональной пассивностью и самоуспокоенностью, то в ближайшем будущем острота конкурентной ситуации на рынке труда, особенно женского, будет стимулировать более творческий подход женщин к службе.

Моральная составляющая кадровой ситуации в ближайшие годы будет определяться всеобщим четким осознанием своей личной ответст-

венности за собственную индивидуальную профессиональную судьбу (а также судьбы своих семей, где многие жены будут безработными) и неспособности государства предоставить сотрудникам весомые социальные гарантии. По имеющимся социологическим данным, абсолютное большинство работников МВД, отвечающих на вопрос о возможных последствиях гибели или увечья при исполнении служебных обязанностей, не надеется на какую-либо существенную помощь семье или себе. Кадровый корпус сейчас, а особенно в ближайшие годы, можно назвать не только полностью лишенным социальных иллюзий, но и склонным к прагматизму и даже цинизму в отношениях с гражданами, коллегами и обществом в целом. В скором будущем также станет ясно, что религиозные ценности, которые активно привлекались в интересах воспитания личного состава в последние годы не способны создать нравственно-деловую архитектуру органов внутренних дел, где неверующие решительно преобладают (что продемонстрировали исследования, проведенные ВНИИ МВД России в последние годы).

Переходя к более детальному прогнозированию самых острых кадровых проблем, с которыми столкнется ведомство, необходимо сказать следующее.

Никакие положительные статистические данные и никакие криминологические прогнозы не могут заслонить проблему коррупции в МВД, которая и останется актуальной до 2005 года. Вместе с тем прогностически значимо и то обстоятельство, что коррупция, по общему мнению экспертов, поразила органы внутренних дел позже, чем многие другие структуры. Время, когда частная собственность оформлялась в мощные политические силы, продуцировало незаконное финансовое вливание прежде всего в иных сферах. Кроме того вплоть до последних 10-15 лет в органах внутренних дел было довольно сильно внутреннее противодействие коррупции и взяточничеству - как в силу воспитательной работы с личным составом, так и в связи с навыками практического контроля за подобными наруше-

ниями закона. В настоящее же время сдерживающие барьеры остались позади, и коррупция, а также мздоимство вне ее превратились в реальность.

По данным исследования, проведенного ВНИИ МВД России, в 1997г. каждый пятый из вновь принятых на службу лиц ведущим мотивом выбора своей профессии прямо называл “возможность иметь дополнительные доходы”.

Перспективы этих процессов таковы. Если новая власть действительно сумеет противостоять коррумпированности общества, она естественно, пойдет на спад. Однако в системе МВД, позже начавшись, эта коррумпированность исчезнет также позже. Очевидно, что простейшее мздоимство (вне коррупции) относительно легко предупредить и пресечь - хотя бы ужесточением контроля, но коррупция (как посягательство на властные полномочия государственного аппарата, подчинение его преступным замыслам) в обозримом будущем (т.е. до 2005 года) станет еще более изощренной, поскольку многие крупные коммерческие проекты можно будет осуществлять особо тщательно продуманным незаконным путем, и должностные лица МВД смогут оказать в этом определенную помощь.

Усилению коррумпированности сотрудников ОВД в ближайшие годы будут способствовать многие социальные факторы, с особой силой преломляющиеся именно в этой профессиональной среде.

В частности, снизится средний возраст сотрудников, а следовательно, практически не останется людей, чье нравственное и деловое становление состоялось еще до начала эпохи меркантилизации. Это связано, среди прочего, с тем, что по данным переписи населения 1989г., имеется “провал” в возрастной группе 25 лет (уменьшение на 29% по сравнению со старшей возрастной группой), что говорит о серьезной деформации возрастной пирамиды (в норме каждая старшая возрастная группа по численности меньше младшей). Таким образом, к 2005 году уже практически не останется “старой гвардии”, возвращенной на антикоррупционных идеалах. Нельзя сказать, что среди этих лиц нет взяточников - есть, элитные и в силу этого са-

мые изощренные; но и прослойка принципиальных людей среди них велика, правда, эксперты уверены, что ближе к пенсионному порогу она убывает.

Итак, к 2005 году руководящие позиции в иерархии МВД займут те сотрудники, которые в середине 90-х годов именовались “молодыми”. Проведенные в 1995г. ВНИИ МВД России социологические изыскания выявили, что многие из названных лиц при выборе профессии руководствовались отнюдь не интересами “борьбы с преступностью”, “принесения пользы обществу”, и т.п., а мотивом достижения социально-материальной стабильности вкупе с пониманием и осознанием своей неготовности занять на социальной лестнице иное место (что, конечно, вполне естественно для нестабильного периода жизни страны). При этом лишь 30% молодых сотрудников выразили надежду, что вся их трудовая жизнь будет связана с органами внутренних дел. В условиях нынешней, а также грядущей безработицы эти люди скорее всего останутся на службе. Но несформированность у них профессиональной самоидентификации, признание вынужденности своего выбора и выраженный меркантилизм существенно повышают риск возникновения установок на мздоимство среди этой категории личного состава (которая к 2005 году приблизится к пику своей карьеры).

Кроме того, среди начальствующего состава МВД в ближайшем будущем продолжится некоторый рост числа лиц с высшим юридическим образованием. Однако он будет происходить также и за счет молодых выпускников негосударственных учебных заведений (эти лица, преимущественно дети удачливых коммерсантов и предпринимателей, изначально были ориентированы на работу в коммерческих структурах, но начавшийся кризис вынудил их пойти на государственную службу). И это закономерно, поскольку из-за недофинансирования государственных учебных заведений получить бесплатное юридическое образование становится все более проблематичным, и эта тенденция еще более усугубится в ближайшие годы. Если в недавнем прошлом среди молодежи были особенно популярны как

экономические, так и юридические специальности, то нынешний развал банковской системы выдвинет именно юридическое образование в ранг наиболее востребованного среди молодежи. Таким образом, в ближайшие годы в милицию все чаще будут приходить отпрыски криминалитета (пусть и имеющего интеллигентный облик). Эти люди внесут в органы внутренних дел традиции своих семей, сколотивших хоть какие-то деньги уже посредством взяток. Навыки мздоимства у таких новобранцев разовьются особенно быстро.

Конечно, не следует полагать, будто в проблеме коррупции среди личного состава важен исключительно “возрастной” срез. Кристаллизация неблагоприятных тенденций идет по ряду направлений, среди которых эксперты особо отмечают следующие. Поиск в условиях материального неблагополучия “внебюджетных источников финансирования” зачастую оборачивается мздоимством. Если, используя занимаемое положение, чиновник получает некое спонсорское вспомоществование в интересах службы, то следующий шаг - обретение по тому же каналу личных благ - вопрос времени. Такая российская актуальность, как самостоятельность регионов (порой замешанная на сепаратистских амбициях и сопряженная с отказом от обязательных отчислений в госбюджет, установление таможенных постов на границах областей и т.д.), продуцирует коррупцию местнического толка. По данным экспертов местнические традиции отечественной жизни и сегодня более чем заметны; в ближайшие же годы из-за недовольства центром может произойти их усиление, а тем самым - дальнейшее упрочение коррумпированности органов внутренних дел.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

УДК 34С52.1.9

Бабаев М.М. Борьба с преступностью как международная проблема. //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 4

Национальная преступность рассматривается в контексте мировых процессов. Преступность любой страны представляет естественную составную часть мировых, глобальных процессов преступности.

УДК 34С35.1

Мазаев Ю.Н. Динамика ценностных ориентаций массового сознания на рубеже XXI века// Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с 21

Резюмируя результаты социологических исследований, в статье анализируются тенденции в изменении ценностных ориентаций массового сознания в постсоветский период

УДК 34С52.1.9

Киселев С.Л. Мировые и региональные тенденции в преступности //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.24

На основе международных статистических данных показаны мировые и региональные особенности с учетом гелиофизического воздействия на организм человека, а также с учетом многочисленных детерминант преступности.

УДК 34С52.1.4

Шестаков А.Д. О причинах возникновения причин преступности //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 33

Рассматриваются существующие в криминологической литературе понятия причин преступности и их сопоставление с теологическим подходом к объяснению первопричины противоправного поведения человека.

УДК 34С52.1.4

Демидов И.Ф. Насилие как доминирующий метод уголовно-процессуального производства//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 45

Рассматриваются проблемы уголовно – процессуального производства в современных условиях, особенности задержания как меры пресечения, а также нарушения законности в деятельности органов уголовного преследования.

УДК 34С35.1

Ситковский А.Л., Бицадзе Э.У., Фортунуч М.В. Россия: виктимологический диагноз //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 52

Анализируются данные криминальной виктимизации в нашей стране за последние годы. Предлагаются меры активизации виктимологических мер воздействия на преступность.

УДК 34С52.1.4

Усцила Р. Институт медиации «жертва преступления - преступник» за рубежом. //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.66

Анализируется, существующий в ряде зарубежных стран, процесс посредничества между жертвой преступления и преступником с целью изучения проблемной ситуации, разрешения конфликта и принятия конструктивного решения.

УДК 34С52.1.4

Дмитриевский Р.С. Виктимологические аспекты экологических преступлений

// Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 89

Рассматривается специфическая деятельность социальных институтов по виктимологической профилактике экологических преступлений. Проводится анализ деспозиции ряда статей нового УК РФ, направленных на предупреждение экологических преступлений с точки зрения общей превенции.

УДК 34С52.1.4

Елисеева Н.В. Понятие рецидива в криминологии //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.103

Исследуется проблема рецидива с позиций криминологической науки. Обобщенно излагаются взгляды различных авторов на криминологический рецидив, дается сравнительный анализ таких понятий как уголовно-правовой, фактический и легальный рецидив, на основе которого делается вывод об их соотношении с криминологическим рецидивом. Автор с учетом избранной позиции дает определение понятия криминологического рецидива.

Ситковский А.Л. Свободные экономические зоны (криминологический аспект)

//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.113

На основе анализа деятельности свободных экономических зон рассматриваются криминогенные последствия их функционирования, а также степень влияния на состояние преступности.

УДК 34С52.1.4

Коновалова Е.А. Коимшиди Г.Ф. Проблемы оценки результатов деятельности МВД, УВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с 129

Приводится анализ существующей методики оценки результатов деятельности МВД, УВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Указаны основные недостатки данной методики и предложены пути их устранения.

УДК 34С35.1.9

Черникова И А. Влияние предкриминального поведения на совершение корыстных преступлений//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 139

Анализируются различные факторы, влияющие на переход от предпреступного поведения к преступному. Также выделяются главные факторы – определяющие природу преступлений - и второстепенные, которые ускоряют или замедляют совершение преступления.

УДК 34С52.1.4

Исаенкова Т.Н. Уголовно – правовая характеристика убийств, сопряженных с разбоем и вымогательством //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 148

Рассматриваются составы убийств, сопряженных с разбоем и вымогательством, а также особенности их квалификации, ограниченно от составов других преступлений

УДК 34С52.1.4

Коимшиди Г.Ф., Коновалова Е.А., Шестаков А.Д. Проблемы доверия к регистрируемой преступности //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 156

Рассматриваются особенности регистрации преступлений в органах внутренних дел. Раскрывается специфика учета происшествий. Анализируется практика «игры» на учетно-регистрационных показателях преступности.

УДК 34С52.1.9

Денисов А.В., Коимшиди Г.Ф., Бицадзе Э.У. Региональный анализ преступлений, связанных с насилием //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.172

На основе статистических данных за последние десять анализируется состояние насильственной преступности в России и в отдельных регионах, имеющих наибольшие и наименьшие значения данного вида противоправного деяния.

УДК 34С52.1.4

Толкаченко А.А. Уголовно – правовые аспекты усиления борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 190

Рассматривается уголовно-правовой аспект проблемы неуставных правил взаимоотношений между военнослужащими, анализируется раздел XI УК РФ в целом.

УДК 34С35.1

Мазаев Ю.Н. Общественное мнение о деятельности милиции. Предмет исследования //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.197

Анализируются методологические и методические проблемы, определяющие предметную область изучения общественного мнения о деятельности милиции. Предпринимается попытка осмысления реального знания, полученного в результате опросов населения, его гносеологической и практической ценности.

УДК 34С35.1

Камаев Б. Г. Граждане о милиции и проблемах ее деятельности (особенности социологического мониторинга) //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.207

Рассматриваются методические аспекты особенностей изучения общественного мнения о деятельности милиции, организованного на мониторинговой основе в системе МВД, а также некоторые содержательные интерпретации данных исследований, проведенных с 1992 г. по настоящее время.

УДК 34С35.1

Винокуров С.И., Яковлев О.В. Уровни и направления использования результатов изучения мнения населения о деятельности ОВД //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.219

На основе имеющейся практики на федеральном и региональном уровнях рассматриваются направления и формы использования результатов изучения общественного мнения о деятельности ОВД.

УДК 34С35.1

Мельник Е.А. Влияние общественных объединений на формирование позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 229

На основе экспертных опросов, проведенных автором среди различных категорий сотрудников ОВД и представителей общественных объединений, в статье затрагиваются вопросы: выявления роли общественных объединений в формировании общественного мнения, о деятельности ОВД. Анализируется степени готовности и потенциальные возможности общественных объединений и ОВД в формировании позитивного общественного мнения населения о деятельности органов внутренних дел.

УДК 34С35.1

Антоньев А.Л. Наиболее типичные и значимые ошибки, при изучении общественного мнения о деятельности органах внутренних дел //Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.238

Анализируется опыт изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел согласно приказу МВД России от 4 июня 1997 г. №337, рассматриваются наиболее распространенные ошибки в процессе мониторинга и даются рекомендации по их недопущению.

УДК 34С35.1

Ребрий В.А. Влияние вида источников на информированность москвичей о деятельности милиции и на их оценку этой деятельности//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 242

На основе данных массового анкетного опроса населения г. Москвы исследуется влияния вида источника информации (телевидение, газеты, беседы со знакомыми и т.п.) на информированность населения и на его оценку деятельности милиции города, представлена количественная (статистическая) модель такого влияния. В научный оборот вводится эмпирический материал по данному вопросу

УДК 34С52.1.4

Михлин А.С. Гендерные проблемы уголовно-исполнительного законодательства // Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с.254

Анализируется гендерное равновесие в действующем уголовно-исполнительном законодательстве. На основе проведенного анализа предлагается внести некоторые изменения в действующее законодательство.

УДК 34С52.1.9

Заиграев Г.Г. Общественное мнение как средство воздействия на государственную алкогольную политику // Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 272

Анализируются особенности современной алкогольно-криминальной ситуации в России, степень влияния на ее динамику различных факторов, в том числе общественного мнения.

УДК 34С35.1

Тернова С.В. Мельник Е.А. О прогнозе развития кадровой ситуации в органах внутренних дел до 2005г.//Преступность и общество: Сб. науч. трудов, - М.: ГУ ВНИИ МВД РОССИИ, 2000 с. 283

На основе анализа статистических параметров кадровой ситуации в органах внутренних дел и результатов изучения общественного мнения, в том числе экспертов, в статье дается прогностический сценарий до 2005 года, касающийся замещения вакантных должностей в ОВД и моральной составляющей кадровой ситуации.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабаев М.М. Борьба с преступностью как международная проблема.....	4
Мазаев Ю.Н. Динамика ценностных ориентаций массового сознания на рубеже XXI века.....	21
Киселев С.Л. Мировые и региональные тенденции в преступности.....	24
Шестаков А.Д. О причинах возникновения причин преступности.....	33
Демидов И.Ф. Насилие как доминирующий метод уголовно-процессуального производства.....	45
Ситковский А.Л., Бицадзе Э.У., Фортунч М.В. Россия: виктимологический диагноз.....	52
Усцила Р. Институт медиации "жертва преступления – преступник" за рубежом.....	66
Дмитриевский Р.С. Виктимологические аспекты экологических преступлений.....	89
Елисева Н.Е. Понятие рецидива в криминологии.....	103
Ситковский А.Л. Свободные экономические зоны (криминологический аспект).....	113
Коновалова Е.А. Коимшиди Г.Ф. Проблемы оценки результатов деятельности МВД, УВД в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.....	129
Черникова И.А. Влияние предкриминального поведения на совершение корыстных преступлений.....	139
Исаенкова Т.Н. Уголовно – правовая характеристика убийств, сопряженных с разбоем и вымогательством.....	148
Коимшиди Г.Ф., Коновалова Е.А., Шестаков А.Д. Проблемы доверия к регистрируемой преступности.....	156
Денисов А.В., Бицадзе Э.У., Коимшиди Г.Ф., Региональный анализ преступлений, связанных с насилием.....	172
Толкаченко А.А. Уголовно-правовые аспекты усиления борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.....	190
Мазаев Ю.Н. Общественное мнение о деятельности милиции. Предмет исследования.....	197
Камаев Б. Г. Граждане о милиции и проблемах ее деятельности (особенности социологического мониторинга).....	207
Винокуров С.И., Яковлев О.В. Уровни и направления использования результатов изучения мнения населения о деятельности ОВД.....	219
Мельник Е.А. Влияние общественных объединений на формирование позитивного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.....	229
Антоньев А.Л. Наиболее типичные и значимые ошибки, при изучении общественного мнения о деятельности органах внутренних дел.....	238
Ребрий В.А. Влияние вида источников на информированность москвичей о деятельности милиции и на их оценку этой деятельности.....	242
Михлин А.С. Гендерные проблемы уголовно-исполнительного законодательства... ..	254
Заиграев Г.Г. Общественное мнение как средство воздействия на государственную алкогольную политику.....	272
Тернова С.В., Мельник Е.А. О прогнозе развития кадровой ситуации в органах внутренних дел до 2005г.....	283

План ВНИИ, 2001, поз. 5

ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

Сборник научных трудов №__
Государственное учреждение
Всероссийский научно-исследовательский
Институт МВД России

Редактор Е.А. Кохова
Технический редактор _____
Корректоры _____
Компьютерная верстка _____

Сдано в набор _____	Формат _____	Подписано в печать _____ -	
Т – 500 экз.		Печ. л. __	Усл. печ. л. _____.
Уч.- изд.л. _____	Заказ _____		Цена договорная

Издатель: ГУ ВНИИ МВД России
121806, Москва, ул. Поварская, 25

Щербинская типография
142002, Москва, ул. Типографская, 10